

ISSN 2072-8522
ISSN (online) 2310-7278

Вестник

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия *Русская филология*

АКТУАЛЬНЫЕ ТРАНСПОНИРОВАННЫЕ ФОРМЫ ИМЕНИ
СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО (СЕМАНТИКА СОСТОЯНИЯ)

НЕКОТОРЫЕ ПРОДУКТИВНЫЕ СПОСОБЫ
ТРАНСФОРМАЦИИ КОМПАРАТИВНЫХ
ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

ЯВЛЯЮТСЯ ЛИ ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ
ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИМ РАЗРЯДОМ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО?

ДВА ВЗГЛЯДА НА ТРУД ЧЕЛОВЕКА ИЗ РАЗНЫХ ЭПОХ
(«КАМЕНЩИК» В. Я. БРЮСОВА И «КАМЕНЩИК» А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА)

2021 / № 2

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8522 (print)

2021 / № 2

ISSN 2310-7278 (online)

серия

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

«Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по следующим научным специальностям: 10.01.01 – Русская литература; 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья; 10.02.01 – Русский язык.

The peer-reviewed journal was founded in 1998

«Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian philology» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into “the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a PhD Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation) in Philological Sciences: 10.01.01 – Russian literature; 10.01.03 – Literature of the peoples of foreign countries; 10.02.01 – Russian language.

ISSN 2072-8522 (print)

2021 / № 2

ISSN 2310-7278 (online)

series

RUSSIAN PHILOLOGY

BULLETIN
OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

Учредитель журнала «Вестник Московского государственного областного университета.

Серия: Русская филология»:

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области

Московский государственный областной университет

Выходит 5 раз в год

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Шаповалова Т. Е. — д-р филол. наук, проф., МГОУ

Заместитель главного редактора серии:

Герасименко Н. А. — д-р филол. наук, проф., МГОУ

Ответственный секретарь серии:

Леденёва В. В. — д-р филол. наук, проф., МГОУ

Члены редакционной коллегии:

Аврамова В. Н. — доктор филологии, проф., Шуменский университет имени Епископа Константина Преславского (Республика Болгария);

Алексеева Л. Ф. — д-р филол. наук, проф., МГОУ;

Аношкина В. Н. — д-р филол. наук, проф., заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Воропаев В. А. — д-р филол. наук, проф., МГУ имени М. В. Ломоносова;

Гусман Т. Р. — д-р филол. наук, проф., Гранадский университет (Испания);

Киселёва И. А. — д-р филол. наук, проф., МГОУ;

Колларова Э. — доктор философии, проф., Католический университет в Ружомберке (Словакия);

Копосов Л. Ф. — д-р филол. наук, проф., МГОУ;

Моторин А. В. — д-р филол. наук, проф., Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого;

Нагорный И. А. — д-р филол. наук, проф., Цзилиньский университет (Китайская Народная Республика);

Норман Б. Ю. — д-р филол. наук, проф., Белорусский государственный университет (Республика Беларусь);

Петров А. В. — д-р филол. наук, проф., Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (г. Архангельск);

Рацибурская Л. В. — д-р филол. наук, проф., Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского;

Супрун В. И. — д-р филол. наук, проф., Волгоградский государственный социально-педагогический университет;

Титаренко Е. Я. — д-р филол. наук, доц., Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского;

Шаталова О. В. — д-р филол. наук, проф., МГОУ;

Шеншина В. А. — д-р филол. наук, науч. сотр., Хельсинкский университет (Финляндия);

Щедрина Н. М. — д-р филол. наук, проф., МГОУ

ISSN 2072-8522 (print)

ISSN 2310-7278 (online)

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология» — печатное издание, публикующее статьи по языкознанию (лексико-грамматический строй русского языка, язык художественной литературы); литературоведению (исследование творчества русских и зарубежных писателей, сопоставительный анализ их произведений).

Журнал адресован учёным, преподавателям, докторантам, аспирантам и всем, кто интересуется достижениями филологической науки.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС 77 - 73348.

Индекс серии «Русская филология»
по Объединённому каталогу «Пресса России» 40718

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), с августа 2017 г. на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. — 2021. — № 2. — 122 с.

© МГОУ, 2021.

© ИИУ МГОУ, 2021.

Адрес Отдела по изданию научного журнала «Вестник Московского государственного областного университета»

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

**Founder of journal «Bulletin of the Moscow Region State University.
Series: Russian Philology»
Moscow Region State University**

————— Issued 5 times a year —————

Editorial board

Editor-in-chief:

T. Ye. Shapovalova — Dr. Sci. (Philology), Professor, MRSU

Deputy editor-in-chief:

N. A. Gerasimenko — Dr. Sci. (Philology), Professor, MRSU

Executive secretary of the series:

V. V. Ledeneva — Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, MRSU

Members of Editorial Board:

V. N. Avramova — Doctor of Philological sciences, Professor, University of Shumen Bishop Konstantin of Preslav (Bulgaria);

L. F. Alekseyeva — Dr. Sci. (Philology), Professor, MRSU;

V. N. Anoshkina — Dr. Sci. (Philology), Professor, honored science worker of the Russian Federation;

V. A. Voropayev — Dr. Sci. (Philology), Professor, Lomonosov Moscow State University;

R. Guzmán Tirado — Dr. Sci. (Philology), Professor, University of Granada (Spain);

I. A. Kiseleva — Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, MRSU;

E. Kollarova — Dr. Sci. (Philology), Professor, Catholic University in Ruzomberok (Slovakia);

L. F. Kopusov — Dr. Sci. (Philology), Professor, MRSU;

A. V. Motorin — Dr. Sci. (Philology), Professor, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University;

I. A. Nagorny — Dr. Sci. (Philology), Professor, Jilin University (China);

B. Yu. Norman — Doctor of Philological sciences, Professor, Belorussian State University (Belarus);

A. V. Petrov — Dr. Sci. (Philology), Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk);

L. V. Ratsiburskaya — Dr. Sci. (Philology), Professor, N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod;

V. I. Suprun — Dr. Sci. (Philology), Professor, Volgograd State Socio-Pedagogical University;

E. Y. Titarenko — Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky;

O. V. Shatalova — Dr. Sci. (Philology), Professor, MRSU;

V. A. Shenshina — Doctor of Philological sciences, Helsinki University (Finland);

N. M. Shchedrina — Dr. Sci. (Philology), Professor, MRSU

ISSN 2072-8522 (print)

ISSN 2310-7278 (online)

The reviewed scientific journal "Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology" is a printed edition that publishes articles on linguistics (lexicogrammar system of the Russian language, the language of literature); literature study (study of the works of Russian and foreign writers, a comparative analysis of their works).

The journal is addressed to scientists, teachers, doctoral students, PhD students and all those interested in the achievements of philological science.

The series «Russian Philology» of the Bulletin of the Moscow Region State University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № 0С 77 - 73348.

Index series «Russian Philology» according to the union catalog «Press of Russia» 40718

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), and from August 2017 on the platform of the Scientific Electronic Library "CyberLeninka" (<https://cyberleninka.ru>), as well as at the site of the Moscow Region State University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow Region State University» is obligatory. Scientific publication of materials is carried out in accordance with the license of Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author. Manuscripts are not returned.

Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology. — 2021. — № 2. — 122 p.

© MRSU, 2021.

© Moscow Region State University Editorial Office, 2021.

The Editorial Board address:

Moscow Region State University

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phone: (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- Волкова С. Н.** Лексико-семантические средства речевой агрессии в телевизионном дискурсе. 6
- Константинов Е. С.** Описательный глагольно-именной оборот: семантика, структура, функционирование (на материале «Повести временных лет») 22
- Куличева Е. В.** Слова с корнем *-мал-* в диалогии Ф. А. Вигдоровой «Семейное счастье», «Любимая улица» (на примере слов *малый, немалый, маленький, немаленькая, малыш, малолетство, малолетний*) 30
- Милованова М. С., Хуан Яньюй.** Актуальные транспонированные формы имени существительного (семантика состояния) 40
- Огольцева Е. В.** Некоторые продуктивные способы трансформации компаративных фразеологизмов 51
- Шарандин А. Л.** Являются ли имена собственные лексико-грамматическим разрядом существительного? 68

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Глухова Н. И., Щедрина Н. М.** Два взгляда на труд человека из разных эпох («Каменщик» В. Я. Брюсова и «Каменщик» А. И. Солженицына). 78
- Гребенищikov Ю. Ю.** Роль и функции предметной детали в охотничьих записках И. С. Тургенева и С. Т. Аксакова 84
- Коришнунова Е. А.** Особенности формирования эстетических взглядов С. Н. Дурылина: модернистские «структуры повседневности» и советский контекст. 90
- Сорока С. Н.** Метаморфозы женского образа в цикле стихотворений С. М. Соловьева «Веснянки» (книга «Цветы и ладан», 1907 г.) 97

РЕЦЕНЗИИ

- Ахриева Л. М.** Рецензия на книгу: Е. Бережная. Юрий Тынянов. Энергия формы. Новосибирск, 2019. 276 с. 104
- Пугачёв О. С.** Рецензия на книгу: Страна Бондалетия: сборник памяти Василия Даниловича Бондалетова (1928–2018), российского лингвиста, профессора пензенского государственного университета / сост. Л. С. Кириллова, Е. Ф. Шустикова, Г. М. Кириллов; отв. ред. О. В. Никитин. Пенза: ИП Соколов А. Ю., 2019. 264 с. 107

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Герасименко Н. А.** Интеграция научных знаний в сфере филологического образования . 112

НЕКРОЛОГ

- Никитин О. В.** Когда в душе поэзия звучит... Профессор Лидия Петровна Рупосова (14.06.1941–29.01.2021) 116

CONTENTS

LINGUISTIC STUDIES

- S. Volkova.** Lexical Means of Speech Aggression in Television Discourse. 6
- E. Konstantinov.** Verbal-Nominal Phrases: Semantics, Structure, Functioning
(On the Material of "Primary Chronicle") 22
- E. Kulicheva.** Words with the Root 'мал' in F. Vigdorova "Family happiness", "Favorite street"
(On the example of the Words *малый, немалый, маленький, немаленькая, малыш, малолетство, малолетний*) 30
- M. Milovanova, Huang Yanyu.** Actual Transposed Forms of a Noun (Semantics of the State) . 40
- E. Ogoltseva.** Some Productive Ways of Comparative Phraseological Units Transformation . . . 51
- A. Sharandin.** Are Proper Nouns a Lexico-Grammatical Category of a Noun? 68

LITERARY STUDIES

- N. Glukhova, N. Shchedrina.** Two Looks on Human Labor from Different Ages
(V. Bryusov's "Bricklayer" and A. Solzhitsyn's "Bricklayer") 78
- Yu. Grebenshchikov.** The Role and Functions of the Subject Detail in "Notes of a hunter"
by I. Turgenev and S. Aksakov 84
- E. Korshunova.** Features of the Formation of Aesthetic Views of S. Durylina: Modernist
"Structures of Everyday Life" and the Soviet Context 90
- S. Soroka.** Metamorphoses Of The Female Image In The Cycle Of Poems By S. M. Solovyov
"Vesnyanka" (Book "Flowers And Incense", 1907) 97

REVIEW

- L. Akhrieva.** Review Of The Book: E. Berezhnaya. Yuri Tynyanov. Energy Of Form.
Novosibirsk, 2019.276 P. 104
- O. Pugachev.** Review Of The Book: Country Of Bondaletiya: Collection In Memory Of Vasily
Danilovich Bondaletov (1928–2018), Russian Linguist, Professor At Penza State University /
Comp. L. S. Kirillova, E. F. Shustikova, G. M. Kirillov; Otv. Ed. O. V. Nikitin. Penza:
Ip Sokolov A. Yu., 2019.264 P.

SCIENTIFIC LIFE

- N. Gerasimenko.** Integration of Scientific Knowledge in the Field of Philological Education . . . 112

OBITUARY

- O. Nikitin.** When Poetry Resounds in My Soul ... Professor Lidia Petrovna Ruposova
(14.06.1941–29.01.2021) 116

УДК 811.161.1'373.2

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-2-6-21

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА РЕЧЕВОЙ АГРЕССИИ В ТЕЛЕВИЗИОННОМ ДИСКУРСЕ

Волкова С. Н.

Московский государственный лингвистический университет

119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38/1, Российская Федерация

Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина

117485, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 6, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Выявить лексико-семантические средства, участвующие в создании речевой агрессии в телевизионном дискурсе; определить ядерные и периферийные компоненты лексической системы речевой агрессии в жанре ток-шоу и провести подробный анализ ядерных и околоядерных лексем; сделать выводы о словоупотреблении при речевой агрессии.

Процедура и методы. Обобщён практический опыт. Достижению цели послужили методы исследования словарных дефиниций и лексикографических помет, стилистического анализа, полевого моделирования. Применялась также статистическая обработка исследуемого языкового материала. Материалом являются лексико-семантические средства, выражающие речевую агрессию, выбранные из выступлений участников ток-шоу.

Результаты. Проведённый анализ показал, что ядерными конститuentами лексической системы речевой агрессии в жанре ток-шоу являются оценочная, разговорная, просторечная лексика, жаргонизмы, негативно окрашенные фразеологизмы. В околоядерную зону входят бранная лексика (инвектива) и метафора. К периферии этой системы относятся окказионализмы, иноязычная лексика, имена собственные и др. Для агрессивных речевых актов жанра ток-шоу характерна эмоциональная, эксплицитная оценка. Типом жаргона, преобладающим в агрессивной речи в теледебатах, является общий жаргон (основу которого составляет жаргон уголовный). У инвективной и грубо-просторечной лексики намерение оскорбить или унижить адресата речи или третье лицо проявляется в разной степени: использование просторечия ведёт к повышению экспрессивности речи, оценочности, свидетельствует об имплицитной агрессии; инвектива используется специально, чтобы оскорбить, унижить собеседника. Наблюдается зависимость состава лексики агрессивного высказывания от типа речевого акта.

Теоретическая и/или практическая значимость. Обобщён новый материал по исследуемой теме. Полученные результаты исследования могут быть использованы в вузовских спецкурсах по теории и практике речевого воздействия, на практических занятиях по анализу и интерпретации текста. Кроме того, материалы могут использоваться в преподавании русского языка как иностранного: при обучении способам распознавания и интерпретации агрессии в речевой коммуникации.

Ключевые слова: речевая агрессия, речевой акт, оценочная, разговорная, просторечная, инвективная лексика, жаргонизм, фразеологизм, метафора, телевизионный дискурс, ток-шоу

LEXICO-SEMANTIC MEANS OF SPEECH AGGRESSION IN TELEVISION DISCOURSE

S. Volkova

Moscow State Linguistic University

38/1, ul. Ostozhenka, Moscow 119034, Russian Federation

Pushkin State Russian Language Institute

6, ul. Akademika Volgina, Moscow 117485, Russian Federation

Abstract

Aim. To identify the lexical and semantic means involved in the creation of speech aggression in the television discourse; to identify the frequency and peripheral components of the lexical system of speech aggression in the genre of talk shows and to conduct a detailed analysis of frequent and less frequent lexemes; to draw conclusions about the use of words in speech aggression.

Methodology. Methods of research of dictionary definitions and lexicographic lists, stylistic analysis, and field modeling served to achieve the goal. Statistical processing of the studied language material was also used. The material is lexical and semantic means that express speech aggression, selected from the speeches of the talk show participants.

Results. The analysis showed that the frequency constituents of the lexical system of speech aggression in the genre of talk shows are evaluative, colloquial, colloquial vocabulary, jargon, negatively colored phraseological units. The near-frequency zone includes expletive language (invective) and metaphor. The periphery of this system includes occasional words, foreign language vocabulary, proper names. Aggressive speech acts of the talk show genre are characterized by an emotional, explicit assessment. The type of jargon that prevails in an aggressive speech in TV debates is general jargon (which is based on criminal jargon). The intention to insult or humiliate the addressee of the speech or a third person is manifested in different degrees in invective and rough-colloquial vocabulary: the use of colloquial language leads to an increase in the expressiveness of speech, evaluativeness, indicates implicit aggression; invective is specifically used to insult, humiliate the interlocutor. There is a dependence of the composition of the vocabulary of an aggressive utterance on the type of speech act.

Research implications. The obtained research results can be used in university special courses on the theory and practice of speech influence in practical classes on the text's analysis and interpretation. The materials can also be used in teaching Russian as a foreign language: in teaching methods of recognizing and interpreting aggression in speech communication.

Keywords: speech aggression, evaluative, colloquial, invective vocabulary, metaphor, TV discourse, talk show

Введение

Агрессия в коммуникации в настоящее время является объектом пристального внимания исследователей различных научных направлений: психологии, социологии, философии, культурологии, коммуникативной лингвистики, прагмалингвистики, эколлингвистики и др. Этот интерес обусловлен тем, что к началу XXI в. агрессивное речевое поведение проникает во все сферы жизнедеятельности: в бытовую и профессиональную коммуникацию, в политику, экономику, рекламу,

СМИ, художественную литературу, что, несомненно, препятствует гармоничному и эффективному общению. Агрессивность и вульгаризация речи являются следствием «демократизации» языка, игнорирования литературной нормы, низкой речевой культуры современного общества, препятствуют эффективному взаимодействию, толерантному отношению к другим коммуникантам [2]. «Необходимость исследования этой проблемы обусловлена её включённостью в социальный контекст, т. к. именно общество выполняет функ-

цию регулятора разнообразных проявлений данного феномена» [5, с. 49].

Изучение речевой агрессии началось в работах по исследованию политического дискурса [11; 27]. Исследователи рассматривают речевую агрессию в аспекте коммуникативного поведения [19; 3]; как социолингвистическое явление [26]. Анализируется агрессия в повседневной [6] и не прямой коммуникации [14], в поликодовых текстах [13]. Существуют отдельные работы, посвящённые речевой агрессии в СМИ [15; 17; 4]. Ю. В. Щербинина рассматривает вербальную агрессию с точки зрения педагогического дискурса [28; 29]. Об интересе к речевой агрессии свидетельствует повышенное внимание исследователей к исследованию бранной (обценной) лексики [8; 9]. Речевая агрессия активно изучается зарубежными исследователями [30].

В современной лингвистике отсутствует однозначная трактовка термина «речевая агрессия», поскольку отсутствует единый подход к изучению данного феномена. Наряду с вышеуказанным словосочетанием в современных лингвистических исследованиях используются другие, такие как *языковая агрессия*, *вербальная агрессия*, *коммуникативная агрессия* и др. Речевая агрессия трактуется как «использование языковых средств для выражения неприязни, враждебности, манера речи, оскорбляющая чьё-либо самолюбие, достоинство» [24, с. 340]; «неаргументированное или вовсе или недостаточно аргументированное открытое или скрытое вербальное воздействие на адресата, имеющее целью изменение его личностных установок или поражение в полемике» [21, с. 10]; «осуществляемое средствами языка воздействие на сознание адресата, а именно явное и настойчивое навязывание собеседнику (читателю) определённой точки зрения, лишаящее его выбора и возможности сделать собственный вывод, самостоятельно проанализировать факты» [1, с. 96]; «вербальное выражение отрицательных эмоций, чувств или намерений в неприемлемой в данной речевой ситуации фор-

ме» [28, с. 94]. Таким образом, под речевой агрессией мы будем понимать форму вербального воздействия, грубое, оскорбительное, обидное общение, оскорбляющее собеседника, лишаящее его возможности иметь свою точку зрения.

В данном исследовании мы рассматриваем речевую агрессию в телевизионном дискурсе (на материале ток-шоу – популярного и динамично развивающегося формата современного телевидения). Агрессивное речевое поведение в процессе коммуникативного взаимодействия спикеров является одной из тенденций телевизионных СМИ. В частности, коммуникативное поведение ведущего ток-шоу «характеризуется изначальной установкой на конфликтность или настроенностью против конкретных партнёров по общению, которая сохраняется на протяжении всего выпуска передачи. В политических ток-шоу в роли объекта словесного третирувания обычно выступают идеологические противники правящего политического режима в России. Это могут быть конкретные зарубежные политики, иностранные государства и их экономические и политические объединения, а также «внутренние враги» из числа гостей студии. Их дискредитация становится глобальным коммуникативным намерением ведущего» [25, с. 146]. Анализ научных работ показал, что, несмотря на массовость в современном мире анализируемого явления, в науке до сих пор отсутствует системное описание средств речевой агрессии в телевизионном дискурсе.

В речи агрессия может проявляться на лексическом, грамматическом и текстовом уровнях. Цель нашего исследования – выявить лексико-семантические средства, участвующие в создании речевой агрессии в телевизионном дискурсе; определить ядерные и периферийные компоненты лексической системы речевой агрессии в жанре ток-шоу и провести подробный анализ ядерных и окооядерных лексем; сделать выводы о словоупотреблении при речевой агрессии. Достижению цели послужили методы исследования словарных

дефиниций и лексикографических помет, стилистического анализа, полевого моделирования. Применялась также статистическая обработка исследуемого языкового материала. Материалом являются лексико-семантические средства, выражающие, на наш взгляд, речевую агрессию (в количестве 205 языковых единиц), выбранные нами из выступлений участников современных российских телевизионных ток-шоу («Время покажет» и «Вечер с Владимиром Соловьёвым»).

Результаты исследования

Исследователи отмечают, что в настоящее время значительно активизировалось употребление слов с компонентом оценки в политическом дискурсе и в СМИ [22, с. 110]. Объединённая оценочной семантикой, такая лексика выражает положительное или отрицательное отношение автора к содержанию речи. Оценочные и эмоциональные компоненты значения существенно меняют смысловую доминанту слова [18, с. 159]. Среди оценочной лексики частотны слова, исполняющие атрибутивную роль в высказывании.

Проведённый нами анализ показал, что **оценочная лексика** (в нашем исследовании – 48 языковых единиц) является одним из самых распространённых средств речевой агрессии в телевизионном дискурсе, например: *ложь, фейк, чушь, позор, преступление, лгать, юлить, идолопоклонство, пресмыкательство, безумец, торгаш, сволочь, болтовня, неудачный, смешотворно, псевдооппозиция, псевдо-СМИ, конченный мерзавец* и др. Слова с пейоративной (неодобрительной) оценкой, обладая отрицательной экспрессивно-эмоционально-оценочной коннотацией, часто являются одним из способов оскорбления, издёвки, иронии, выражения неодобрительного отношения. Рассмотрим пример.

*«Всё накладывается на **глубокое невежество** американской аудитории. Поймите, русский читатель, он такой, сякой, но он критичен, он самокритичен, он пытается анализировать, а они вообще*

*ничего не знают, они где Москва-то не знают находится, большинство американских читателей. И сейчас, естественно, это **невежество** используется, а если работают на аудиторию **невежественную**, зачем качественный материал готовить, ну на хрена выкладывать, когда и за некачественный дают Пулитцеровскую премию»* (В. Третьяков, «Вечер с Владимиром Соловьёвым», 05.05.2020).

Как видим, автор даёт свою, негативную, оценку анализируемому явлению (американской аудитории), не заботится о её убедительной аргументации, настойчиво пытается сформировать отрицательное отношение слушателей к американцам, для чего используется повтор оценочных слов / однокоренных слов **невежество, невежество, невежественную** (*невежественный* – «необразованный, малосведущий»¹; *невежество* – «отсутствие знаний, необразованность, неосведомлённость в чем-либо»²). Экспрессия усиливается использованием прилагательного: **глубокое невежество**. Общий неодобрительный тон высказывания, формируемый за счёт употребления оценочной (негативной) лексики, усиливается использованием местоимённого наречия *на хрена* («с какой целью, для чего, зачем»³), отмеченного в словаре пометой грубо-просторечное. Неодобрительное отношение к предмету речи подчёркивается оппозицией, в состав которой входит гипербола: *«русский читатель ...он критичен, он самокритичен, он пытается анализировать, а они вообще ничего не знают, они где Москва-то не знают находится...»*.

Исследователи выделяют различные типы оценки: эмоциональную и рациональную, эксплицитную и имплицитную и др. Эмоциональная оценка представляет

¹ Словарь русского языка: в 4 т. Т. 2 [Электронный ресурс] / под ред. А. П. Евгеньевой. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/MAS-abc/14/ma242422.htm> (дата обращения: 01.02.2021).

² Там же.

³ Жуков В. П., Сидоренко М. И., Шкляров В. Т. Словарь фразеологических синонимов русского языка: около 730 синоним. рядов / под ред. В. П. Жукова. М.: Русский язык, 1987. С. 327.

собой непосредственную реакцию на объект, характеризуется экспрессивностью, проявляется на уровне чувств, эмоций говорящего, а не на уровне логического суждения. Рациональная оценка опирается на социальные стереотипы и выражается оценочным суждением [24, с. 140]; в её основе лежит логическое начало, интеллектуальный анализ субъекта оценки по шкале «хорошо / плохо», с учётом социальных норм (см. приведённый выше пример о невежестве американцев). Средствами выражения эксплицитной оценки на лексико-семантическом уровне являются слова и фразеологические единицы с соответствующей коннотацией. Имплиcitная оценка выражается при помощи особой текстовой организации, включающей в себя разного рода намёки и ассоциации. Наш анализ показал, что теледебатам как жанру свойственна эмоциональная, эксплицитная оценка, например: *гнилой пафос, административное разгильдяйство, кровавый преступник, нагло врёт, гадкая и мерзкая ложь* и др., поскольку «открытая оценочность речи особенно ярко проявляется в полемике, в критике противоположного мнения, в различных оценках освещаемых событий» [24, с. 143].

Разговорной лексикой являются «слова с разговорной стилистической окраской, выделяющиеся на фоне нейтральной и книжной лексики. Разговорные слова подобного типа допустимы в известных пределах в литературной речи, их вводят в книжно-письменную речь» [10, с. 224]. В ток-шоу нами была выявлена и проанализирована разговорная лексика, которую можно квалифицировать как средство создания речевой агрессии, в количестве 33 языковых единиц. В телевизионном дискурсе разговорная лексика выполняет оценочную функцию и зачастую делает речь довольно агрессивной, например: *майданутый, непонятка, торгош, дурак, идиотский, врать, враньё, чушь, разгильдяйство* и др. С одной стороны, уместное употребление разговорной лексики способствует «интимизации» речи, делает речь яркой, эмоциональной, выразительной. Это обеспечивает полно-

ценное восприятие речи слушателем, помогает успешнее воздействовать на массового адресата. Но, с другой стороны, приближение речи телеведущего или участников теледискуссии к стилю бытовой речи часто может восприниматься как неуважение к участникам дискуссии, проявление плохого языкового вкуса:

«...по поводу дистанционного обучения. Ну, конечно, у нас огромное количество чиновников от образования после вот этой двадцати лет этой неудачной, **идиотской** реформы образования, они воодушевились тем, что они теперь с помощью цифровых сервисов будут учить детей дистанционно через зум. Да? Ничего этого не будет, пусть успокоятся, те, кто так думают, пусть готовятся на пенсию идти» (П. Толстой, «Время покажет», 11.05.2020).

Разговорное прилагательное *идиотский*, означающее «свойственный идиоту, дурацкий, нелепый», происходит от просторечного лексико-семантического варианта *идиот* – «дурак, болван, тупица», использующегося в качестве бранного¹. В приведённом высказывании прилагательное *идиотский* выполняет атрибутивную функцию и является лишь одним из средств создания негативной оценки и агрессивности высказывания. Наряду с ним используется оценочное прилагательное *неудачный* – «сопровождающийся неудачами, заканчивающийся неудачей, не принёсший желанных результатов»². Негативное значение устойчивого выражения *чиновники от образования* усиливается экспрессивным сочетанием *огромное количество*; враждебное замечание *пусть готовятся на пенсию идти* подчёркивает агрессивную тональность высказывания.

В современном телевизионном дискурсе часто употребляется сниженная лексика, а именно просторечия и жаргонизмы.

¹ Словарь русского языка: в 4 т. Т. 1 [Электронный ресурс] / под ред. А. П. Евгеньевой. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/09/ma163116.htm> (дата обращения: 05.02.2021).

² Словарь русского языка: в 4 т. Т. 3 [Электронный ресурс] / под ред. А. П. Евгеньевой. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/14/ma248719.htm> (дата обращения: 01.02.2021).

Просторечие – «слова, выражения, формы словообразования и словоизменения, черты произношения, не входящие в норму литературной речи, характеризующиеся оттенком упрощения, сниженности, грубоватости, часто используемые в литературных произведениях и разговорной речи как экспрессивные элементы» [16, с. 394]. В телевизионном дискурсе просторечная лексика (отдельные слова, фразеологические обороты) часто является средством создания речевой агрессии, например: *чё, ржать, дать в морду, заткнуть, изгаляться, раздолбайство, не прокатывает, опаньки, брехня* и др.

«Мне **наплевать** на ваших политиков... Мне **наплевать** на ваших политиков (В. Соловьёв – В. Вакарову, «Вечер с Владимиром Соловьёвым», 05.05.2020). Слово **наплевать**, употребляемое как восклицание, выражающее полное равнодушие, безразличие, в значении «всё равно»¹, является просторечным и делает речь выступающего агрессивной, показывает неуважение к оппонентам.

«Вы понимаете, о чём вы говорите? Вы видели? Вы в руках держали? Вы в руках держали *стадцатимиллиметровый боеприпас*? Не держали? Поэтому **заткнитесь!** Поэтому, поэтому вы не имеете права об этом говорить. Вообще просто замолчите и не говорите на эту тему» (И. Кимаковский, «Время покажет», 06.02.2020). Грубо-просторечный глагол *заткнуться* в значении «замолчать»² выражает грубое требование в категорической, не допускающей оговорок форме. Агрессивность усиливается тем, что требование оформляется как побудительное по цели высказывания и восклицательное по интонации предложение, семантическое ядро которого содержит повелительную форму глагола. Таким образом, грубо-

просторечная лексика часто способствует созданию сильной агрессии. В результате подобного речевого акта может произойти изменение эмоционального состояния коммуникативного партнёра, вызвать у него сильную фрустрацию, чувство унижения, страха и т. п.

Отметим, что просторечные слова, выступающие как языковые единицы, генерирующие речевую агрессию, встречаются приблизительно с той же частотой, что и жаргонизмы, выступающие в аналогичной функции: нами было выявлено 27 просторечных слов и 24 жаргонизма.

Жаргонизмы являются распространённым средством открытой речевой агрессии в телевизионном дискурсе, например: *менты, нацик, раздолбайство, офигеть, на фига, дать в морду* и др.

«Это нормально, когда псевдо-СМИ или разнообразные блогеры находятся на прямой раздаче **бабла** от человека, находящегося в розыске за преступление, совершенное в России?» (В. Соловьёв, «Вечер с Владимиром Соловьёвым», 05.05.2020). Жаргонное слово *бабло*, что значит «деньги», телеведущий употребил для усиления негативной оценки высказывания. Средствами контекста создаётся определённый образ человека криминального плана (совершил преступление, находится в розыске). Жаргонизм *бабло* призван подчеркнуть криминальный характер этого образа, сформировать определённое отношение к характеризуемому лицу в общественном сознании.

«Ну хорошо, давайте **включать дурака**» (В. Соловьёв – Н. Злобину, «Вечер с Владимиром Соловьёвым», 05.05.2020). Глагол *включать/включить кого?* используется в жаргонах в значении «прийти в какое-либо состояние или притвориться каким-либо, например, *включить обиженного – обидеться, включать ботаника – делать серьёзный вид*»³. В данном случае с глаголом *включать* употреблено разговорное слово *дурак* – «глупый, тупой

¹ Словарь русского языка: в 4 т. Т. 3 [Электронный ресурс] / под ред. А. П. Евгеньевой. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/MAS-abc/16/ma313733.htm> (дата обращения: 31.01.2021).

² Словарь русского языка: в 4 т. Т. 1 [Электронный ресурс] / под ред. А. П. Евгеньевой. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/MAS-abc/08/ma158403.htm> (дата обращения: 31.01.2021).

³ Елистратов В. С. Словарь русского арго (Материалы 1980–1990-х гг.): ок. 9000 слов, 3000 идиомат. выражений. М.: Русские словари, 2000. С. 105.

человек»¹ (ср. с одним из значений просторечного фразеологизма *валять* (или *ломать* и т. п.) *дурака* – «дурачиться; притворяться не знающим, не понимающим чего-либо»²).

В. Третьяков: *Журналистика превратилась в массовую профессию, особенно, естественно, с появлением в сети, когда уже себя журналистом может любой называть...*

Соловьёв: *Каждый суслик... агроном* («Вечер с Владимиром Соловьёвым», 05.05.2020).

Словом *агроном*, которое в литературном языке имеет нейтральное значение «специалист по агрономии»³, в жаргоне шутливо называют человека, который старается показать, какой он умный⁴. Такое употребление наряду с использованием для обозначения человека названия животного *суслик* («небольшой степной грызун, семейства беличьих, живущий в норах и приносящий большой вред посевам»⁵) передаёт агрессивность речи говорящего.

Наш анализ показал, что типом жаргона, преобладающим в агрессивной речи в теледебатах, является общий жаргон (основу которого составляет уголовный жаргон), например: *крысятничать, базарить, брать на понт* и др. Как отмечает О. П. Ермакова, «в последние десятилетия XX в. основным источником пополнения жаргона стал арг (блатной язык). В значительной степени это объясняется тем, что язык советской тюрьмы стал достоянием гласности: было снято табу на лагерно-тюремные темы в литературе и кино, а это немедленно нашло отражение в прессе. К сожалению, не приходится отрицать и

фактор заметной криминализации общества» [7, с. IX].

Мы выявили высокую частотность (32 единицы) **фразеологических сочетаний** (в том числе пословиц и поговорок), которые привлекаются говорящими для усиления экспрессивной окраски речи, выражения своего субъективного отношения к содержанию речи или её адресату. Стилистически сниженная фразеология, разговорные и просторечные обороты выражают негативные эмоции автора, делают речь агрессивной.

«Хватит *чушь нести*... Прекратите *нести чушь*» (В. Соловьёв – В. Вакарову, «Вечер с Владимиром Соловьёвым», 05.05.2020). Агрессия выражается в употреблении эмоционально-экспрессивных оборотов, отрицательно характеризующих стиль выступления, содержание речи оппонента: *нести чушь* – «говорить, писать и т. п. глупости»⁶.

Соловьёв: *А чё, целый год вы занимались чем? Ну чё вы делали? Били баклуши? Я хочу понять. Лысого вы точно не гоняли, я его выгнал, он на НТВ пристроился. За год спустил всё коту под хвост, ни черта не сделал, никого не посадил, медицинскую трагедию не остановил.*

Вакаров: *Я могу много изгаляться.*

Соловьёв: *За вашего дурака, который работает... нет, у вас есть безумец, который послом притворяется в Германии, который мочит такие корки.*

Вакаров: *К сожалению, послы наши, в том числе и данный этот экспонат, человек, дипломат, он пиарится. Зачем это обсуждать? Он пустышку гонит, а мы на это должны тратить время?* («Вечер с Владимиром Соловьёвым», 05.05.2020).

Приведённый фрагмент демонстрирует, что большой заряд агрессии несёт в себе использование в одном контексте (причём обоими коммуникантами) нескольких фразеологизмов (включая жаргонные

¹ Словарь русского языка: в 4 т. Т. 1 [Электронный ресурс] / под ред. А. П. Евгеньевой. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/05/ma145302.htm> (дата обращения: 31.01.2021).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Елистратов В. С. Словарь русского арг (Материалы 1980-1990-х гг.): ок. 9000 слов, 3000 идиомат. выражений. М.: Русские словари, 2000. С. 13.

⁵ Словарь русского языка: в 4 т. Т. 4 [Электронный ресурс] / под ред. А. П. Евгеньевой. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/18/ma430917.htm> (дата обращения: 31.01.2021).

⁶ Фразеологический словарь русского языка: свыше 4000 словарных статей / сост. Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Фёдоров; под ред. А. И. Молоткова. 2-е изд., стер. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 276.

и просторечные) с явным отрицательным смыслом, а также содержащих грубую лексику. Рассмотрим значение фразеологизмов, которые передают неодобрительную оценку выступающими деятельности противоположной стороны. Фразеологизм *бить баклуши* – «праздно проводить время, бездельничать».¹ Просторечный фразеологизм *коту под хвост* употребляется обычно, когда говорят о том, что истрачено зря, бесполезно или пропало, о напрасных усилиях²; отметим, что аналогичный фразеологизм *псу (собаке, кобелю) под хвост* в словарях даётся с пометой грубо-просторечное³. Просторечный фразеологизм *ни черта* имеет значение «совсем, совершенно ничего»⁴. Жаргонный фразеологизм *мочить корки* значит «устраивать что-либо необычное, смешное, запоминающееся, яркое, сочное, остроумное, неподражаемое»⁵. Жаргонный фразеологизм *гнать пустышку* – болтать пустое, «лить воду»⁶ (ср. жаргонный фразеологизм *гнать дуру* – «говорить глупости, лгать»⁷). Жаргонный фразеологизм *лысого гонять* – «заниматься онанизмом; бездельничать, заниматься пустым делом» (*лысый* – «мужской половой орган»⁸).

¹ Фразеологический словарь современного русского литературного языка: справочное издание: в 2 т. Т. 1 / под ред. А. Н. Тихонова; сост. А. Н. Тихонов, А. Г. Ломов, А. В. Королькова. М.: Флинта: Наука, 2004. С. 56.

² Русский семантический словарь: толковый слов. систематизир. по классам слов и значений. Т. 1: Слова указующие (Местоимения). Слова именующие: имена существительные (Всё живое. Земля. Космос): 39000 слов и фразеол. выражений [Электронный ресурс] / под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 1998. URL: <http://slovari.ru/search.aspx?s=0&p=3068&di=vsem1&wi=10669> (дата обращения: 31.01.2021).

³ Словарь русского языка: в 4 т. Т. 4 [Электронный ресурс] / под ред. А. П. Евгеньевой. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/22/ma459616.htm> (дата обращения: 31.01.2021).

⁴ Там же.

⁵ Елистратов В. С. Словарь русского арго (Материалы 1980-1990-х гг.): ок. 9000 слов, 3000 идиомат. выражений. М.: Русские словари, 2000. С. 256.

⁶ Там же. С. 386.

⁷ Там же. С. 125.

⁸ Там же. С. 233.

Как видно из примеров, обоюдная агрессивность высказываний, создаваемая за счёт фразеологизмов, усилена контекстом, в котором присутствуют: оценочная (*безумец, притвориться*), разговорная (*пиариться*), просторечная (*изгаляться*) и бранная лексика (*дурак*). Проанализированный фрагмент показывает, что в жанре теледебатов агрессивность речи очень часто формируется использованием различных лексико-семантических средств в одном контексте.

Итак, в жанре ток-шоу оценочная, разговорная, просторечная и жаргонная лексика, а также фразеологизмы чаще всего делают речь агрессивной, т. е. являются ядерными компонентами лексической системы речевой агрессии. Рассмотрим лексико-семантические средства, имеющие меньшую частотность употребления.

Инвективная (бранная) лексика – лексика, использование которой содержит намерение оскорбить, унижить, обесчестить, опозорить адресата речи или третье лицо, причём сделать это в как можно более грубой и циничной форме. К инвективной лексике относятся прежде всего слова и выражения, употребление которых в общении нарушает нормы общественной морали [8, с. 108]. В проанализированных передачах нами выявлено 14 примеров инвективы.

Лицо, использующее инвективное выражение (оскорбляющий), даёт характеристику своего собеседника (оскорбляемого): «Как только вы, **кретины**, дёрнетесь, для вас закончится, и вам это Путин сказал» (В. Соловьёв – В. Вакарову, «Вечер с Владимиром Соловьёвым», 05.05.2020). В качестве обращения используется слово *кретин*, которое в значении «идиот, болван» является разговорным, презрительным, бранным.⁹ В МАС оно квалифициру-

⁹ Русский семантический словарь: толковый слов. систематизир. по классам слов и значений. Т. 1: Слова указующие (Местоимения). Слова именующие: имена существительные (Всё живое. Земля. Космос): 39000 слов и фразеол. выражений [Электронный ресурс] / под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. URL: <http://slovari.ru/default.aspx?s=0&p=235> (дата обращения: 30.01.2021).

ется как просторечное и также отмечается его употребление в качестве бранного слова¹. В связи с употреблением в ближайшем контексте глагола *дёргаться* отметим существование жаргонного фразеологизма *сиди и не дергайся* – «будь скромнее, не выставляй свою персону»².

«Они смотрят на эти решения и думают: ну там сидят какие-то **дебилы**, просто принимающие решения в ущерб интересам людей» (С. Килинкаров, «Вечер с Владимиром Соловьёвым», 05.05.2020). Слово *дебил* помимо использования его в качестве медицинского термина имеет второе значение – «человек с низким уровнем интеллекта, тупица»³; «тупой, несообразительный человек»⁴, в словарях отмечается его использование в качестве бранного слова.

Отметим, что употребление таких средств в речи не только является характеристикой оппонента, выражением неодобрительного отношения к его деятельности, но и определённым образом характеризует самого говорящего.

Нередко в процессе коммуникации, в том числе и в конфликтном дискурсе, включается механизм «отзеркаливания» – собеседник в процессе коммуникации имитирует стиль общения своего собеседника [23, с. 113]. Отзеркаливание может проявляться не только на уровне имитации поведения коммуникантов, но и в повторении отдельных слов, выражений, произнесённых собеседником:

А. Шейнин: *Но ведь **инициативные идиоты** всегда были вирусом, который циркулировал в нашей... так сказать...*

А. Малькевич: *Плюс этой ситуации в том, что мы видим их, они вылезли, все эти **инициативные идиоты** в больших количествах* («Время покажет,» 11.05.2020).

В данном примере отзеркаливается фраза, в состав которой входит просторечное бранное слово *идиот*, одним из значений которого является «дурак, болван, тупица»⁵. Прилагательное *инициативный* имеет значение «обладающий инициативой, предприимчивый, способный к самостоятельным активным действиям»⁶, отметим также существование шутиливо-го выражения *инициатива наказуема*⁷. Употребление бранного слова в таком контексте усиливает экспрессивность высказывания и общую негативную оценку. Всё это способствует нагнетанию агрессивности в речи.

Сравнивая инвективную и грубо-просторечную лексику как средства создания речевой агрессии, отметим, что содержание намерения оскорбить или унижить адресата речи или третье лицо в них проявляется в разной степени, поскольку эти языковые средства различаются функционально. Использование просторечия ведёт к повышению экспрессивности речи, оценочности, эмоциональности, что позволяет говорящему выразить своё субъективное отношение к адресату или содержанию речи. Зачастую также просторечная лексика является средством

¹ Словарь русского языка: в 4 т. Т. 2 / под ред. А. П. Евгеньевой [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/11/ma212816.htm> (дата обращения: 31.01.2021).

² Елистратов В. С. Словарь русского арго (Материалы 1980–1990-х гг.): ок. 9000 слов, 3000 идиомат. выражений. М.: Русские словари, 2000. С. 425.

³ Захаренко Е. Н., Комарова Л. Н., Нечаева И. В. Новый словарь иностранных слов: 25000 слов и словосочетаний [Электронный ресурс]. URL: <http://slovari.ru/default.aspx?s=0&p=232> (дата обращения: 30.01.2021).

⁴ Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. <http://gramota.ru/slovari/info/bts>.

⁵ Словарь русского языка: в 4 т. Т. 1 [Электронный ресурс] / под ред. А. П. Евгеньевой. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/09/ma163110.htm> (дата обращения: 01.02.2021).

⁶ Словарь русского языка: в 4 т. Т. 1 [Электронный ресурс] / под ред. А. П. Евгеньевой. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/09/ma163110.htm> (дата обращения: 01.02.2021).

⁷ Русский семантический словарь: толковый слов. систематизир. по классам слов и значений. Т. 3. Имена существительные с абстрактным значением: Бытие. Материя, пространство, время. Связи, отношения, зависимости. Духовный мир. Состояние природы, человека [Электронный ресурс] / под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. Общество. URL: <http://slovari.ru/search.aspx?s=0&p=3068&di=vsem3&wi=3327> (дата обращения: 31.01.2021).

имплицитной агрессии, её использование «свидетельствует об особом эмоциональном состоянии говорящего: негодовании, раздражении, злорадстве и т. п., т. е. о не явной агрессивности речевого поведения» [15, с. 73]. Употребление инвективы носит стратегический характер, слово выбирается сознательно и предназначается именно для того, чтобы оскорбить собеседника [9, с. 13]; коммуникативной целью оскорбления является умышленное создание автором (инвектором) речи негативного, противоречащего правовым нормам имиджа адресата и нанесение ему тем самым морально-психологической травмы [12, с. 6].

Метафору в лингвистике определяют как процесс, создающий новые значения языковых выражений в ходе их переосмысления. В телевизионном дискурсе метафора является эффективным средством выражения оценки, зачастую негативной: *организационная импотенция, шизофрения, ржать, втаскиваешь повестку, бешие деньги вкатываются, посеяли деньги, псевдооппозиция квакнула* и др. В наших материалах 17 примеров, когда метафора, на наш взгляд, участвует в создании речевой агрессии. Рассмотрим пример:

«Ну вот как атака на Марию Захарову, которая была абсолютно вымышленна. Но кем она была начата? Она была начата Ходорковским через его... которые тут же подхватили все его **придворные собаки** и стали лаять, начиная от оппозиционных якобы, так и СМИ на содержании конкретно у Ходорковского» (В. Соловьёв, «Вечер с Владимиром Соловьёвым», 05.05.2020).

В тексте негативно оценивается деятельность конкретного человека и его сторонников, точнее СМИ («*оппозиционные якобы*», а также «*СМИ на содержании конкретно у Ходорковского*»). Для этого автор привлекает зоометафору (*придворные собаки*), апеллируя тем самым не к разуму, а прежде всего к эмоциям адресата и тем отрицательным ассоциациям, которые с этим образом связаны: *собака* – «злой, грубый человек» (толкование этого переносного значения этого слова сопровождается в словарях пометами: «простореч-

ное», «презрительное», а также «грубое», «бранное»¹). Употреблённое в сочетании с зоометафорой прилагательное *придворные* (придворный – связанный со двором, т. е. с монархом и приближёнными к нему лицами, с пребыванием или службой при дворе)² уточняет метафору, усиливает экспрессивность, выражает презрительное отношение автора к оцениваемому явлению (СМИ, работающим на Ходорковского), придаёт речи агрессивность.

Следующие отмеченные нами примеры (немногочисленные, по 2–3 языковых единицы) можно отнести к периферийным компонентам лексической системы речевой агрессии.

В. Соловьёв: ...*Но надо же было сойти с ума, чтобы какой-то недолорд на полном серьёзе говорит: видите, это в России убили трёх врачей, чтобы они не рассказали страшную тайну* (В. Соловьёв, «Вечер с Владимиром Соловьёвым», 05.05.2020). Окказионализм *недолорд* образован от слова *лорд* (англ. *lord*), обозначающего «наследственный титул английского высшего дворянства, а также лицо, носящее этот титул» и «титул, связанный с некоторыми высшими должностями»³, при помощи сложной приставки *недо-*, указывающей на неполноту, недостаточность действия или качества. Окказионализм передаёт презрительное отношение говорящего к объекту речи.

А. Сидоров: ...*вот новую журналистику можно отрицать, не отрицать там... как называть... кто сейчас является журналистом. Я не хочу вдаваться в эти*

¹ Русский семантический словарь: толковый слов. систематизир. по классам слов и значений. Т. 1: Слова указующие (Местоимения). Слова именующие: имена существительные (Всё живое. Земля. Космос): 39000 слов и фразеол. выражений [Электронный ресурс] / под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. URL: <http://slovari.ru/search.aspx?s=0&p=3068&di=vsem1&wi=9233> (дата обращения: 31.01.2021).

² Словарь русского языка: в 4 т. Т. 3 [Электронный ресурс] / под ред. А. П. Евгеньевой. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/16/ma340511.htm> (дата обращения: 01.02.2021).

³ Словарь русского языка: в 4 т. Т. 2 [Электронный ресурс] / под ред. А. П. Евгеньевой. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/12/ma220019.htm> (дата обращения: 04.02.2021).

подробности, но то, что появились новые средства...;

В. Соловьёв (презрительно): *инфлюэнсеры...*

А. Сидоров: ...коммуникации, которые влияют на умы людей, то безусловно их надо использовать (В. Соловьёв, «Вечер с Владимиром Соловьёвым», 05.05.2020).

Иноязычная лексика, особенно недостаточно освоенная в русском языке, например, *инфлюэнсер* (от англ. influencer «влиятельное лицо»), делает речь агрессивной, подчёркивает враждебное отношение к объекту речи.

«Да, вы насквозь всё видите, вы рентгеновый аппарат, и фамилия *Рентген*» (А. Окара – В. Соловьёву. «Вечер с Владимиром Соловьёвым», 05.05.2020). Имя собственное в данном примере способствует созданию иронии, издёвки, что передаёт имплицитную речевую агрессию.

Отметим, что лексико-семантические возможности периферийных языковых средств участвовать в создании речевой агрессии особенно часто проявляются на текстовом уровне, а также дополняются другими средствами, например интонацией и т. д.

Учёные классифицируют речевую агрессию по формам её проявления, отталкиваясь от понятия речевого акта, и определяют понятие вербально-агрессивного акта как «речевого действия, содержащего вербально-выраженную агрессию говорящего, направленную на адресата либо третье лицо». Выделяют прямые или косвенные вербально-агрессивные акты: оскорбление, враждебное замечание, угрозу, грубое требование, грубый отказ, порицание (упрёк), обвинение, иронию [20; 28]. Наше исследование показало, что можно выявить зависимость состава лексики агрессивного высказывания от типа речевого акта.

Оскорбление – это слово или выражение, содержащее обидную характеристику адресата. Так, в прямом речевом агрессивном акте оскорбления частотна инвективная (бранная) лексика: *кретины, дебилы, идиоты, сволочь, уроды* и др., а оскорбление в этом случае часто является

намеренным, инициативным. В качестве отрицательной характеристики может выступать нейтральная лексическая единица, которая в контексте становится оскорбительной, поскольку языковые средства выражения агрессии вступают в сложное взаимодействие на уровне текста.

В речевом акте угрозы часто используются просторечия, оценочная лексика, жаргонизмы, например: «Замолчите! Когда вы говорите про евреев, мне хочется встать и *дать вам в морду*. И вы можете дождаться, что я это... что я это сделаю. Если вы не прекратите свою гадкую и мерзкую... я предупреждаю...ещё одно слово, и *ты получишь в рожу*. Выбирай слова, когда говоришь... выбирай слова» (А. Сосновский – Г. Амнуэлю, «Вечер с Владимиром Соловьёвым», 05.02.2020). Грубо-просторечное слово *морда*¹, просторечное слово *рожа*² (оба употребляются в значении «лицо, т. е. передняя часть головы человека»))³ являются лексико-семантическим средством выражения угрозы, которая усиливается употреблением жаргонного фразеологического оборота *дать в морду*, т. е. «ударить по лицу»⁴. В приведённой цитате агрессивный тон усиливается за счёт использования негативно-окрашенной оценочной лексики *гадкий* («вызывающий отвращение; противный, мерзкий»⁵) и *мерзкий* («вызывающий отвращение; гадкий»⁶), а также перехода

¹ Словарь русского языка: в 4 т. Т. 1 [Электронный ресурс] / под ред. А. П. Евгеньевой. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/MAS-abc/13/ma229826.htm> (дата обращения: 31.01.2021).

² Словарь русского языка: в 4 т. Т. 3 [Электронный ресурс] / под ред. А. П. Евгеньевой. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/MAS-abc/17/ma372522.htm> (дата обращения: 31.01.2021).

³ Словарь русского языка: в 4 т. Т. 2 [Электронный ресурс] / под ред. А. П. Евгеньевой. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/MAS-abc/12/ma219120.htm> (дата обращения: 31.01.2021).

⁴ Елистратов В. С. Словарь русского арго (Материалы 1980-1990-х гг.): ок. 9000 слов, 3000 идиомат. выражений. М.: Русские словари, 2000. С. 105.

⁵ Словарь русского языка: в 4 т. Т. 1 [Электронный ресурс] / под ред. А. П. Евгеньевой. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/MAS-abc/04/ma129603.htm> (дата обращения: 31.01.2021).

⁶ Словарь русского языка: в 4 т. Т. 2 [Электронный

в одном контексте с вы-общения на ты-общение.

Обидная характеристика человека может присутствовать и в косвенном вербально-агрессивном акте. В таких случаях отсутствуют прямые резкие высказывания, инвектива, присутствуют намёки, ассоциации, средством создания которых часто выступает гипербола, например: *А он был декадом с петровских времён и до нынешних? У меня просто такое ощущение. Вот как создали университет, Засурский уже там работал* (В. Соловьёв. «Вечер с Владимиром Соловьёвым», 05.02.2020). В речевом акте иронии, который всегда является имплицитным, отсутствуют разговорные и просторечные слова, жаргонизмы. Например, в уже приводившейся выше цитате: *«Да, вы насквозь всё видите, вы рентгеновский аппарат, и фамилия Рентген»* (А. Окара – В. Соловьёву. «Вечер с Владимиром Соловьёвым», 05.05.2020) иронический агрессивный оборот создаётся благодаря гиперболе, использованию имени собственного, лексическому противопоставлению реального воображаемому.

Заключение

Таким образом, проведённое исследование демонстрирует, что речевая агрессия в телевизионном дискурсе активно проявляется на лексико-семантическом уровне. Проведённый анализ позволяет сделать следующие выводы.

1. Ядерными компонентами лексико-семантической системы речевой агрессии являются оценочная, разговорная, просторечная лексика, жаргонизмы, негативно окрашенные фразеологизмы. В около-ядерную зону входят бранная лексика (инвектива) и метафора. К периферии этой системы относятся окказионализмы, иноязычная лексика, имена собственные.

2. Для агрессивных речевых актов жанра ток-шоу характерна эмоциональная, эксплицитная оценка.

3. Просторечия и жаргонизмы одинаково часто формируют речевую агрессию, с некоторым преобладанием просторечия. Наш анализ показал, что типом жаргона, преобладающим в агрессивной речи в теледебатах, является общий жаргон (основу которого составляет уголовный жаргон).

4. Содержание намерения оскорбить или унижить адресата речи или третье лицо у инвективной и грубо-просторечной лексики проявляется в разной степени. Использование просторечия ведёт к повышению экспрессивности речи, оценочности, эмоциональности; просторечные слова являются средством имплицитной агрессии. При употреблении инвективы слово выбирается специально, чтобы оскорбить, унижить собеседника, нанести ему морально-психологический вред.

5. Состав лексики агрессивного высказывания зависит от типа речевого акта. Например: для речевого акта оскорбления характерна инвективная лексика; в речевом акте угрозы часто используются просторечия, оценочная лексика, жаргонизмы; в речевом акте личной оценки частотны оценочные слова. В имплицитных вербально-агрессивных актах отсутствуют инвектива, разговорные и просторечные слова, жаргонизмы; присутствуют намёки, ассоциации, средством создания которых часто выступают гипербола, имена собственные, многозначные слова и др.

Результаты исследования могут быть использованы в вузовских спецкурсах по теории и практике речевого воздействия, речевой коммуникации, социолингвистике, на практических занятиях по анализу и интерпретации текста. Материалы могут быть полезны тем, кто занимается проблемами речевого общения: журналистам, специалистам по речевому имиджу. Кроме того, результаты исследования могут использоваться в обучении русскому языку как иностранному: при обучении иностранцев способам опознавания и интерпретации агрессии в речевой коммуникации.

Дальнейшие перспективы мы видим в изучении других (в частности, грамма-

ресурс] / под ред. А. П. Евгеньевой. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/MAS-abc/13/ma225309.htm> (дата обращения: 31.01.2021).

тических) средств выражения речевой агрессии в телевизионном дискурсе, сопоставлении способов выражения агрессии в различных жанрах СМИ, а также в изучении речевой агрессии как феномена современного общества не только в русской лингвокультуре, но и в других этнолингвокультурах.

Статья поступила в редакцию 21.12.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Власова Е. В. Речевая агрессия в печатных СМИ (на материале немецко- и русскоязычных газет 30-х–90-х гг. XX в.): дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2005. 215 с.
2. Волкова С. Н. Основные тенденции развития речевой культуры современных студентов [Электронный ресурс] // Новейшая филология: итоги и перспективы исследований: сборник статей / отв. ред. О. В. Золтнер. Омск, 2019. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
3. Воронцова Т. А. Аксиологический аспект речевой агрессии // Аксиологические аспекты современных филологических исследований: тезисы докладов международной научной конференции, УрФУ, 15–17 октября 2019 г. С. 236–238.
4. Глухова И. В. Лексико-семантические способы выражения речевой агрессии (на материале англоязычных печатных СМИ) // Вестник Челябинского государственного университета. Филологические науки. 2017. № 12 (408). С. 62–70.
5. Гончарова Л. М. Речевая агрессия в различных типах дискурса // Гуманитарные технологии в современном мире: материалы VI Международной научно-практической конференции, 2018. С. 49–51.
6. Горелов И. Н., Седов К. Ф. Основы психолингвистики. М.: Лабиринт, 2001. 304 с.
7. Ермакова О. П., Земская Е. А., Розина Р. И. Слова, с которыми мы все встречались: толковый словарь русского общего жаргона: ок. 450 слов / под общ. руковод. Р. И. Розиной. М.: Азбуковник, 1999. 320 с.
8. Жельвис В. И. Инвективная стратегия как национально-специфическая характеристика // Этнопсихолингвистика. М.: Наука, 1988. С. 98–108.
9. Жельвис В. И. Поле брани: сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Ладомир, 2001. 349 с.
10. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. 4-е изд., испр. и доп. Назрань: Пилигрим, 2005. 376 с.
11. Купина Н. А., Енина Л. В. О трёх степенях языковой агрессии // Речевая агрессия и гуманизация общения. Екатеринбург: УрГУ, 1997. С. 34–45.
12. Курьянович А. В. Инвективные речевые жанры в пространстве современной межличностной коммуникации // Вестник ТГПУ. Серия: Гуманитарные науки (Филология). 2005. № 3 (47). С. 6–7.
13. Нестерова Т. В. Агрессия в поликодовых текстах // Современная теоретическая лингвистика и проблемы судебной экспертизы: сборник научных работ по итогам Международной научной конференции, 2019. С. 280–291.
14. Паремужавили Э. Э. Непрямая коммуникация в структуре агрессивного речевого акта (на примере иронии и насмешки) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2012. № 1 (030). С. 136–142.
15. Петрова Н. Е., Рацибурская Л. В. Язык современных СМИ: средства речевой агрессии. М.: Флинта: Наука, 2011. 160 с.
16. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Справочник по русскому языку. Словарь лингвистических терминов. М.: Оникс: Мир и Образование, 2008. 624 с.
17. Ромашов Н. Н. Лексико-стилистические способы выражения вербальной агрессии на материале публикаций российских средств массовой коммуникации // Международное образование и сотрудничество. 2019. № 13. С. 142–148.
18. Розанова Н. Н., Земская Е. А., Головинская М. Я. Русская разговорная речь: фонетика, морфология, лексика, жест / отв. ред. Е. А. Земская. М.: Наука, 1983. 239 с.
19. Седов К. Ф. Агрессия и манипуляция в повседневной коммуникации // Юрислингвистика 6: Инвективное и манипулятивное функционирование языка. 2005. № 6. С. 87–103.
20. Сидорова Е. Ю. Вербальная агрессия как коммуникативно-прагматическое явление // Вестник Томского государственного университета. Серия: Филология. 2009. № 319. С. 28–31.
21. Сковородников А. П. Языковое насилие в современной российской прессе // Теоретические и

- прикладные аспекты речевого общения. 1997. № 2. С. 10–15.
22. Смирнова Л. Г. Функционирование слов с оценочным компонентом значения в речи // Известия Смоленского государственного университета. 2018. № 4 (44). С. 109–122.
23. Стернин И. А. Основы речевого воздействия. Воронеж: Истоки, 2012. 178 с.
24. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. 2-е изд., испр. и доп. М.: Флинта: Наука, 2006. 696 с.
25. Шаповалова Н. Г. Динамика коммуникативного поведения ведущих ток-шоу в XXI веке // Язык в различных сферах коммуникации: материалы II Международной научной конференции. 2016. С. 144–146.
26. Шаронов И. А. Многоликая агрессия // Агрессия в языке и речи. М.: РГГУ, 2004. С. 5–6.
27. Шейгал Е. И. Вербальная агрессия в политическом дискурсе // Вопросы стилистики: Антропоцентрические исследования. 1999. № 28. С. 204–222.
28. Щербинина Ю. В. Вербальная агрессия. М.: КомКнига, 2006. 360 с.
29. Щербинина Ю. В. Речевая агрессия vs злоречие: соотношение понятий и границы исследования // Научная школа профессора Т. А. Ладыженской: материалы научно-практической конференции, посвященной 95-летию со дня рождения учёного / отв. ред. Е. Л. Ерохина, З. И. Курцева, Ю. В. Щербинина. М.: НВИ: Языки Народов Мира, 2020. С. 216–221.
30. Infante D. A., Wigley C. J. Verbal aggressiveness: An interpersonal model and measure. Cambridge: University Press, 1986. P. 61–69. (Communication Monographs).

REFERENCES

1. Vlasova E. V. *Rechevaya agressiya v pechatnykh SMI (na materiale nemetsko- i russkoyazychnykh gazet 30-kh–90-kh gg. KHKH v.): dis. ... kand. filol. nauk* [Speech aggression in print media (based on the material of German and Russian-language newspapers of the 1930s – 90s): PhD thesis in Philological sciences]. Saratov, 2005. 215 p.
2. Volkova S. N. [The main trends in the development of speech culture of modern students]. In: Zolotner O. V., ed. *Noveishaya filologiya: itogi i perspektivy issledovaniy* [The latest philology: results and prospects of research]. Omsk, 2019. 1 (CD-ROM).
3. Vorontsova T. A. [Axiological aspect of speech aggression]. In: *Aksiologicheskie aspekty sovremennykh filologicheskikh issledovaniy: tezisy dokladov mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, UrFU, 15–17 oktyabrya 2019 g.* [Axiological aspects of modern philological research: abstracts of reports of the international scientific conference, UrFU, October 15–17, 2019]. 2019, pp. 236–238.
4. Glukhova I. V. [Lexico-semantic ways of expressing speech aggression (based on the material of the English-language print media)]. In: *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologicheskie nauki* [Bulletin of the Chelyabinsk State University. Philological sciences], 2017, no. 12 (408), pp. 62–70.
5. Goncharova L. M. [Speech aggression in various types of discourse] In: *Gumanitarnye tekhnologii v sovremennoy mire: materialy VI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Humanitarian technologies in the modern world: materials of the VI International scientific and practical conference]. 2018, pp. 49–51.
6. Gorelov I. N., Sedov K. F. *Osnovy psikholingvistiki* [Fundamentals of psycholinguistics]. Moscow, Labirint Publ., 2001. 304 p.
7. Ermakova O. P., Zemskaya E. A., Rozina R. I. *Slova, s kotorymi my vse vstrechalis': Tolkovyy slovar' russkogo obshchego zhargona: Ok. 450 slov* [Words which we have all met: Explanatory dictionary of Russian common jargon: About 450 words]. Moscow, Azbukovnik Publ., 1999. 320 p.
8. Zheľvis V. I. [Invective strategy as a nationally specific characteristic]. In: *Etnopsikholingvistika* [Ethnopsycholinguistics]. Moscow, 1988, pp. 98–108.
9. Zheľvis V. I. *Pole brani: skverno-slovie kak sotsial'naya problema v yazykakh i kul'turakh mira* [Words which we have all met: Explanatory dictionary of Russian common jargon: About 450 words]. Moscow, Ladomir Publ., 2001. 349 p.
10. Zhrebilo T. V. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Nazran, Pilgrim Publ., 2005. 376 p.
11. Kupina N. A., Enina L. V. [On the three degrees of linguistic aggression]. In: *Rechevaya agressiya i humanizatsiya obshcheniya* [Speech aggression and humanization of communication], 1997. pp. 34–45.
12. Kur'yanovich A. V. [Invective speech genres in the space of modern interpersonal communication]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki (Filologiya)*.

- [Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University. Humanities (Philology) series], 2005, no. 3 (47), pp. 6–7.
13. Nesterova T. V. [Aggression in polycode texts]. In: *Sovremennaya teoreticheskaya lingvistika i problemy sudebnoi ekspertizy. Sbornik nauchnykh rabot po itogam Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Modern theoretical linguistics and problems of forensic examination. Collection of scientific papers on the results of the International Scientific Conference], 2019, pp. 280–291.
 14. Paremuzashvili E. E. [Indirect communication in the structure of an aggressive speech act (for example, irony and ridicule)]. In: *Voprosy kognitivnoi lingvistiki* [Cognitive linguistics issues], 2012, no. 1 (030), pp. 136–142.
 15. Petrova N. E., Ratsiburskaya L. V. *Yazyk sovremennykh SMI: sredstva rechevoi agressii* [The language of contemporary media: the means of verbal aggression]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2011. 160 p.
 16. Rozental' D. E. *Spravochnik po russkomu yazyku. Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Reference book on the Russian language. Dictionary of linguistic terms]. Moscow, Onyx Publ., Mir i Obrazovanie Publ., 2008. 624 p.
 17. Romashov N. N. [Lexico-stylistic ways of expressing verbal aggression on the material of publications of Russian mass media]. In: *Mezhdunarodnoe obrazovanie i sotrudnichestvo* [International education and cooperation], 2019, no. 13, pp. 142–148.
 18. Rozanova N. N., Zemskaya E. A., Golovinskaya M. Ya. *Russkaya razgovornaya rech': fonetika, morfologiya, leksika, zhest* [Russian colloquial speech: phonetics, morphology, vocabulary, gesture]. Moscow, Nauka Publ., 1983. 239 p.
 19. Sedov K. F. [Aggression and manipulation in everyday communication]. In: *Yurilingvistika 6: Invektivnoe i manipulyativnoe funktsionirovanie yazyka* [Jurislinguistics 6: Invective and Manipulative Functioning of Language], 2005, no. 6, pp. 87–103.
 20. Sidorova E. YU. [Verbal aggression as a communicative and pragmatic phenomenon]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya* [Tomsk State University Bulletin. Series: Philology], 2009, no. 319, pp. 28–31.
 21. Skovorodnikov A. P. [Linguistic violence in the contemporary Russian press]. In: *Teoreticheskie i prikladnye aspekty rechevogo obshcheniya* [Theoretical and applied aspects of verbal communication], 1997, no. 2, pp. 10–15.
 22. Smirnova L. G. [Functioning of words with an evaluative component of meaning in speech]. In: *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Smolensk State University], 2018, no. 4 (44), pp. 109–122.
 23. Sternin I. A. *Osnovy rechevogo vozdeistviya* [Basics of speech exposure]. Voronezh, Istoki Publ., 2012. 178 p.
 24. Kozhina M. N., ed. *Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar' russkogo yazyka* [Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2006. 696 p.
 25. Shapovalova N. G. [Dynamics of communicative behavior of talk show hosts in the 21st century]. In: *Yazyk v razlichnykh sferakh kommunikatsii: materialy II Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Language in various spheres of communication: materials of the II International scientific conference], 2016, pp. 144–146.
 26. Sharonov I. A. [The many faces of aggression]. In: *Agressiya v yazyke i rechi* [Aggression in language and speech], 2004, pp. 5–6.
 27. Sheigal E. I. [Verbal aggression in political discourse]. In: *Voprosy stilistiki: Antropotsentricheskoe issledovaniya* [Stylistic Issues: Anthropocentric Studies], 1999, no. 28, pp. 204–222.
 28. Shcherbinina Yu. V. *Verbal'naya agressiya* [Verbal aggression]. Moscow, KomKniga Publ., 2006. 360 p.
 29. Shcherbinina Yu. V. [Speech aggression vs slander: the relationship of concepts and the boundaries of research]. In: *Nauchnaya shkola professora T. A. Ladyzhenskoi. Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 95-letiyu so dnya rozhdeniya uchenogo* [Scientific school of Professor T. Ladyzhenskaya: materials of the scientific-practical conference dedicated to the 95th anniversary of the birth of the scientist], 2020, pp. 216–221.
 30. Infante D. A., Wigley C. J. *Verbal aggressiveness: An interpersonal model and measure*. Cambridge, Cambridge, University Press, 1986, pp. 61–69.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Волкова Светлана Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного Московского государственного лингвистического университета, старший педагог кафедры русского языка как иностранного Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина;
e-mail: svet-volkova@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Svetlana N. Volkova – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Russian as a Foreign Language, Moscow State Linguistic University, Senior Lecturer, Department of Russian as a Foreign Language, Pushkin state Russian language Institute;
e-mail: svet-volkova@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Волкова С. Н. Лексико-семантические средства речевой агрессии в телевизионном дискурсе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2021. № 2. С. 6–21.

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-2-6-21

FOR CITATION

Volkova S. N. Lexico-Semantic Means of Speech Aggression in Television Discourse. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2021, no. 2, pp. 6–21.

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-2-6-21

УДК 81-112.2

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-2-22-29

ОПИСАТЕЛЬНЫЙ ГЛАГОЛЬНО-ИМЕННОЙ ОБОРОТ: СЕМАНТИКА, СТРУКТУРА, ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ (НА МАТЕРИАЛЕ «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»)

Константинов Е. С.

Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых
600000, г. Владимир, ул. Горького, д. 87, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Представить структурную и семантическую характеристику описательного глагольно-именного оборота, описать функционирование его в диахронном аспекте на материале «Повести временных лет».

Процедура и методы. Основное содержание исследования составляют общенаучные (наблюдение, описание, синтез, анализ) и лингвистические (метод компонентного анализа, метод контекстуального анализа) методы.

Результаты. Результатами работы стало описание структуры, семантики и функционирования 312 устойчивых единиц, собранных методом сплошной выборки из текста «Повести временных лет».

Теоретическая и/или практическая значимость. Рассмотрение описательного глагольно-именного оборота как особой устойчивой единицы древнерусского языка позволяет расширить представление о составе «переходных» явлений между свободными словосочетаниями и фразеологизмами.

Ключевые слова: описательный глагольно-именный оборот, диахрония, устойчивые единицы, синкретичное значение, вариативность

VERBAL-NOMINAL PHRASES: SEMANTICS, STRUCTURE, FUNCTIONING (ON THE MATERIAL OF "PRIMARY CHRONICLE")

E. Konstantinov

Alexander and Nikolay Stoletov Vladimir State University
87 Gorky ul., Vladimir 600000, Russian Federation

Abstract

Aim. The purpose of this work is to present the structural and semantic characteristics of verbal-nominal phrases functioning in a diachrony using the example of the "Primary Chronicle".

Methodology. In the course of the work we used general scientific (observation, description, synthesis, analysis) and linguistic (component analysis method, contextual analysis method) methods.

Results. The work results described the structure, semantics, and functioning of 312 stable units collected using continuous sampling.

Research implications. The description of verbal-nominal phrases as special stable units of the Old Russian language makes it possible to expand the understanding of the composition of "transitional" phenomena between free phrases and phraseological units.

Keywords: verbal-nominal phrase, diachrony, stable units, syncretic meaning, variability

Введение

Описательный глагольно-именной оборот (ОГИО) – термин, введённый в научное употребление П. А. Лекантом. Учёный определяет его как «синтаксическую конструкцию, основанную на несвободном употреблении глагола-призрака (глагола, лишённого в составе данной конструкции определённого вещественного содержания), семантически неделимую, обладающую всеми категориальными и формальными признаками глагола (значение процесса, формы спряжения и вида) и выполняющую в предложении функцию простого глагольного сказуемого» [7, с. 151]. Эту единицу изучали такие учёные, как В. В. Виноградов, М. М. Копыленко, П. А. Лекант, В. В. Колесов, Е. Н. Лагузова, М. Вас. Пименова, О. П. Лопутко и др.

Следует отметить, что в настоящее время представлено подробнейшее описание ОГИО в синхронном аспекте, в то время как диахронный материал остаётся мало изученным. П. А. Лекант пишет, что источниками для данных оборотов могут быть как кальки с различных языков (греческого, французского), так и сам старославянский язык [8, с. 47]. Ввиду этого актуальность исследования предопределена тем, что изучение семантики, структуры и функционирования ОГИО в диахронном аспекте представлено недостаточно. Источником для данной работы стала «Повесть временных лет» – важнейший памятник древнерусской литературы XII в. Использование летописных отрывков обусловлено тем, что образцы, эталоны повествования, вырабатываемые древнерусской литературой, закреплялись непосредственно в летописных повествовательных источниках.

Структурная характеристика

Описательные глагольно-именные обороты имеют аналитическую структуру. Этим объясняется близость к словосочетанию, построенному на базе подчинительной связи [6, с. 14]. Главным с грамматической точки зрения будет являться

глагол, а зависимым – абстрактное имя существительное. Однако в отличие от свободных словосочетаний, где глагол в определённом значении способен управлять существительными в различных падежах, ОГИО закрепляет за глаголом одну или две модели управления.

В исследованных памятниках наиболее продуктивной является конструкция «**глагол + существительное (В. п.)**»: *творити убийство, имѣти прю, дѣяти спасенье* [12, с. 182]. А. М. Пешковский отмечает, что «глаголы, управляющие винительным падежом, теснее связаны со своим падежом, чем все другие глаголы, потому что этот падеж возможен только при глаголе и глагольном слове» [10, с. 288]. Эта конструкция передаёт объектное значение, указывая на действие или предмет, обозначенные в именном компоненте ОГИО: *Си жи внутрь суду внядше, много убийство крестьяномъ створиша...*¹; *Онѣ же смѣживъ очи и предасть духъ в руцѣ Божии*²; *...къ свекровемъ и деверемъ велико стыдѣнье имѣху*³.

Вместе с тем конструкция может иметь вид «**глагол + предлог + существительное (В. п.)**». Предлог в данном случае не только указывает на падеж именного компонента, но и более чётко показывает объектную связь между составляющими единицами глагольно-именного оборота: *...И дошедъ великаго дни Вскресения, по обычаю празновавъ свѣтло, впаде в болезнь*⁴; *Аще который братъ впадетъ в кое любо прегрѣшение...*⁵; *...и яко съкончашася дѣние Володимиру, уже минувшемъ лѣтомъ 28 по святѣмъ крещении, впаде въ недугъ крѣпкъ*⁶. Обороты такого типа содержат в себе предлог **въ**, который употребляется при указании на изменение физического или нравственного состояния, семантическое ядро которого содержится в именном компоненте.

¹ Повесть временных лет [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/?tabid=4869> (дата обращения: 14.01.2021).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

Компоненты многих глагольно-именных оборотов могут иметь контактное расположение: *Аще бо възмете рать межю собою, погани имуть радоватися и возмутъ землю нашу...*¹ Наблюдается и дистантное употребление компонентов: *Днятъ бо мужеви своему благо все житье*²; *Половць воеваша много и възвратишася к Торъческому; изнемогиша людье въ градъ от глада и предашася ратнымъ...*³

Семантическая характеристика

По мнению В. В. Колесова, основной чертой произведений Древней Руси было «наполнение словесного знака образным смыслом» [4, с. 405]. Эта особенность связана с существованием определённых действий: ритуальных, сакральных, мифологических, народно-фольклорных, бытовых. Например: *И вдасть ей дары многы, золото и серебро, паволокы, съсуды разноличныя и отпусти ю, нарекъ ю дщерь себѣ*⁴; *Си же братья взяша Мѣнескъ, исъсѣкоша мужи, а жены и дѣти взяша на щиты, и поидоша къ Немизъ...*⁵ В этом плане наиболее продуктивны обороты с десемантизированными глаголами типа *дати*, *имети*, *творити*, *дѣти*. Они являются лишь формальным показателем без лексического значения при формировании устойчивого оборота. Значение процесса или состояния привносит только именной компонент. Например: *Сдѣя въ тѣ день Господь спасенье велико: мѣсяца иуля въ 19 день побѣжени быша иноплемьеници...*⁶; *И въздаша хвалу Богу въ тѣ день*⁷; *Паче же всего имѣти любовь в себе к мѣншимъ и къ старѣйшимъ покорение и послушание*⁸; *О сем, аще кто от хрестьянъ или от Руси мученья образом искусь творити...*⁹ Иными словами, то или

иное добавочное значение в многозначном глаголе может слабеть, и тогда глагол переходит на положение вспомогательного, т. е. десемантизируется [2, с. 129–142].

Такое функционирование глагольного компонента позволяет соотнести ОГИО с одной глагольной лексемой, которая будет однокоренной по отношению к именному компоненту (*имѣти любовь* – ‘любить’, *сдѣяти спасенье* – ‘спасти’), однако такое удаётся сделать не всегда. Как считает Н. С. Дмитриева, это можно объяснить тем, что «глагол в сочетаниях не претерпевает полной десемантизации, не становится всего лишь показателем таких собственно грамматических знаний, как процессуальность, наклонение, вид, время, лицо. Он несёт в себе и разного рода семантическую информацию» [3, с. 76]. Описательный глагольно-именный оборот, конечно, может служить коррелятом однокоренного глагола за счёт своего именного компонента, но общее значение складывается из отдельных компонентов – глагола и имени. Это становится возможным потому, что глагол не теряет полностью своего лексического наполнения, не становится исключительно вспомогательным компонентом. «Убедительнее всего это обнаруживается при сопоставлении вариантных описаний к одному и тому же глаголу» [3, с. 78]. Особенно хорошо это можно проследить на примере ОГИО, которые соотносятся с лексемой *умирать*. В древнерусских памятниках гибель на поле боя, мученическая смерть, кара Божья описываются очень широко. И. С. Носов выделяет 8 групп лексических средств, которые описывают смерть в различных условиях [9, с. 386]. Например: *Распятъ же ся, смерти вкуси беззгрѣшный и възкресъ въ своей плоти...*¹⁰; *Се азъ отхожу от васъ, якоже яви ми Господь в постыное время, в нещерь ми суцю, изыити от свѣта сего*¹¹; *От сего ли лѣба смерть мнѣ взятии?*¹²

Кроме того, глагольный компонент ОГИО может иметь разную экспрессив-

¹ Повесть временных лет [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/?tabid=4869> (дата обращения: 14.01.2021).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

ную, стилистическую окраску при общем семантическом наполнении: ...*И прѣходя от дѣла в дѣло уншее, обычныя **молбы** Богу **узда** и воню благоуханья...*¹; ...*и повелѣваше сему Дѣмьяну **молитву творити** над болящимъ...*² При общем значении 'молиться' первый оборот имеет более возвышенную окраску. В объём информации, которую передаёт ОГИО, глагольный компонент также может привносить различные фазовые компоненты протекания действия: его начало, продолжение и окончание. Например, на длительность указывает следующий оборот: ...*А по иным дни **прѣбываше** в постѣ и **въ молитвъ**, и въздержашеся крѣпко*³.

Помимо глагольных компонентов, часть которых всё же имеет семантический коэффициент, примечательны и имена существительные, входящие в состав описательного глагольно-именного оборота. Конкретная именная лексика, используемая в ОГИО для обозначения определённых ритуальных действий, может расширять свой семантический потенциал. Так, в древнерусских памятниках часто можно встретить слово *рядъ*, которое имеет значение 'договор, уговор, условие, соглашение'. Употребляться оно может в нескольких устойчивых конструкциях: *дати рядъ* – 'сделать распоряжение, распорядиться'; *положити рядъ* – 'заключить договор'; *преступити рядъ* – 'нарушить договор'. Например: *Посла Олегъ мужи свои... и **положити ряды** межи Гръки и Русью*⁴. С найденными примерами соотносится глагол *рядити* – 'договариваться', однако использование глагольно-именных конструкций показывает, что полного соответствия между значениями всех лексико-семантических вариантов и значением однокоренного коррелята не происходит. Именной компонент используется как символ процесса, являясь его семантическим стерж-

нем. Использование вспомогательных глаголов лишь уточняет аспекты его протекания. В этом можно убедиться, обратившись к именному компоненту *дары*: *Авель же принесе от агнець первенець, и **прия** богъ **даровъ** его*⁵. Семантический центр оборота называет процесс одаривания кого-либо. Описательный глагольно-именный оборот не может быть соотнесён только со значением глагола *дарити*, поскольку он семантически шире, так как указывает ещё на деятеля и на объект действия.

Е. Н. Лагузова пишет, что глагольно-именная модель невозможна без включения в неё абстрактных существительных – это её основное и ядерное наполнение. Всю совокупность именных компонентов ОГИО можно подразделить на несколько категорий: в образовании устойчивых конструкций участвуют либо имена, обозначающие действие, либо имена, обозначающие состояние [5, с. 93].

В широком смысле состояние следует понимать как 'положение, в котором то-либо, что-либо находится'. Т. е. оно подразумевает наличие субъекта, который может его испытывать. Поскольку им чаще всего является древний русич (реже – Бог), то среди оборотов, имеющих в своём составе абстрактное существительное, можно выделить несколько подгрупп.

К первой группе относятся именные компоненты, которые способны обозначать эмоциональное состояние или отношение: радость, любовь, стыд, страх. Например: ...*Не въздающе зла за зло, и ни клеветы за клевету, но **любовию прильпимся** Господь Божь нашем, по-стомъ и рыданиемъ...*⁶; ...*спаса нашего Иисуса Христа **въздати** комуждо противу трудомъ неизреченную **радость**, юже буди улучшить всимъ крестьяномъ*⁷; ...*къ свекровемъ и деверемъ велико **стыдньне имьху**...*⁸ Предметное обозначение этих состояний расширяет круг их использования. Так, существительное *любовь* может

¹ Повесть временных лет [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/?tabid=4869> (дата обращения: 14.01.2021).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

обозначать как чувство, высокую степень расположения к кому-либо, так и состояние мира. Причём последнее значение реализуется гораздо чаще. Это хорошо можно проследить в примерах, где в однородном ряду сочетаются два именных компонента: *На Давида пришел есмь, а с вама хощю имѣти миръ и любовь*¹.

Помимо эмоционального состояния именный компонент может характеризовать ещё и физическое, например: *Аще не придеши, хотяять ся людье предати, не могуще глада терпѣти*²; *...и яко съкончашася дѣние Володимиру, уже минувшемъ лѣтомъ 28 по святѣмъ крещении, въпаде въ недугъ крѣпкъ*³; *И потомъ нача крѣплѣе жити и въздержание имѣти, пощенье и бдѣние*⁴.

Специфической чертой семантики большинства устойчивых глагольных оборотов является то, что они связаны с особым денотатом, который условно можно определить как «раздваивающийся»: действие (глагол) + объект действия, совпадающий с его результатом (существительное) [13, с. 250]. Наличие «раздвоения» становится особенно наглядным при сопоставлении устойчивого глагольного оборота с одной лексической единицей, которой его можно заменить фактически без какого-либо изменения значения. Кроме того, бытование ОГИО в древнерусских текстах поддерживается не только десемантизацией лексического значения глагола (полной или частичной), не только семантической синкретсией, но и особыми ритуальными действиями из разных сфер жизни общества: *И тако внидоша в постъ братья и соигуменомъ...*⁵

Вариативность

Исследуя диахронный материал, нельзя игнорировать то, что устойчивые компоненты текста могут обладать высокой сте-

пенью вариативности (вариантности), под которой понимается «представление о разных способах выражения какой-либо языковой сущности как об её модификации, разновидности или как об отклонении от некоторой нормы» [15, с. 80].

Вариантность древнерусских устойчивых оборотов интересна не сама по себе. Ф. П. Филин пишет, что она – «одно из важнейших условий развития языка, поскольку через изменение соотношений между вариантами ... происходят многие сдвиги на всех языковых уровнях» [16, с. 11]. Т. е. вариативность ведёт к изменению языковой единицы на всех уровнях: фонематическом, словообразовательном, лексическом, морфологическом и синтаксическом.

Первый уровень, на котором проявляется варьирование оборотов, выделенных в результате исследования, – фонетический и фонематический. Варьироваться может как произношение и ударение, так и составы фонем слова. Например: *Се сынъ твой убьенъ, а мы изнемогаемъ голодомъ*⁶ – *Половци же начаша налѣгати, отоимати воду, изнемогати начаша у городъ людье жажою водною и голодомъ*⁷. Данные примеры являются иллюстрацией процесса, которому подверглись дифтонгические сочетания с плавными согласными фонемами (<р>, <р'>, <л>, <л'>). Наличие полногласия и неполногласия в памятниках XI–XVI вв. можно объяснить влиянием книжных церковно-славянских традиций на древнерусский текст.

На словообразовательном уровне при тождестве грамматической функции могут наблюдаться чередования морфем. Это явление практически не представлено среди анализируемых единиц. В случаях, когда оно имеет место, именные компоненты различаются наличием / отсутствием суффикса *-ени-*: *...Но сами ся мучать, и то творять мовѣнье собѣ...*¹ – *...повель Ольга мовѣ створити*². Однако это чередование ведёт ещё и к определённым лексическим расхождениям. Суффикс *-ени-* обычно применяется для образования абстрактных существительных от глагольных основ. Существительное *мовѣ*

¹ Повесть временных лет [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/?tabid=4869> (дата обращения: 14.01.2021).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

(*мовъ*) имеет значение 'баня; мытьё в бане' и является бессуффиксальным именем, которое произошло от **myti* (*se*). Существительное же *мо́венье* обозначает процесс мытья как таковой [14, с. 229] и имеет при себе суффикс *-ени-*. А. Г. Бобров отмечает устойчивость этой конструкции [1, с. 109]. Вероятно, словообразовательное чередование привело и к развитию лексического значения именных компонентов.

Среди анализируемых единиц также можно заметить чередование числа именных компонентов: *Азъ бо не хочу тяжькы дани възложити на васъ...*³ – *Иде Олегъ на ствьары, и побьди ствьеры, и възложи на нихъ дань легьку*⁴. За счёт распространителей обороты обретают качественную характеристику. Возможно, чередуясь в числе, они приобретают дополнительные семантические оттенки, которые количественно характеризуют действие.

Заключение

Таким образом, описательный глагольно-именной оборот – устойчивая формула древнерусского языка, возникшая на основе явления семантического синкретизма. Эти формулы были необходимы, поскольку

служили образцами, переносимыми из произведения в произведение, которые отражали представления древнего человека о мире. Самой продуктивной группой ОГИО стала та, которая образуется по модели «глагол + существительное (В. п.)» (*въздавати почестья*), обладающая преимущественно объектным значением. Именной компонент зачастую будет более важным для древнерусских ОГИО, поскольку содержит в себе основную семантику ритуальных действий. Описательный глагольно-именной оборот содержит указание на особый денотат, который одновременно является и объектом, и результатом совершаемого действия. Глагольный компонент мог подвергаться как полной грамматикализации, так и частично сохранять своё лексическое значение, которое влияло на общую семантику оборота. Мы можем также наблюдать, что варьирование компонентов ОГИО прослеживается на всех языковых уровнях. Во многом это является отражением развития древнерусской языковой системы. Варьирование иллюстрирует развитие речевого употребления устойчивых оборотов.

Статья поступила в редакцию 20.01.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бобров А. Г. Древнерусская «мовь» // Труды Отдела древнерусской литературы. 2004. Т. 56. С. 94–120.
2. Гак В. Г. Языковые преобразования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 768 с.
3. Дмитриева Н. С. К вопросу о субстантивных описаниях в современном русском языке // Филологические науки. 1970. № 4. С. 74–84.
4. Колесов В. В. Философия русского слова. СПб.: ЮНА, 2002. 448 с.
5. Лагузова Е. Н. Описательный глагольно-именной оборот как единица номинации. М.: МГОУ, 2003. 243 с.
6. Лагузова Е. Н. Проблемы изучения описательных глагольно-именных оборотов в работах П. А. Леканта // Рациональное и эмоциональное в русском языке: сборник трудов Международной научной конференции, посвящённой памяти профессора П. А. Леканта. М.: МГОУ, 2019. С. 12–16.
7. Лекант П. А. Развитие форм сказуемого // Мысли о современном русском языке: сб. статей. М.: Просвещение, 1969. С. 140–154.
8. Лекант П. А. Типы и формы сказуемого в современном русском языке. М.: Высшая школа, 1976. 142 с.
9. Носов И. С. Ядерная и периферийная лексика поля «убить» в древнерусском языке (на материале «Русской правды», договоров Руси с Византией и «Повести временных лет») // Русский язык в диалоге культур. 2017. С. 379–387.

¹ Повесть временных лет [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/?tabid=4869> (дата обращения: 14.01.2021).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

10. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Языки славянской культуры, 2001. 544 с.
11. Пименова М. В. Концептуальные формы русской ментальности и семантический синкретизм // Лексикология. Лексикография (русско-славянский цикл). Русская диалектология. Когнитивная лингвистика: материалы секций XLV Международной филологической конференции. СПб.: Изд-во ВВМ, 2016. С. 87–91.
12. Пименова М. В. Лексикографическое описание древнерусских устойчивых сочетаний слов (на материале глагольных оборотов) // Вопросы лексикографии. 2020. № 17. С. 178–194.
13. Пименова М. В. Проблемы создания словаря устойчивых единиц в диахронии // Русский язык в поликультурном мире. 2018. Т. 1. С. 248–254.
14. Словарь русского языка XI–XVII вв. / гл. ред. Ф. П. Филин. Вып. 9. М., 1982. 360 с.
15. Солнцев В. М. Вариантность // Лингвистический энциклопедический словарь: Языкознание / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. С. 80–81.
16. Филин Ф. П. О структуре современного русского литературного языка // Вопросы языкознания. 1973. № 2. С. 3–12.

REFERENCES

1. Bobrov A. G. [Old Russian “мовь”]. In: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature], 2004, vol. 56, pp. 94–120.
2. Gak V. G. *Yazykovye preobrazovaniya* [Language conversion]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1998. 768 p.
3. Dmitrieva N. S. [On the issue of substantive descriptions in modern Russian]. In: *Filologicheskie nauki* [Philological sciences], 1970, no. 4, pp. 74–84.
4. Kolesov V. V. *Filosofiya russkogo slova* [The philosophy of the Russian word]. St. Petersburg, YUNA Publ., 2002. 448 p.
5. Laguzova E. N. *Opisatel'nyi glagol'no-imennoi oborot kak edinitsa nominatsii* [Descriptive verbal-nominal turnover as a unit of nomination]. Moscow, MRSU Ed. off. Publ., 2003. 243 p.
6. Laguzova E. N. [Problems of studying descriptive verbal-nominal phrases in the works of P. Lekant] In: *Ratsional'noe i emotsional'noe v russkom yazyke: sbornik trudov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi pamyati professora P. Lekanta* [Rational and Emotional in Russian: Proceedings of the International Scientific Conference dedicated to the memory of Professor P. Lekant]. Moscow, MRSU Ed. off. Publ., 2019. pp. 12–16.
7. Lekant P. A. [Development of predicate forms]. In: *Mysli o sovremennom russkom yazyke: sb. statei* [Thoughts on the modern Russian language: collection of articles. articles]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1969. pp. 140–154.
8. Lekant P. A. *Tipy i formy skazuemogo v sovremennom russkom yazyke* [Types and forms of the predicate in the modern Russian]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1976. 142 p.
9. Nosov I. S. [Nuclear and peripheral vocabulary of the field “to kill” in the Old Russian language (on the material of “Russian Truth”, agreements between Russia and Byzantium and “The Primary Chronicle”)]. In: *Russkii yazyk v dialoge kul'tur* [Russian language in the dialogue of cultures], 2017, pp. 379–387.
10. Peshkovskii A. M. *Russkii sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Russian syntax in a scientific light]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2001. 544 p.
11. Pimenova M. V. [Conceptual forms of Russian mentality and semantic syncretism]. In: *Leksikologiya. Leksikografiya (russko-slavyanskii tsikl). Russkaya dialektologiya. Kognitivnaya lingvistika: materialy sekti XLV Mezhdunarodnoi filologicheskoi konferentsii. Sankt-peterburgskii gosudarstvennyi universitet, Filologicheskii fakul'tet* [Lexicology. Lexicography (Russian-Slavic cycle). Russian dialectology. Cognitive linguistics: Proceedings of the XLV sections of the International Philological Conference], 2016. pp. 87–91.
12. Pimenova M. [Lexicographic description of Old Russian stable word combinations (based on verbal phrases)]. In: *Voprosy leksikografii* [Lexicography questions], 2020, no. 17, pp. 178–194.
13. Pimenova M. [Problems of creating a dictionary of stable units in diachrony] In: *Russkii yazyk v polikul'turnom mire* [Russian language in a multicultural world], 2018, vol. 1, pp. 248–254.
14. Filin F. P., gen. ed. *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. Vyp. 9* [Dictionary of the Russian language 11–17 centuries, Vol. 9]. Moscow, Institute of the Russian Language Publ., 1982, 360 p.

15. Solntsev V. M. [Variation]. Yartceva V. N., gen. ed. In: *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar': Yazykoznanie* [Linguistic Encyclopedic Dictionary: Linguistics]. Moscow, Great Russian Encyclopedia Publ., 2002, pp. 80–81.
16. Filin F. P. [On the structure of the modern Russian literary language]. In: *Voprosy yazykoznavaniya* [Linguistic issues], 1973, no. 2, pp. 3–12.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Константинов Егор Сергеевич – аспирант кафедры русского языка Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых;
e-mail: egor-konstantinov@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Egor S. Konstantinov – Postgraduate student at Alexander and Nikolai Stoletov Vladimir State University;
e-mail: egor-konstantinov@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Константинов Е. С. Описательный глагольно-именной оборот: семантика, структура, функционирование (на материале «Повести временных лет») // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2021. № 2. С. 22–29.
DOI: 10.18384/2310-7278-2021-2-22-29

FOR CITATION

Konstantinov E. S. Descriptive Verbal-nominal Turnover: Semantics, Structure, Functioning (Based on the “Primary Chronicle”). In: *Bulletin of Moscow Region State University, Series: Russian Philology*, 2021, no. 2, pp. 22–29.
DOI: 10.18384/2310-7278-2021-2-22-29

УДК 80

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-2-30-39

**СЛОВА С КОРНЕМ 'МАЛ' В ДИЛОГИИ Ф. А. ВИГДОРОВОЙ
«СЕМЕЙНОЕ СЧАСТЬЕ», «ЛЮБИМАЯ УЛИЦА»
(НА ПРИМЕРЕ СЛОВ МАЛЫЙ, НЕМАЛЫЙ, МАЛЕНЬКИЙ, НЕМАЛЕНЬКАЯ,
МАЛЫШ, МАЛОЛЕТСТВО, МАЛОЛЕТНИЙ)**

Куличева Е. В.*независимый исследователь, г. Москва, Российская Федерация***Аннотация**

Цель. Выявить роль слов с корнем 'мал' (на основе наблюдений за использованием однокоренных *малый, немалый, маленький, немаленькая, малыш, малолетство, малолетний*) в дилогии Ф. А. Вигдоровой «Семейное счастье», «Любимая улица».

Процедура и методы. Проанализирован корпус текстов. В статье установлена частотность употребления слов с корнем 'мал' в дилогии; рассмотрены лексикографические данные, проанализировано словообразовательное гнездо с корнем 'мал' с точки зрения семантики составляющих. При проведении исследования применены методы лингвистического наблюдения и описания, статистического подсчёта, элементы компонентного анализа.

Результаты. В результате анализа семантики слов с корнем 'мал' (*малый, немалый, маленький, немаленькая, малыш, малолетство, малолетний*) установлено, что они выражают особенности состава идиолекта Ф. А. Вигдоровой, выявляют специфику отражения концептуального содержания важнейшей единицы русской культуры, национальной концептосферы *ДЕТСТВО*, в ментально-лингвальном комплексе языковой личности писательницы.

Теоретическая и/или практическая значимость. Обобщён новый материал по исследуемой теме. Анализ семантики слов с корнем 'мал' (*малый, немалый, маленький, немаленькая, малыш, малолетство, малолетний*) в художественных текстах Ф. А. Вигдоровой позволяет сделать выводы о чертах её мировоззрения, оценить нравственно-философские взгляды писательницы. Результаты работы могут быть использованы при подготовке лекций, практических занятий по лингвистической семантике, лингвокультурологии, языку художественной литературы в высших учебных заведениях.

Ключевые слова: лексема, сема, идиолект, слова с корнем 'мал', язык произведений Ф. А. Вигдоровой

WORDS WITH THE ROOT 'МАЛ' IN THE DILOGY OF F. VIGDOROVA «FAMILY HAPPINESS», «FAVORITE STREET» (ON THE EXAMPLE OF THE WORDS МАЛЫЙ, НЕМАЛЫЙ, МАЛЕНЬКИЙ, НЕМАЛЕНЬКАЯ, МАЛЫШ, МАЛОЛЕТСТВО, МАЛОЛЕТНИЙ)

E. Kulicheva,*An independent researcher, Moscow, Russian Federation***Abstract**

Aim. The purpose of this work is to identify the role of words with the root 'mal' (on the example of the words *малый, немалый, маленький, немаленькая, малыш, малолетство, малолетний*) in the diology of F. Vigdorova «Family happiness», «Favorite street».

Methodology. The article establishes the frequency of use of words with the root 'мал' in the dilogy; examines the lexicographic data of the studied words; analyzes the nest of words with the root 'мал' from the point of view of semantics. The research uses the following methods: linguistic observation and description, statistical calculation, and elements of component analysis.

Results. As a result of the semantic analysis of words with the root 'мал' determined that they are «“embedded” in the national mentality», showing features of the idiolect of the writer. They identify the reflection of conceptual content of the substantial unit of Russian culture, the national conceptual sphere of CHILDHOOD in the mental-lingualism complex linguistic identity of F. Vigdorova. Therefore, allow drawing conclusions about the traits of her worldview to evaluate the moral-philosophical view of the writer.

Research implications. The scientific novelty of the work is that the previously published articles did not present an analysis of the semantics of words with the root 'мал' (on the example of the words *малый, немалый, маленький, немаленькая, малыш, малолетство, малолетний*) in the literary texts of F. Vigdorova. The research results can be used in the preparation of lectures and practical classes on linguistic semantics, linguoculturology, and the language of fiction in higher educational institutions.

Keywords: lexeme, sema, idiolect, words with root 'мал', the language of works by F. Vigdorova

Введение

Целью обращения к словам с корнем 'мал' (*малый, немалый, маленький, немаленькая, малыш, малолетство, малолетний*) в дилогии Ф. А. Вигдоровой «Семейное счастье», «Любимая улица» является выявление их роли в рассматриваемых произведениях, для чего необходимо решить следующие задачи:

- установить частотность употребления слов с корнем 'мал' (*малый, немалый, маленький, немаленькая, малыш, малолетство, малолетний*) в текстах дилогии;

- рассмотреть лексикографические данные в отношении исследуемых слов;

- проанализировать гнездо слов с корнем 'мал' (*малый, немалый, маленький, немаленькая, малыш, малолетство, малолетний*) в романах с точки зрения семантики.

Актуальность темы статьи заключается в том, что слова с корнем 'мал' впервые рассматриваются в художественном пространстве Ф. А. Вигдоровой, что позволяет заполнить одну из лакун в описании идиолекта писательницы как русской языковой личности.

Анализ семантики слов с корнем 'мал' (*малый, немалый, маленький, немаленькая, малыш, малолетство, малолетний*) в контексте осуществлялся с помощью следующих методов исследования: лингвистического наблюдения и описания, статистического подсчёта, элементов компонентного анализа.

Теоретической базой исследования послужили труды У. А. Басовой [1], И. А. Калужной [3], И. А. Киселёвой [5], С. М. Колесниковой [6], М. Ю. Лебедевой [8], В. В. Леденёвой [9–10], О. О. Масловой [11] и других учёных.

Практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы в вузовском преподавании, например, в курсах лингвистической семантики, лингвокультурологии, языка художественной литературы.

Слова *малыш, малолетство, малолетний* в узусе и текстах дилогии Ф. А. Вигдоровой

Особое место в творческом пространстве Ф. А. Вигдоровой занимают слова с корнем 'мал' (*малый, немалый, маленький, немаленькая, малыш, малолетство, малолетний*), которые наиболее частотны в идиолекте писательницы. Так, в дилогии «Семейное счастье», «Любимая улица» встречаем: имя существительное *малыш* – 9 употреблений, словоформы: *малыша* – 9, *малышу* – 1, *малышом* – 1, *малыши* – 2, в составе сложных слов: *малолетства* – 1, *малолетним* – 1, *малолетних* – 1, имя прилагательное *малый* – 2 употребления, *немалый* – 1, *маленький* – 28, словоформы: *маленького* – 4, *маленьким* – 7, *маленьком* – 4, *маленькая* – 32, *немаленькая* – 1, слово-

формы: *маленькой* – 12, *маленькую* – 13, *маленькое* – 11, словоформы: *маленьким* – 7, *маленькие* – 19, словоформы: *маленьких* – 7, *маленькими* – 1.

Конкорданс единицы *малыш* в дилогии таков: *побежит малыш, малыш раскинул, спал малыш, спустила малыша; двухлетний малыш; какой-то малыш; рядом малыши и др.* (21 сочетающаяся единица).

Лексема *малыш* представлена в художественном тексте в значении: «ребёнок, маленький мальчик» (разг.): *Малыш раскинул руки, словно собирался обнять их, и улыбнулся²; С малышиом соседская бабушка³.*

Согласно «Толковому словарю русского языка» С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой, лексема *малолетство* представлена в значении: «(прост.) Детский, отроческий возраст»⁴. Подобное значение слова находим в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова⁵.

Более подробное описание структуры данной лексемы встречаем в «Современном толковом словаре русского языка» Т. Ф. Ефремовой: «1. Период детства. 2. Детский возраст»⁶.

В дилогии «Семейное счастье», «Любимая улица» слово *малолетство* употреблено в значении ‘детский возраст’ (*Эту дурь надо вытряхивать с малолетства⁷*), лексема *малолетний* представлена

в значении ‘детского возраста’⁸ (*Надо было поручить отделу писем списаться с прокуратурой, спросить там кого следовало, что приключилось с этим малолетним Кононовым; Чрезвычайно стройная система воспитания малолетних⁹*).

Лексемы *малыш*, *малолетство*, *малолетний* являются нечастотными в исследуемом тексте, однако значимыми в ментально-лингвальном комплексе языковой личности Ф. А. Вигдоровой, поэтому используются как органическая часть её словаря (идиолексикона), имплицитно выражая авторскую позицию: детство – важный период в нравственном и духовном становлении человека.

По меткому замечанию Л. К. Чуковской, Фрида Абрамовна «более всего на свете ... любила маленьких детей. Она знала их во множестве...» [13, с. 677]. Общение с детьми приносило ей огромную радость. Ф. А. Вигдорова бережно «собирала и как превеликую радость показывала друзьям их фотографии – грудных и постарше – записывала детские слова, монологи и диалоги; дружила с детьми – ответственно и строго, по-учительски, и в то же время талантливо, весело, так что и со стороны было весело видеть её вместе с детьми. Кажется, нельзя было доставить ей большего удовольствия, чем познакомить её ещё с одним младенцем или рассказать ещё об одном» [13, с. 677].

Любовь Фриды Абрамовны к детям обусловлена в первую очередь материнским инстинктом, во-вторых, тем, что писательница ценила в детях качества, которые редко встречаются у взрослых людей: непосредственность, честность, справедливость, в-третьих, особенностями мировосприятия: в ней самой жил весёлый любознательный ребёнок, умеющий чувствовать чужую радость и боль, готовый пожертвовать всем ради ближнего.

⁸ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1997. 944 с. С. 340.

⁹ Вигдорова Ф. А. Любимая улица. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=55021&p=1> (дата обращения: 25.07.2020).

¹ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1997. 944 с. С. 340.

² Вигдорова Ф. А. Семейное счастье [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=55152&p=1> (дата обращения: 25.07.2020).

³ Вигдорова Ф. А. Любимая улица [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=55021&p=1> (дата обращения: 25.07.2020).

⁴ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1997. 944 с. С. 340.

⁵ Ушаков Д. Н. Толковый словарь. [Электронный ресурс]. URL: <https://ushakov.slovaronline.com/29117-МАСНЕНА> (дата обращения: 07.11.2020).

⁶ Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т. [Электронный ресурс]. URL: <https://gufo.me/dict/efremova> (дата обращения: 07.11.2020).

⁷ Вигдорова Ф. А. Любимая улица [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=55021&p=1> (дата обращения: 25.07.2020).

Детство, по мысли писательницы, важный период в формировании личности человека, именно поэтому рядом с маленьким человеком должны находиться люди, способные сохранить в нём самое ценное – душу: «Душа есть сущность живая, простая и бестелесная; невидимая, по своей природе, телесными очами; бессмертная, одарённая разумом и умом...» [2]; «Душа есть самостоятельная, особая, свободно-разумная личность» [12].

Слова Святых Отцов церкви очень точно характеризуют позицию писательницы: человек – личность уникальная и простая по своей природе, свободная, «одарённая разумом», а потому очень важно сохранить в ней индивидуальность и стремление к добру.

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля слово *малый* имеет значение: «небольшой, невеликий; короткий, низкий; узкий, тесный; молодой, недоросший; негодный по короткости своей; более употреб. маленький. ... Малый, в виде сущ. Парень, молодец, молодой человек; слуга, прислужник. Маловатый, несколько малый, короткий, тесный и пр. ... Малость, маловатость ж. свойство, состояние по знач. прил. Малость, небольшое количество, ничтожное число, безделица, маловажность. Малыш – ребёнок, дитя, мальчик и девочка; малорослый человек, коротыш; || меньшей, младший в семье, последний сын или дочь, брат, сестра. <...> Маловажный, значительный, малозначащий, неважный, незначительный, пустой, ничтожный, не стоящий внимания. Маловажность, -значительность ж. неважность, ничтожность. <...> Малолетний, -тний, кто не в полных летах, не во всех годах, не в возрасте; малолетие, -летство, -летность, считается до 15, 17-ти лет, а до 21 несовершеннолетие»¹.

В «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой полисемантическая лексема *малый* представлена

в виде двух заглавных слов, разных по значению, совпадающих по написанию и произношению (полные омонимы): «Малый¹ – 1. То же, что маленький (в 1 знач.). 2. только кр. ф. Недостаточный по размеру, узкий, тесный. 3. То же, что малолетний (устар. и прост.). 4. малое, -ого, ср. Нечто небольшое или незначительное. Малый² – 1. То же, что парень (в 1 знач.) (прост.). 2. Со словами, выражающими оценку, употреб. в знач. мужчина, человек (разг.)»².

В дилогии «Семейное счастье», «Любимая улица» слово *малый* представлено в основных узусальных значениях с актуальными дифференциальными семантиками: 'малолетний' / 'наивный, неопытный человек' в составе фразеологизма *малый ребёнок* (*Чуть ли не с отца вымахала, а скачет, как малый ребёнок*³; *В деревнях дети в твоих-то годах бывают за нянек, а ты всё малый ребёнок*⁴).

Социально-нравственный смысл слова *немалый* в текстах дилогии Ф. А. Вигдоровой

Слово *малый* противостоит по значению лексеме *немалый*, употребляющейся в художественном тексте в значении 'большой, значительный' (*Когда человек говорит так сухо, так серьёзно, всем становится ясно, что молодость не помеха, – несмотря на молодость, девушка кончила юридический институт, и за плечами у неё немалый опыт и знание жизни, и глаза у неё зоркие, и от них ничего не укроется*⁵).

В лексеме *немалый* скрыта авторская ирония. Писательница имплицитно указывает на двойственность натуры молодой

¹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 1: А – З – М. ОЛМА Медиа Групп, 2007. 640 с. С. 244–247.

² Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., дополненное. М.: Азбуковник, 1997. 944 с. С. 340.

³ Вигдорова Ф. А. Любимая улица. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=55021&p=1> (дата обращения: 25.07.2020).

⁴ Вигдорова Ф. А. Семейное счастье [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=55152&p=1> (дата обращения: 25.07.2020).

⁵ Вигдорова Ф. А. Любимая улица [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=55021&p=1> (дата обращения: 25.07.2020).

синеглазой девушки-адвоката с каштановыми волосами и металлическим голосом, на её холодность, равнодушие к судьбе невинно осуждённого подростка Сергея Кононова, на стремление утвердиться в юридической среде.

Нечастотная лексема *немалый* выражает авторскую позицию: мужество испытывается постоянно и заключается в защите невинного, в разоблачении негодяя, «в безбоязненном прямом слове»¹, в отстаивании правды. Оно требует от человека преодоления в себе животного страха за свою жизнь, за свою репутацию ради справедливости [7, с. 107].

Лексема *маленький* – концептообразующее средство раскрытия личности Ф. А. Вигдоровой

В семантической структуре имени прилагательного *маленький* («прил. к *малый*») как полисеманта просматривается связь его лексико-семантических вариантов (ЛСВ) со значениями производящего слова *малый*: 1. Незначительный по величине, размерам; противоп. *большой*². Он *принялся один за другим открывать ящики маленького письменного стола, вынул записную книжку, несколько пожелтевших писем, книгу*³; *Кабинетик маленький, чистенький, стол под зелёным сукном, на полу коврик, на окне занавеска*⁴. || *Невысокого роста*⁵. *Павлик похож на Маленького Мука, у него огромные, не по ноге, тапочки*⁶; *Ростом он*

*не вышел и весь был очень маленький: маленькое личико, маленькие ручки и огромные круглые очки*⁷. || *Короткий, немногословный*⁸. *Но всё это было забыто, когда в газете была опубликована маленькая заметка «По следам наших выступлений» и читатель узнал, что очерк сделал своё дело: ребята оправданы, судимость с них снята*⁹; *Сочинение и правда было очень маленькое, всего четыре строчки: «Если бы я была невидимкой, я бы пошла ночью в большой лес и увидела бы всех зверей, когда они идут на водопой»*¹⁰. || *Небольшой по количеству, немногочисленный. Лёша вернулся в свой маленький немецкий городок и затосковал*¹¹; *Она разбила ребят на четвёрки, каждая четвёрка должна была выбрать себе название, и они не скромничали: во дворе появились маленькие отряды под названием «Марс», «Юпитер», «Звезда»*¹². 2. Незначительный по силе, по степени проявления¹³. *Сколько он сделал для себя маленьких открытий: вот статья написана*¹⁴. || *разг. Не имеющий существенного значения*¹⁵. *Как странно, среди многих истинных разочарований одно такое маленькое тоже может показаться горьким*¹⁶.

55152&p=1 (дата обращения: 25.07.2020).

⁷ Вигдорова Ф. А. Любимая улица [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=55021&p=1> (дата обращения: 25.07.2020).

⁸ Словарь русского языка: В 4 т. [Электронный ресурс] / под ред. А. П. Евгеньевой. 5-е изд., стер. URL: http://feb-web.ru/feb/mas/mas_abc/05/ma139333.htm?cmd=0&istext=1 (дата обращения: 07.11.2020).

⁹ Вигдорова Ф. А. Любимая улица [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=55021&p=1> (дата обращения: 25.07.2020).

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Словарь русского языка: В 4-х т. [Электронный ресурс] / под ред. А. П. Евгеньевой. 5-е изд., стер. URL: http://feb-web.ru/feb/mas/mas_abc/05/ma139333.htm?cmd=0&istext=1 (дата обращения: 07.11.2020).

¹⁴ Вигдорова Ф. А. Любимая улица. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=55021&p=1> (дата обращения: 25.07.2020).

¹⁵ Словарь русского языка: В 4 т. [Электронный ресурс] / под ред. А. П. Евгеньевой. 5-е изд., стер. URL: http://feb-web.ru/feb/mas/mas_abc/05/ma139333.htm?cmd=0&istext=1 (дата обращения: 07.11.2020).

¹⁶ Вигдорова Ф. А. Любимая улица [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=55021&p=1> (дата обращения: 25.07.2020).

¹ Вигдорова Ф. А. Минуты тишины [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=214416&p=1> (дата обращения: 07.11.2020).

² Словарь русского языка: В 4-х т. [Электронный ресурс] под ред. А. П. Евгеньевой. 5-е изд., стер. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999. URL: http://feb-web.ru/feb/mas/mas_abc/05/ma139333.htm?cmd=0&istext=1 (дата обращения: 07.11.2020).

³ Вигдорова Ф. А. Семейное счастье [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=55152&p=1> (дата обращения: 25.07.2020).

⁴ Вигдорова Ф. А. Любимая улица [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=55021&p=1> (дата обращения: 25.07.2020).

⁵ Словарь русского языка: В 4 т. [Электронный ресурс] / под ред. А. П. Евгеньевой. 5-е изд., стер. URL: http://feb-web.ru/feb/mas/mas_abc/05/ma139333.htm?cmd=0&istext=1 (дата обращения: 07.11.2020).

⁶ Вигдорова Ф. А. Семейное счастье [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=55152&p=1> (дата обращения: 25.07.2020).

4. Малолетний¹. Вот папа так любит рассказывать, как мы с Лёшкой были **маленькие**, а Анися Матвеевна никогда ничего не расскажет²; И как **маленькая** была, и как молодая³. || в знач. сущ. маленький, -ого, м.; маленькая, -ой, ж. разг. Ребёнок, дитя⁴. Нет, **маленьких** больше любят. Должно быть, **маленькие** видят землю, как птицы, – сверху⁵. Эту не бери, она печальная, её **маленьким** читать не надо⁶. || Маленькая буква⁷. Всех, кого я не люблю, я буду писать с **маленькой** буквы⁸. По маленькой (выпить, пропустить и т. д.) – немного, небольшую порцию вина⁹. Выьем по маленькой? – предложил он ласково¹⁰. Моё (твоеё и т. д.) дело маленькое (разг.) – это меня не касается, я не отвечаю за это¹¹. – Моё дело **маленькое**, – думал Лёша, – не

я затеял эту прогулку¹². А он знай звенит: моё дело **маленькое**, вот передо мною рельсы, и я громыхаю по ним и развожу людей на работу¹³.

Фразеологизмы *выпить по маленькой*, *моё дело маленькое* использует писательница в художественных текстах «не столько с учётом их экспрессии, сколько с опорой на традицию применения такого средства для интимизации при сообщении мысли, изложении фактов, комментарии их» [9, с. 51–52].

Конкорданс единицы *маленький* идиолекта писательницы в диалогии таков: *палисадник маленький, маленький человек, маленький чайничек, маленький край, маленький пучок, маленький стол, маленький графинчик, маленький грузовичок, маленький полковник, маленький городок* и др. (111 сочетающихся единиц).

Лексема *маленький* – одна из ключевых в ментально-лингвальном комплексе языковой личности Ф. А. Вигдоровой, способствующая раскрытию личности автора. Так, думается, писательница наделила свою героиню Аню Москвину основным своим качеством: «любит всё **маленькое**»¹⁴.

Ф. А. Вигдорова была небольшого роста. Как отмечали современники¹⁵, её легко было принять за подростка. Маленькая хрупкая писательница с маленькими сильными руками была похожа на «добрую фею домашнего очага» [13, с. 612]. Вместе с семьёй, состоящей из пяти человек, жила она «в двух крохотных, узеньких комнатках» с *маленьким* письменным столом [13, с. 635]. Часто в их доме останавливались гости, и каждого из них согревала Ф. А. Вигдорова улыбкой, добрым словом, участием. Её всегда окружали люди. Они тянулись к ней в поисках поддержки, ду-

¹ Словарь русского языка: в 4 т. [Электронный ресурс] / под ред. А. П. Евгеньевой. 5-е изд., стер. URL: http://feb-web.ru/feb/mas/mas_abc/05/ma139333.htm?cmd=0&istext=1 (дата обращения: 07.11.2020).

² Вигдорова Ф. А. Семейное счастье. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=55152&p=1> (дата обращения: 25.07.2020).

³ Вигдорова Ф. А. Любимая улица. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=55021&p=1> (дата обращения: 25.07.2020).

⁴ Словарь русского языка: В 4 т. [Электронный ресурс] / под ред. А. П. Евгеньевой. 5-е изд., стер. URL: http://feb-web.ru/feb/mas/mas_abc/05/ma139333.htm?cmd=0&istext=1 (дата обращения: 07.11.2020).

⁵ Вигдорова Ф. А. Семейное счастье [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=55152&p=1> (дата обращения: 25.07.2020).

⁶ Вигдорова Ф. А. Любимая улица [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=55021&p=1> (дата обращения: 25.07.2020).

⁷ Словарь русского языка: В 4 т. [Электронный ресурс] / под ред. А. П. Евгеньевой. 5-е изд., стер. URL: http://feb-web.ru/feb/mas/mas_abc/05/ma139333.htm?cmd=0&istext=1 (дата обращения: 07.11.2020).

⁸ Вигдорова Ф. А. Любимая улица [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=55021&p=1> (дата обращения: 25.07.2020).

⁹ Словарь русского языка: В 4 т. [Электронный ресурс] / под ред. А. П. Евгеньевой. 5-е изд., стер. URL: http://feb-web.ru/feb/mas/mas_abc/05/ma139333.htm?cmd=0&istext=1 (дата обращения: 07.11.2020).

¹⁰ Вигдорова Ф. А. Семейное счастье [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=55152&p=1> (дата обращения: 25.07.2020).

¹¹ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 8000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1997. 944 с. С. 339.

¹² Вигдорова Ф. А. Любимая улица [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=55021&p=1> (дата обращения: 25.07.2020).

¹³ Там же.

¹⁴ Вигдорова Ф. А. Семейное счастье [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=55152&p=1> (дата обращения: 25.07.2020).

¹⁵ К. И. Чуковский, впервые увидев Фриду Абрамовну в газете «Правда», спросил её, в каком она классе. Он был очень удивлён, узнав, что перед ним учительница.

шевного тепла. Всем Фрида Абрамовна старалась помочь, пыталась уберечь от жизненных невзгод, за каждого, если было необходимо, вступала в борьбу. Как справедливо отметил Ефим Эткинд, «эта хрупкая женщина была средоточием целого периода жизни ... интеллигенции» [4].

В идиолекте писательницы слово *маленький*, помимо основных узуальных значений, свойственных языку, имеет значение 'хрупкий', 'уютный', 'тёплый', 'объединяющий' (именно такой была сама писательница и созданный ею мир): *А палисадник маленький, в глубине его пёстрая клумба с анютиными глазками и рядом низкая деревянная скамейка; На маленьких чашках – голубые незабудки¹; Маленький зелёный грузовичок бежал почему-то не по кругу, как ему полагалось, а мчался по прямой, потом вдруг сворачивал, начинал кружиться, почти танцевать².*

Нравственные, духовные установки Ф. А. Вигдоровой, представленные в ментально-лингвальном комплексе её языковой личности лексемой *маленький*, транслируются в контексте с помощью субстантива *маленькая* (в значении «малолетний»³), который используется в качестве единицы предикатной лексики («девчонка», «младенец», «крикунья»; оценочные предикаты как средства характеристики в неопределённо-личном предложении: *И маленькую сразу перестали звать «девчонка», «младенец», «крикунья»⁴*), слова с супплетивной формой *дети* (*И не верил, чтобы дети могли по доброй воле заниматься на досуге безударными гласными и толковать о режиме дня и трудолюбии⁵*), слова в форме множественного

числа *ребята* (*Вернувшись из городского сада, где он играл с ребятами в казаки-разбойники, Андрей стоял и задумчиво глядел, как, сидя на корточках, она копается в земле⁶*).

Слова *девчонка*, *младенец*, *крикунья*, *маленькая*, *маленький*, *дети*, *ребята* входят в состав лексико-семантической группы (ЛСГ), объединённой родовидовыми отношениями (*дети* – гипероним, *маленькая*, *маленький*, *девчонка*, *младенец*, *крикунья*, *ребята* – гипонимы), и репрезентируют концепт *ДЕТСТВО*, отражающий языковое сознание писательницы, её мировосприятие. Контексты, в ткань которых вплетены данные слова, носят нравственный, этический, духовный, философский характер.

На страницах художественного текста встречаются антонимичные лексемы: *маленький – взрослый* (*Люди оглядываются, смотрят на девочек – одну взрослую, а другую маленькую, которая сидит на плечах у своей старшей сестры⁷; Когда она сама была маленькая, мир взрослых ей казался если не враждебным, так глухим⁸*), *маленький – большой* (*Они разные – большие и маленькие, а есть и такие, что ползают по полу: ещё не научились ходить⁹; И каждому находится интересное занятие – и большим, и маленьким¹⁰*). Писательница использует их в произведении для того, чтобы, с одной стороны, показать два противоположных мира – мир ребёнка и мир взрослого человека/подростка; с другой стороны, на фоне противопоставления подчёркивает, что эти два мира не столь различны, как кажется на первый взгляд: дети порой оказываются мудрее взрослых, и у них стоит многому поучиться.

¹ Вигдорова Ф. А. Семейное счастье [Электронный ресурс]. URL: [https:// www.litmir.me/ br/?b=55152&p=1](https://www.litmir.me/br/?b=55152&p=1) (дата обращения: 25.07.2020).

² Вигдорова Ф. А. Любимая улица [Электронный ресурс]. URL: [https:// www.litmir.me/ br/?b=55021&p=1](https://www.litmir.me/br/?b=55021&p=1) (дата обращения: 25.07.2020).

³ Словарь русского языка: в 4 т. [Электронный ресурс] / под ред. А. П. Евгеньевой. 5-е изд., стер. URL: http://feb-web.ru/feb/mas/mas_abc/05/ma139333.htm?cmd=0&istext=1 (дата обращения: 07.11.2020).

⁴ Вигдорова Ф. А. Семейное счастье [Электронный ресурс]. URL: [https:// www.litmir.me/ br/?b=55152&p=1](https://www.litmir.me/br/?b=55152&p=1) (дата обращения: 25.07.2020).

⁵ Вигдорова Ф. А. Любимая улица [Электронный ресурс]. URL: [https:// www.litmir.me/ br/?b=55021&p=1](https://www.litmir.me/br/?b=55021&p=1) (дата обращения: 25.07.2020).

⁶ Вигдорова Ф. А. Семейное счастье [Электронный ресурс]. URL: [https:// www.litmir.me/ br/?b=55152&p=1](https://www.litmir.me/br/?b=55152&p=1) (дата обращения: 25.07.2020).

⁷ Там же

⁸ Вигдорова Ф. А. Любимая улица [Электронный ресурс]. URL: [https:// www.litmir.me/ br/?b=55021&p=1](https://www.litmir.me/br/?b=55021&p=1) (дата обращения: 25.07.2020).

⁹ Вигдорова Ф. А. Семейное счастье [Электронный ресурс]. URL: [https:// www.litmir.me/ br/?b=55152&p=1](https://www.litmir.me/br/?b=55152&p=1) (дата обращения: 25.07.2020).

¹⁰ Вигдорова Ф. А. Любимая улица [Электронный ресурс]. URL: [https:// www.litmir.me/ br/?b=55021&p=1](https://www.litmir.me/br/?b=55021&p=1) (дата обращения: 25.07.2020).

Гапакс *немаленькая* как средство выражения вечных вопросов бытия

Гапакс *немаленькая* играет важную роль в ментально-лингвальном комплексе языковой личности писательницы. Он используется в художественном тексте как органическая часть её идиолексикона и заставляет задуматься над вечными философскими вопросами бытия (о смысле жизни и смерти, скоротечности времени, сменяемости поколений, продолжении жизни человека в его детях, внуках).

Маленькая героиня Аня потеряла дедушку. Он ушёл у неё на глазах, что было для героини большим потрясением: «<...> она дрожала частой, мелкой дрожью, и зубы её стучали»¹. Аня не понимала, почему умер дедушка, не верила, что он никогда не напишет ей писем, не придет к ней. Ане страшно и больно. В минуту отчаяния она упрекает маму в том, что та с ней разговаривает как со взрослой: «*Зачем ты говоришь так, будто **немаленькая**?*»².

Для Ани детство ассоциируется с беззаботностью, любовью, родительским теплом и безопасностью. Выход из этого состояния – один из этапов взросления, который сначала не принимает Аня, подчёркивая, что она ещё маленькая. Однако случившееся, безусловно, повлияло на юную героиню, на её внутренний мир, заставило задуматься о смысле жизни и смерти, повзрослеть: «*Аня не плакала. Прямая, строгая, с глазами, которые стали как будто ещё больше на серёжном бледном лице <...>*»³.

Важно отметить, что в партии автора завуалированно звучит мысль о том, что нельзя человека уберечь ни от плохого, ни от хорошего, ни от смерти, ни от жизни: «*Всё надо увидеть в свой срок. И кто знает, когда придёт этот срок*»⁴. В этом проявляется доминирующая черта идиостиля писательницы – имплицитность авторской позиции.

Заключение

Слова с корнем 'мал' (*малый, немалый, маленький, немаленькая, малыш, малолетство, малолетний*) используются в диалогии «Семейное счастье», «Любимая улица» как органическая часть словаря (идиолексикона) Ф. А. Вигдоровой и употребляются в значениях: 'ребёнок', 'малолетний', 'детский возраст', 'наивный, неопытный человек', 'большой, значительный', 'незначительный по величине, размерам', 'невысокого роста', 'короткий', 'небольшой по количеству', 'незначительный по степени проявления', 'не имеющий существенного значения', 'маленькая буква', 'взрослая', 'хрупкий', 'уютный', 'тёплый', 'объединяющий' (писательница, её мир и мир её героев), а также входят в состав фразеологизмов *выпить по маленькой, моё дело маленькое*. Они способствуют раскрытию языковой личности Ф. А. Вигдоровой, выражая её отношение к людям, к миру (одушевлённому и неодушевлённому), а главное – к детям. Так, наиболее частотным в диалогии является значения 'детский возраст' / 'ребёнок' (57 употреблений).

Анализ семантики слов с корнем 'мал' (*малый, немалый, маленький, немаленькая, малыш, малолетство, малолетний*) в художественных текстах позволяет сделать вывод о том, что они оказываются ««встроенными» в национальный менталитет»¹, демонстрируют особенности состава идиолекта писательницы, выявляют специфику отражения концептуального содержания важнейшей единицы русской культуры, национальной концептосферы *ДЕТСТВО* в ментально-лингвальном комплексе языковой личности Ф. А. Вигдоровой, а поэтому позволяют сделать выводы о чертах её мировоззрения, оценить нравственно-философские взгляды писательницы.

Статья поступила в редакцию 21.12.2020.

¹ Вигдорова Ф. А. Любимая улица [Электронный ресурс]. URL: [https:// www.litmir.me/ br/?b=55021&p=1](https://www.litmir.me/br/?b=55021&p=1) (дата обращения: 25.07.2020).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

ЛИТЕРАТУРА

1. Басова У. А. Ментальное образование *дети* в русской языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2019. 16 с.
2. Иоанн Дамаскин. [Электронный ресурс]. URL: <https://pravoslavie.ru/6566.html> (дата обращения: 06.11.2020).
3. Калюжная И. А. Концепт «детство» в немецкой и русской лингвокультурах: автореф. дис... канд. филол. наук. Волгоград, 2007. 21 с.
4. Капитонова Н. А. Вигдорова Фрида Абрамовна, писатель, журналист, правозащитник (100 лет со дня рождения) [Электронный ресурс]. URL: <http://litkarta.chelreglib.ru/persons/writers/vigdorova-frida-abramovna> (дата обращения: 31.07.2020).
5. Киселева И. А. Концепт «семья» как часть концепта «детство» и его репрезентация в русской и английской женской мемуарной прозе конца XIX – начала XX вв. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2017. № 4. 132 с.
6. Колесникова С. М. Смыслообразующие начала понятия *семья* в русской лингвокультуре // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 5. С. 53–59.
7. Куличева Е. В. Педагогические взгляды Ф. А. Вигдоровой // Вестник Саратовского областного института развития образования. 2019. № 4 (20). 109 с.
8. Лебедева М. Ю. Концептуальное поле «Детство» и его репрезентация в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2013. 24 с.
9. Леденёва В. В. Слова с корнем 'бог' // Леденёва В. В. Слово Лескова: монография М.: ИИУ МГОУ, 2015. С. 51–52.
10. Леденёва В. В. Слова с корнем 'добр' // Леденёва В. В. Слово Лескова: монография. М.: ИИУ МГОУ, 2015. С. 84–92.
11. Маслова О. О. Концепт *детства* в научной и художественной традициях 20 века: автореф. дис. ... канд. культурологии. Ярославль, 2005. 22 с.
12. Феофан Затворник [Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/dusha> (дата обращения: 06.11.2020).
13. Чуковская Л. К. Памяти Фриды // Чуковская Л. К. Из дневника. Воспоминания. М.: Время, 2014. 736 с.

REFERENCES

1. Basova U. A. *Mental'noe obrazovanie deti v russkoi yazykovoi kartine mira: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Mental education children in the Russian linguistic picture of the world: abstract of PhD thesis in Philological sciences]. Tver, 2019. 16 p.
2. Ioann Damaskin. Available at: <https://pravoslavie.ru/6566.html> (accessed: 06.11.2020).
3. Kalyuzhnaya I. A. *Kontsept «detstvo» v nemetskoj i russkoi lingvokul'turakh: avtoref. dis... kand. filol. nauk* [The concept of "childhood" in German and Russian linguocultures: abstract of PhD thesis in Philological sciences]. Volgograd, 2007. 21 p.
4. Kapitonova N. A. *Vigdorova Frida Abramovna, pisatel', zhurnalist, pravozashchitnik (100 let so dnya rozhdeniya)* [Vigdorova Frida Abramovna, writer, journalist, human rights activist (100th anniversary)]. Available at: <http://litkarta.chelreglib.ru/persons/writers/vigdorova-frida-abramovna/> (accessed: 07.31.2020).
5. Kiseleva I. A. [The concept of "family" as a part of the concept of "childhood" and its representation in Russian and English female memoir prose of the end 19th – early 20th centuries]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Linguistics], 2017, no. 4. 132 p.
6. Kolesnikova S. M. [Semantic beginnings of the concept family in Russian linguoculture]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology], 2018, no. 5, pp. 53–59.
7. Kulicheva E. V. [F. A. Vigdorova]. In: *Vestnik Saratovskogo oblastnogo instituta razvitiya obrazovaniya* [Bulletin of the Saratov Regional Institute of Education Development], 2019, no. 4 (20), pp. 105–108.
8. Lebedeva M. YU. *Kontseptual'noe pole «Detstvo» i ego reprezentatsiya v russkom yazyke: avtoref. dis. kand. filol. nauk* [Conceptual field "Childhood" and its representation in Russian: abstract of PhD thesis in Philological sciences]. Moscow, 2013. 24 p.

¹ Национальный менталитет – единица ментально-лингвального ... пространства, которая принадлежит к числу формирующих ... языковую личность, с одной стороны, а с другой – проявляет её отношения к чему- и / или кому-либо, указывает на приоритеты» [10, 92].

9. Ledeneva V. V. [Words with the root '6or']. Ledeneva V. V. In: *Slovo Leskova* [Leskov's word], Moscow, MRSU Ed. office, 2015, pp. 51–52.
10. Ledeneva V. V. [Words with the root 'добр']. Ledeneva V. V. In: *Slovo Leskova* [Leskov's word], Moscow, MRSU Ed. office, 2015, pp. 84–92.
11. Maslova O. O. *Kontsept detstva v nauchnoi i khudozhestvennoi traditsiyakh 20 veka: avtoref. dis. ... kand. kul'turologii* [The concept of childhood in the scientific and artistic traditions of the 20th century: abstract of PhD thesis in Cultural studies]. Yaroslavl, 2005. 22 p.
12. *Feofan Zatvornik*. Available at: <https://azbyka.ru/dusha> (accessed: 06.11.2020).
13. Chukovskaya L. K. [In memory of Frida]. In: *Iz dnevnika. Vospominaniya* [From the diary. Memories]. Moscow, Vremya Publ., 2014. 736 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Куличева Евгения Вячеславовна – кандидат филологических наук, независимый исследователь;
e-mail: evgeniyao_86@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Evgeniya V. Kulicheva –Cand. Sci. (Philology), an independent researcher;
e-mail evgeniyao_86@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Куличева Е. В. Слова с корнем 'мал' в диалогии Ф.А. Вигдоровой «Семейное счастье», «Любимая улица» (на примере слов *малый, немалый, маленький, немаленькая, малыш, малолетство, малолетний*) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2021. № 2. С. 30–39.
DOI: 10.18384/2310-7278-2021-2-30-39

FOR CITATION

Kulicheva E. V. Words with the Root 'мал' in F. Vigdorova "Family happiness", "Favorite street" (On the Example of the Words *малый, немалый, маленький, немаленькая, малыш, малолетство, малолетний*). In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2021, no. 2, pp. 30–39.
DOI: 10.18384/2310-7278-2021-2-30-39

УДК 811.161.1'37

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-2-40-50

АКТУАЛЬНЫЕ ТРАНСПОНИРОВАННЫЕ ФОРМЫ ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО (СЕМАНТИКА СОСТОЯНИЯ)

Милованова М. С., Хуан Яньюй

Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина

117485, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 6, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Рассмотреть семантику и функционирование предикативных предложно-падежных форм существительного в качестве актуализированного способа оформления семантики состояния.

Процедура и методы. Основное содержание исследования составляет анализ причин, предпосылок и условий перехода предложно-падежных форм существительного в категорию состояния, проанализированы признаки лексической и грамматической трансформации актуальных транспонированных форм имени существительного на примерах словоформ *в плюсе*, *в грусти*. При проведении исследования применены методы наблюдения, обобщения, структурно-семантического анализа, статистического анализа, скалярный метод.

Результаты. Проведённый анализ словоформ *в грусти* и *в плюсе* показал, что предпосылки перехода существительного в категорию состояния заключаются в наличии семы состояния и оценочной (или потенциально-оценочной) семы в лексическом значении существительного и в значении самой словоформы, в возможности словоформы *изолироваться* от общей системы склонения – употребляться со связкой в роли устойчивых оборотов, регулярно занимающих предикативную позицию.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят определённый вклад в изучение семантики состояния и специфики категории состояния как особого класса в русской морфологической системе.

Ключевые слова: бисубстантивные предложения, категория состояния, прагматика состояния, предикативные предложно-падежные формы существительного, семантика состояния

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00609 «Современная российская аксиосфера: семантическая и прагматическая трансформация русского культурного кода»

ACTUAL TRANSPOSED FORMS OF A NOUN (SEMANTICS OF THE STATE)

M. Milovanova, Y. Huang

Pushkin State Russian Language Institute

6 Ak. Volgin ul., Moscow, 117485 Russian Federation

Abstract

Aim. The aim of this work is to consider the semantics and functioning of predicative prepositional-case forms of a noun as an updated way of formalizing the semantics of a state.

Methodology. The article reveals the reasons, prerequisites, and conditions for the transition of prepositional-case forms of a noun to the category of state, and analyzes the signs of lexical and grammatical transformation of actual transposed forms of a noun on the examples of word forms *in plus*, *in grief*. The methods of observation, generalization, structural and semantic analysis, statistical analysis, and scalar method were used in the study.

Results. The result of the analysis revealed that the prerequisites of transition prepositional-case forms of the noun in the category of state are the state semes and the estimated (or potentially estimated) semes, the ability of a word to “isolate” from the General system of declination and be used with copulas in a role of stable phrases, that regularly take predicative position.

Research implications. The results of the research contribute to the development of the ideas of the semantics of the state and the category of the state and the theory of transitivity.

Keywords: predicative prepositional-case forms of a noun, bisubstantial sentences, category of state, semantics of state, pragmatics of state

Acknowledgements: the work was supported by RFBR, Project 19-012-00609 (Modern Russian axiological sphere: semantic and pragmatic transformation of the Russian cultural code).

Введение

В последние годы всё большее развитие получают лингвистические направления, в центре внимания которых находятся исследования языка в связи с человеком и его деятельностью. В языке находят отражение содержание человеческого мышления и способ языковой концептуализации мира. Связь между языком и мышлением проявляется в том, что мышление невозможно без языка, как язык невозможен без его функциональных связей с мышлением: «связи эти настолько гибки и подвижны, что допускают различные стили и способов выражения» [7, с. 32].

Актуальные формы выражения мысли о состоянии в современном русском языке

В русской языковой картине мира со вмещаются универсальные и специфические национальные концепты, в число которых входит семантика состояния как неотъемлемая её часть, как определённая константа русского образа мысли и русской культуры [11, с. 4]. По мере стремительного развития общественной жизни семантика состояния пополняется новым содержанием и обогащается новыми способами выражения. В социуме появляются новые разновидности состояния, значимые для их носителей и нуждающиеся в фиксации, соответственно – новые понятия и слова, их обозначающие. К примеру, в современном обществе обостряется конфликт между заинтересованностью молодого человека в политике и невозможностью изменить сложившуюся полити-

ческую ситуацию. Эта новая мысль выражается заимствованным из итальянского языка словом «куалункуизмо», обозначающим *состояние, когда ты настолько устал от того, что происходит в политике, обществе и вокруг тебя, что тебе уже нет ни до чего дела* (pikabu.ru/story)¹.

С одной стороны, новое содержание семантики состояния находит выражение в традиционных формах. Бесспорно, что безлично-предикативные слова на -о являются основным способом оформления семантики состояния [9; 11; 15; 20; 21 и др.]. Так, оказались вписаны в речевую действительность сравнительно недавно, благодаря развитию неформального общения в социальных сетях, слова на -о *атмосферно* и *фэнишуйно*: *Здесь так атмосферно, что хочется всё запечатлеть и оставить в памяти* (Instagram²). *Фэнишуйно* и варианты *фенишево*, *фэнишево*, *фэйшево* употребляются как молодёжный сленг в смысле *красиво, изящно, стильно*, иногда в самом общем значении положительной оценки смысла (= *хорошо*): *Ну что, дорогие, кто хочет потестить всё ли там фэнишуйно и кошерно?* (ВКонтакте) *Пушистик: Вау, фэйшево!*³

¹ 13 иностранных слов, не имеющих аналогов в русском языке, хотя они бы очень пригодились // Пикабу [сайт]. URL: https://pikabu.ru/story/13_inostrannyikh_slov_ne_imeyushchikh_analogov_v_russkom_yazyike_khotya_oni_byi_ochen_prigodilis_1684574 (дата обращения: 03.03.2021).

² katikorol profile // Instagram [сайт]. URL: https://www.instagram.com/p/Bhl_9c6gkTc (дата обращения: 03.03.2021).

³ Словарь молодёжного сленга // MathSolution.ru. URL: <https://www.math-solution.ru/slang/11101> (дата обращения: 03.03.2021).

С другой стороны, в языке находятся и активизируются формы, наиболее удобные для передачи новых смыслов – например, *личная* форма бисубстантивных синтаксических структур для выражения состояния с актуализированной позицией носителя данного состояния, – и не имеющие аналогов среди безличных форм на *-о* (*Я / ты / мы в гневе, в панике, в стрессе, на эмоциях* и т. д.).

Мысль о состоянии – важная для русского мировосприятия, о чём свидетельствует факт выделения части речи – категории состояния, исследованию которой посвящена серия авторитетных исследований [4; 6; 9; 10; 13; 15; 18; 19; 22 и др.]. Вместе с тем, начиная с работы Л. В. Щербы, в которой были обозначены границы новой части речи [22], исследователи отмечают «неоднородность самого объекта изучения» [20, с. 36].

Стремительное обновление жизни приводит к тому, что существующие в языке безличные конструкции с компонентом безлично-предикативных слов на *-о* уже не удовлетворяют потребности говорящего в воплощении мысли об актуальных вариантах состояния: «Личность получила возможность более свободно выражать свои оценки, характеристики, отношение к миру, что отразилось в языке в виде увеличения частоты употребления предложений, отражающих ментальную деятельность человека, среди которых бисубстантивные предложения занимают заметное место» [5, с. 39].

Продуктивность проявляется в частоте использования и многообразии конструкций бисубстантивных предложений, составленных из существительного в И. п. (или его эквивалента – субстантивированного слова, местоимения-существительного и т. д.) в роли подлежащего и «связочно-субстантивного сказуемого, традиционно выполняющего в русском языке функцию обозначения разных видов состояния лица с использованием формы П. п.» [5, с. 41].

«Все преобразования, отражённые в языковой системе, происходят первоначально в условиях речи, в речевой деятельности говорящих, подыскивающих наиболее точные языковые средства для выражения мысли во

всём богатстве её оттенков, с той точностью, которую хочет выразить говорящий» [2, с. 186]. Например, в языке и речи существовали формы выражения состояния, связанного с употреблением алкоголя (*под шофе, под хмельком* и т. д.), однако для обозначения новых состояний, связанных с употреблением наркотиков, появились новые речевые формы – предложно-падежные формы существительного: *Бабы были под хмельком и пели песни. Возникновение машины привело их в состояние столбняка* (НКРЯ¹); *Лука сидел на игле плотнее его, кололся несколько раз в день, ездил в поисках ширки за сотни километров, в Кировабад, Грозный, Назрань* (НКРЯ²); *Кроме того, что он сам был под кайфом, в кармане у него нашли ещё две-три порции наркотиков* (НКРЯ³).

В рамках бисубстантивных предложений предложно-падежные формы существительного, функционирующие в качестве именной части составного сказуемого, подвергаются лексическим и грамматическим трансформациям. Эти словоформы находятся в разных звеньях шкалы переходности, в разной степени сближения с категорией состояния – «специализированной грамматической категории для выражения мысли о состоянии» [11, с. 4].

Как известно, синтаксическая функция является главным условием для перехода слов из одной части речи в другую [4, с. 31; 2, с. 187], именно предикативация имён стала критерием выделения слов состояния в самостоятельную часть речи [22]. Предикативация предложно-падежных форм существительного – исторически сложившееся в русском языке явление: «Семантика предложно-падежных форм существительного в предикативной функции отличается устойчивостью» [17, с. 115]. Предикативная позиция усиливает значение отвлечённости предложно-падежных форм, что можно иллюстрировать противопоставлением предложного падежа в разных функциях – предикативной и обсто-

¹ Цит. по НКРЯ: Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 03. 03. 2021).

² Там же.

³ Там же.

ятельственной: в первом случае реализуется прямое значение слова, во втором – переносное [1, с. 81].

Предикативная роль предложно-падежных форм существительного обуславливается преимущественно значением предлога, именно тем, что он имеет здесь не пространственно-временное значение, а вторичное, более отвлечённое: «Каждый предлог с пространственным значением имеет потенциальные способности на перенос значений при необходимых словарных условиях» [14, с. 305]. При этом глагол (*быть, находиться, пребывать* и т. д.) утрачивает своё собственно глагольное значение нахождения, пребывания где-либо и функционирует как связка, которая делает сочетание предикативным.

По наблюдениям В. В. Бабайцевой, глубоко изучившей грамматические явления переходности, «предпосылки перехода слов из одной части речи в другую, из одного лексико-грамматического разряда в другой кроются прежде всего в значении слов – лексическом и грамматическом» [2, с. 189]. Имя существительное как грамматический класс уже предрасположено к транспозиции: «Имя существительное говорит о представлении, об известном состоянии, об образе, о явлении» [4, с. 50]. В категорию состояния из категории существительного переходят предложно-падежные формы, в индивидуальном лексическом значении которых есть сема состояния. В отличие от глагола категория имени существительного обозначает недействительное состояние предмета. Статичность и неактивность, являющиеся одним из существенных семантических признаков категории имени существительного, служат основанием перехода форм существительного в категорию состояния.

К примеру, в русском языке выделяется группа существительных с суффиксами, обозначающими абстрактное значение – состояние: существительные с суффиксами *-ство, -ество*: *вдовство, девство, одиночество, довольство, единство, бегство, беспокойство, беспамятство, бешенство, замешательство, неистовство*; *-ствие*: *противодействие, спокойствие*; с суффиксом *-ие, -ье*: *веселье, раз-*

думье, волнение, восхищение, возмущение, отчаяние, сопротивление, исступление, недоумение, нетерпение, смущение, смятение; с суффиксом *-ота*: *чистота, тошнота, слепота, немота, глухота, суэта, нищета, беднота*. В русском языке имеется немало лексем со значением эмоционального состояния человека – *восторг, тоска, печаль, ужас, шок, гнев, депрессия, паника, тревога, ярость, скука* и др. Эти существительные при употреблении с предлогом демонстрируют активность перехода в категорию состояния.

Как заметил А. М. Пешковский, сущность перехода падежных форм в другие части речи заключается в «изоляции какого-нибудь одного падежа существительного из общей системы склонения: данный падеж начинал употребляться не в своём падежном значении или не в том значении всего слова, в каком употреблялись остальные падежи, и сливался с предлогом, образуя новое понятие» [14, с. 143].

Предпосылки перехода предложно-падежных форм существительного в категорию состояния обусловлены возможностью изоляции словоформы от остальных падежей данного существительного. К данному разряду словоформ относятся такие лексемы, как *в ажуре, в слезах, в трауре, на винтах, на эмоциях, на пределе, на игле, на ножах, на ногах, на нервах, под кайфом* и т. д. Эти словоформы, с одной стороны, сохраняют значение предметности и живые связи с другими членами парадигмы, вместе с тем одна из форм в результате устойчивого употребления подвергается консервации и развивает новое значение, большей степени абстрактности – значение состояния. Сравним: *Она была в трауре с длинной вуалью* (В. Брюсов, НКРЯ¹); *Когда он умер в Санкт-Петербурге в 1719 году, царь не только посетил отпевание, но и шёл в трауре за гробом Стрешнева до самого монастыря* (НКРЯ²); *А теперь мой бедный Париж в трауре* (НКРЯ³). В

¹ Цит. по НКРЯ: Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 03. 03. 2021).

² Там же.

³ Там же.

первом примере в *трауре* употребляется в прямом значении существительного – 'в одежде, повязке, носимой в знак скорби'. Второй пример (сочетание словоформы с глаголом *шёл*) отмечен синкретизмом семантики: 'быть в траурной одежде + быть в состоянии скорби'. В последнем примере словоформа в сочетании с глаголом-связкой употребляется как устойчивый оборот со значением 'в состоянии скорби'.

В современном обществе происходит изменение подхода субъекта к восприятию мира – «гносеологический (познавательный) подход к восприятию действительности вытесняется аксиологическим (оценочным)» [12, с. 64]. Лексемы, входящие в круг слов с семантикой состояния, имеют оценочную или потенциально-оценочную сему в лексическом значении. Например, к словам состояния с общей оценкой *хорошо* принадлежат такие лексемы, как *в восторге, в экстазе, в порядке, в курсе, в моде, в теме, в духе, в форме, в плюсе* и др. В круг слов состояния с отрицательной оценкой входят такие лексемы, как *в тревоге, в тоске, в слезах, в минусе, не в настроении, не в состоянии* и др.

Помимо этого, существуют словоформы с амбивалентными оценками (возможно + и –), субъективные оценки которых определяются в конкретных контекстах, например – *на эмоциях* (первичное значение – 'душевное переживание, волнение, чувство'): *Когда вчера я ей позвонил, она была такая весёлая и возбуждённая – в общем, вся на эмоциях* (НКРЯ¹). Словоформа в предложении очевидно (в одном ряду с прилагательным однозначной положительной оценки *весёлая*) имеет оценочную сему 'хорошо' – 'в хорошем настроении'. Словоформа с отрицательной оценкой находит отражение в таких предложениях: *Как видите, нюансов множество, и учесть их все сгоряча, на эмоциях, сложно* (НКРЯ²); – *Непонятно всё-таки, Юрий Сергеевич, как удалось Столетову прота-*

щить на комсомольском собрании хамскую резолюцию? Неужели только на эмоциях? Расскажите, пожалуйста. Петухов наконец переменял положение: выпрямился, расцепил руки, поправил галстук (НКРЯ³). Словоформа в качестве лексемы состояния с отрицательной оценкой обозначает 'восприятие не разумом, а под влиянием эмоций, чувств; сгоряча, не подумав'.

«Функционирование сложных предложно-падежных сочетаний интересно с той точки зрения, что практически каждое из них относится к переходной зоне в системе частей речи, т. е. категориальный статус таких единиц неустойчив и во многом зависит от контекста» [16, с. 163]. Впрочем, иногда даже контекст не даёт возможность однозначной оценочной интерпретации: *То, что в Москве, на эмоциях, вызывало восторг, здесь, на холодную голову, выглядело ужасно* (НКРЯ⁴).

Думается, что для исследования таких относительно новых и актуальных явлений целесообразно принять термин «микродиахрония / микродиахронный срез», «обозначающий проведение исследования частного явления в процессе его развития» [3, с. 14]. Исследование словоформ в микродиахронии позволит определить категориальный статус словоформ в контексте и увидеть тенденцию развития лексических и грамматических значений словоформ.

Словоформа *в плюсе* недавно появилась в качестве актуальной транспонированной словоформы существительного в категорию состояния. С предлогом *в* существительное *плюс* может употребляться в прямом значении «Знак в виде крестика (+), обозначающий сложение или положительную величину в математике» (значение 1). Такое употребление предложно-падежной формы обнаруживается в единичном примере в основном корпусе НКРЯ: *Последовательная физическая интеграция огромного фактического материала, – это я вам почти наизусть цитирую сейчас из одного журнала за тысяча девятьсот де-*

¹ Цит. по НКРЯ: Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 03. 03. 2021).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

Таблица 1 / Table 1

Общая динамика изменений в употреблении словоформы в плюсе / General dynamics of changes in consumption trends word forms in plus

Знач.	Грамматический статус	Период			
		1996–2000	2001–2005	2006–2010	2011– 2016
1	форма сущ.	0	1 (↓)	0 (↓)	0 (⇒)
2	синкретичное образование	0	3 (↑)	4 (↑)	1 (↓)
3	категория состояния	2	13 (↑)	5 (↓)	7 (↑)

вяносто восьмой год, память у меня феноменальная, – так вот, наука с учётом работ Альберта Эйнштейна, Поля Дирака, Николая Козырева и других подводит к новому пониманию энергоинформационной сущности бытия в большом диапазоне интенсивностей и только в двух знаках реализации – **в плюсе** и **минусе** (НКРЯ¹).

У словоформы **в плюсе** сохраняется живая связь с существительным, о чём свидетельствуют такие примеры: По мнению аналитиков, несмотря на невысокие показатели по прибыли, остальные данные отчётности Сбербанка достаточно хорошие и есть надежда, что текущий год Сбербанк всё же закончит **в «плюсе»** (НКРЯ²); Несмотря на недостаточную для защиты от немецких танковых пушек броню, «Шерман» эффективно действовал против «пантер» и «тигров», имея **в плюсе** несравненно более лучшую манёвренность (НКРЯ³); Как вам удаётся каждый учебный год заканчивать **в плюсе**? (НКРЯ⁴). В этих случаях словоформа функционирует как дополнение, обозначающее 'иметь положительный баланс, иметь что-то преимуществом, получить хорошие результаты' (значение 2).

В иных случаях словоформа функционирует в позиции предиката в качестве категории состояния: Адвокаты всегда ведь **в плюсе** – работа такая (НКРЯ⁵); Если не

случится конца света или других жутких катаклизмов, то **в плюсе** мы останемся и по итогам всего года (НКРЯ⁶); Да, в чём-то мы будем **в плюсе** (НКРЯ⁷). В таких примерах словоформа употребляется в предикативной позиции со значением 'находиться в приоритетном положении; остаться в хорошем состоянии' = 'всё хорошо' (значение 3).

Общая динамика изменения тенденций употребления словоформы **в плюсе** в разных значениях показана в таблице 1. Словоформа впервые была зафиксирована в 1996 г., что свидетельствует о новизне самой словоформы. Интересно отметить, что уже в первых зафиксированных данных словоформа была способна употребляться в предикативной функции со значением состояния. Словоформа **в плюсе** обладает высокой степенью закреплённости в предикативной позиции.

Развитие грамматической и лексической семантики предложно-падежных форм также проявляется в том, что некоторые словоформы, рассматриваемые раньше как невозможное сочетание, приобретают тенденцию актуализации на настоящем этапе развития языка. В докторской диссертации И. П. Матхановой «Высказывания с семантикой состояния в современном русском языке» перечислены однокоренные языковые формы для передачи мысли о состоянии, грамматическая семантика которых по-разному относится к семантическим признакам – *Ему грустно, Он грустит, Он грустен, Ему грустит-*

¹ Цит. по НКРЯ: Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 03. 03. 2021).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

ся. При этом высказывание *Он в грусти* автором отмечено как невозможное сочетание [9, с. 12]. Однако наши наблюдения свидетельствуют, что предикативная словоформа *в грусти* относительно стабильно используется в речи.

С предлогом в существительное *грусть* может употребляться в прямом значении 'чувство печали, уныния' (значение 1); функционируя в непредикативной позиции, словоформа обладает дифференциальными признаками существительного.

Такие употребления предложно-падежной формы впервые зафиксированы в художественных текстах, но имеют оттенок непринужденности и разговорности: *Тогда-то Лизарк у всех предметов природы глазам его представляющихся, искал в грусти своей облегчения, но ни пестрота полевых цветов, которыми естество их украсило, ни прекрасное положение мест, волнующая его страсти укротить не могли* (НКРЯ¹); *Она не похожа на грусть: в грусти бывает подчас много прелести, стало быть, и поэзии; в скуке, о которой я говорю, нет её и тени* (НКРЯ²).

В основном корпусе НКРЯ зафиксировано множество примеров, в которых словоформа находится в двойной синтаксической связи – с именем и глаголом: *Проезжий рыцарь в грусти затянул разбойничью песню* (НКРЯ³). В контекстах степени связи словоформы с именем и глаголом неоднозначны. В некоторых примерах ярче проявляются свойства имени и формальная связь с классом существительных – благодаря наличию определяющего слова: *Ничего в ответ. В бесконечной грусти / Я машу им вслед...* (НКРЯ⁴). В других примерах словоформа, функционируя в качестве именной части составного сказуемого, ярче демонстрирует свойства категории состояния при полузнаменательной связке *остаться*: *Я остался в грусти и одиночестве. Надо прощаться с этим куском*

жизни – видимо, навсегда! (НКРЯ⁵). В этих случаях словоформа расположена в зоне синкретизма, в разной степени приближаясь к существительному или категории состояния, но в любом случае обладает значением 'психологическое обстоятельство печали и уныния субъекта при каком-то действии' (значение 2).

Первоначальные употребления словоформы в качестве категории состояния связаны с художественными текстами начала XX в.: *Старик Верхотуров в грусти, что его переводят в Заин-шаби: здесь он так много положил труда и умения на устройство фактории не только с внешней стороны, но, самое главное, важное – её внутреннего состояния...Сегодня мой орнитолог в грусти: подбил крупного сокола и не нашёл его* (НКРЯ⁶); *Ты извини, я просто не знаю про это заблуждение. Я вот тоже в грусти...* (НКРЯ⁷). Словоформа в качестве категории состояния занимает предикативную позицию, обозначая 'состояние печали и уныния' (значение 3). Словоформа *в грусти* в статусе категории состояния обладает отпечатком устно-разговорного стиля.

Для того чтобы продемонстрировать путь лексической и грамматической эволюции словоформы *в грусти*, проанализируем частотность употребления словоформы в микродиахронии.

Как показывает таблица 2, количество синкретичных образований намного больше, чем те с дифференциальными признаками существительного и те с морфологическим статусом категории состояния.

Небольшое количество примеров словоформы в статусе категории состояния (всего 3), зафиксированное в Национальном корпусе русского языка, свидетельствует о том, что транспозиция словоформы *в грусти* существует, однако нет тенденции к её активному использованию в новой роли. Можно предположить, что между классической языковой формой категории состояния *Х-у грустно* и предикативной формой *Х в грусти* существует конкуренция,

¹ Цит. по НКРЯ: Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 03.03.2021).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

Таблица 2 / Table 2

Общая динамика изменений в употреблении словоформы в грусти /
General dynamics of changes in consumption trends word forms in sadness

Знач.	Грамматический статус	Период					
		1700–1800	1801–1850	1851–1900	1901–1950	1951–2000	2001–2020
1	форма сущ.	2	2 (↑)	5 (↑)	7 (↑)	2 (↓)	2 (↑)
2	синкр. образ.	3	10 (↑)	11 (↑)	21 (↑)	7 (↓)	9 (↑)
3	кат. сост.	0	0 (→)	0 (→)	2 (↑)	0 (↓)	1 (↑)

в которой рассматриваемая словоформа, по-видимому, проигрывает. Вместе с тем примеры в интернете (не засвидетельствованные в НКРЯ) достаточно частотны – в поэтических текстах: *Я в грусти, и, значит, Светлана появится ночью. / Влетит налегке, как улыбка чеширского барса* (Ринат Юнусов¹); *Когда мы в грусти и печали, / Прошу, не надо громких слов...; Когда ты в грусти и печали, / Ты громких слов не говори...* (Дмитрий Ахременко²).

Кроме того, предикативная словоформа в грусти может быть востребована при наличии однородных компонентов – аналогичных форм со значением состояния в печали, в тоске, в испуге и др.: *Я в грусти, в трауре, в печали* – «Дом-2» закроют в Новый год! (Влад Нежный³); *Да-да / я в грусти и печали / меня не ждут / меня не ждали* (Никита Данилов⁴). Ср.: *Я – в унынии, в обиде, в гневе все эти дни* (А. Д. Шмелёв. Дневники. НКРЯ⁵).

Заключение

Семантика состояния непрерывно расширяет свои границы. Стремительное развитие семантики состояния выража-

ется не только в появлении новых лексем состояния, но и в актуализации синтаксической конструкции бисубстантивных предложений, которая предоставляет благоприятные условия для оформления актуальной мысли о состоянии. В этих условиях предложно-падежные формы имени существительного подвергаются лексической и грамматической трансформации и находятся в разной стадии перехода из существительного в категорию состояния. Лексические предпосылки перехода словоформ заключаются в наличии семы состояния и оценочной (или потенциально-оценочной) семы. Грамматические предпосылки перехода заложены в возможности словоформы «изолироваться» от общей системы склонения – употребляться со связкой как устойчивый оборот в предикативной позиции. Степень предикативации конкретной словоформы определяется степенью закреплённости и частотностью употребления в предикативной позиции.

Статья поступила в редакцию 28.01.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева Л. А. Разграничение предложного падежа с предлогом в в предикативной и обстоятельственной функциях // Краткие очерки по русскому языку: материалы пятой научно-методической конференции Объединения кафедр русского языка вузов Центрально-Чернозёмной зоны. Воронеж, 1964. С. 80–85.

¹ Юнусов Р. [Электронный ресурс]. URL: http://www.hrono.ru/text/2006/yunus10_06.html (дата обращения: 03.03.2021).

² Ахременко Дм. [Электронный ресурс]. URL: http://www.hrono.ru/text/2006/yunus10_06.html (дата обращения: 03.03.2021).

³ Нежный В. [Электронный ресурс]. Я в грусти, в трауре, в печали. URL: <https://stihi.ru/2020/12/19/1369> (дата обращения: 03.03.2021).

⁴ Никита Данилов [Электронный ресурс]. URL: http://www.hrono.ru/text/2006/yunus10_06.html (дата обращения: 03.03.2021).

⁵ Цит. по НКРЯ: Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 03.03.2021).

2. Бабайцева В. В. Явления переходности в грамматике русского языка. М.: Дрофа, 2000. 640 с.
3. Боровикова Н. В. Имя собственное как знак в языке и речи // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2010. № 1. С. 13–19.
4. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / под ред. Г. А. Золотовой. М.: Русский язык, 2001. 720 с.
5. Герасименко Н. А. Связочно-субстантивное сказуемое как отражение динамических процессов в русской языковой картине мира // Русский язык за рубежом. 2018. № 3. С. 37–41.
6. Исаченко А. В. О возникновении и развитии «категории состояния» в славянских языках // Вопросы языкознания. 1955. № 6. С. 47–65.
7. Кацнельсон С. Д. Категории языка и мышления: Из научного наследия. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 32.
8. Крушевский Н. В. Очерк науки о языке. М.: Казань, 1883. С. 149.
9. Матханова И. П. Высказывания с семантикой состояния в современном русском языке: дис. ...докт. филол. наук. СПб., 2001. С. 12.
10. Мигирин В. Н. Категория состояния или бессубъектные прилагательные? // Мигирин В. Н. Исследования по современному русскому языку. М.: Издательство МГУ, 1970. С. 150–157.
11. Милованова М. С. Язык и мир: лексический фонд категории состояния в современном русском языке // Русский язык за рубежом. 2018. № 3. С. 4–11.
12. Милованова М. С. Современное русское аксиологическое сознание и актуальные тенденции в языке // Педагогическое образование и наука. 2019. № 1. С. 64–69.
13. Панфилов В. М. К истории развития категории состояния, или предикативов, в русском языке: автореф. дисс. ...канд. филол. наук. Красноярск, 1961. 22 с.
14. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 8-е изд., доп. М.: Языки славянской культуры, 2001. 510 с.
15. Поспелов Н. С. В защиту категории состояния // Вопросы языкознания. 1955. № 2. С. 55–65.
16. Сарайкин И. В. Тенденции употребления предложно-падежных сочетаний, обозначающих состояние субъекта (на примере сочетания *на нервах*) // Современная российская аксиосфера: семантика и прагматика идентичности: сборник статей. М.: Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина, 2020. С. 163.
17. Собинникова В. И. Предложно-падежные формы в предикативной функции (на материале воронежских памятников письменности) // Краткие очерки по русскому языку: материалы пятой научно-методической конференции объединения кафедры русского языка вузов Центрально-чернозёмной зоны. Воронеж, 1964. С. 115.
18. Тихонов А. Н. Категория состояния в современном русском языке. М.: Самарканд: Издательство Самаркандского университета, 1960. 43 с.
19. Травничек Ф. Заметки о категории состояния // Вопросы языкознания. 1956. № 3. С. 46–53.
20. Циммерлинг А. В. Древнеисландские предикативы и гипотеза о категории состояния // Вопросы языкознания. 1998. № 1. С. 36–59.
21. Циммерлинг А. В. Имперсональные конструкции и дативно-предикативные структуры в русском языке // Вопросы языкознания. 2018. № 5. С. 7–33.
22. Щерба Л. В. О частях речи в русском языке // Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. С. 63–84.

REFERENCES

1. Andreeva L. A. [Differentiation of the prepositional case with the preposition *в* in the predicative and adverbial functions]. In: *Kratkie ocherki po russkomu yazyku: materialy pyatoi nauchno-metodicheskoi konferentsii Ob'edineniya kafedr russkogo yazyka vuzov Tsentral'no-Chernozemnoi zony* [Brief essays on the Russian language: materials of the Fifth Scientific and Methodological Conference of the Association of the Russian Language Departments of Universities of the Central Chernozem Zone], 1964. pp. 80–85.
2. Babaitseva V. V. *Yavleniya perekhodnosti v grammatike russkogo yazyka* [The phenomena of transitivity in the grammar of the Russian language]. Moscow, Drofa Publ., 2000. 640 p.
3. Borovikova N. V. [Proper name as a sign in language and speech]. In: *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Bulletin of Irkutsk State Linguistic University], 2010, no. 1, pp. 13–19.
4. Vinogradov V. V. *Russkii yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove)* [Russian language (grammatical doctrine of the word)] Moscow: Russian language Publ., 2001. 720 p.

5. Gerasimenko N. A. [Copula-noun predicate as a reflection of dynamic processes in the Russian language picture of the world]. In: *Russkii yazyk za rubezhom* [Russian language abroad], 2018, no. 3, pp. 37–41.
6. Isachenko A. V. [On the emergence and development of the “category of state” in the Slavic languages]. In: *Voprosy yazykoznaniya* [Linguistics issues], 1955, no. 6, pp. 47–65.
7. Katsnel'son S. D. *Kategorii yazyka i myshleniya: Iz nauchnogo naslediya* [Categories of language and thinking: From the scientific heritage]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2001. pp. 32.
8. Krushevskii N. V. *Ocherk nauki o yazyke* [Essay on the Science of Language]. Kazan, 1883. pp. 149.
9. Matkhanova I. P. *Vyskazyvaniya s semantikoï sostoyaniya v sovremennom russkom yazyke: diss. ... d-ra filol. nauk* [Statements with the semantics of the state in the modern Russian language: PhD thesis in Philological sciences]. St Petersburg, 2001. pp. 12.
10. Migirin V. N. [Category of state or subjectless adjectives?]. In: Migirin V. N. *Issledovaniya po sovremennomu russkomu yazyku* [Migirin V. N. Research on the modern Russian language]. Moscow, MGU Publ., 1970, pp. 150–157.
11. Milovanova M. S. [Language and the world: the lexical Fund of the category of state in the modern Russian language]. In: *Russkii yazyk za rubezhom* [Russian language abroad], 2018, no. 3, pp. 4–11.
12. Milovanova M. S. [Modern Russian axiological consciousness and current trends in language]. In: *Pedagogicheskoe obrazovanie i nauka* [Pedagogical education and science], 2019, no. 1, pp. 64–69.
13. Panfilov V. M. *K istorii razvitiya kategorii sostoyaniya, ili predikativov, v russkom yazyke: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [On the history of the development of the category of state, or predicatives, in Russian: abstract of PhD thesis in Philological sciences]. Krasnoyarsk, 1961. 22 p.
14. Peshkovskii A. M. *Russkii sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Russian syntax in a scientific light]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2001. 510 p.
15. Pospelov N. S. [In defense of the category of state]. In: *Voprosy yazykoznaniya* [Questions of linguistics], 1955, no. 2, pp. 55–65.
16. Saraikin I. V. [Trends in the use of prepositional-case combinations denoting the state of an subject (on the example of a combination *na pervax*)]. In: *Sovremennaya rossiiskaya aksiosfera: semantika i pragmatika identichnosti* [Contemporary Russian axiosphere: semantics and pragmatics of identity]. Moscow, A. S. Pushkin State Russian Language Institute Publ., 2020. pp. 163.
17. Sobinnikova V. I. [Prepositional-case forms in the predicative function (based on the material of Voronezh written monuments)] In: *Kratkie ocherki po russkomu yazyku. Materialy pyatoi nauchno-metodicheskoi konferentsii ob'edineniya kafedry russkogo yazyka vuzov Tsentral'no-chernozemnoi zony* [Brief essays on the Russian language. Materials of the fifth scientific and methodological conference of the unification of the Russian language department of universities of the Central Chernozem zone]. 1964. pp. 115.
18. Tikhonov A. N. *Kategoriya sostoyaniya v sovremennom russkom yazyke* [Category of state in the modern Russian]. Samarkand, Samarkand University Publ., 1960. 43 p.
19. Travnichuk F. [State Category Notes]. In: *Voprosy yazykoznaniya* [Linguistics issues], 1956, no. 3, pp. 46–53.
20. Tsimmerling A. V. [Old Norse Predicatives and the Category of State Hypothesis]. In: *Voprosy yazykoznaniya* [Linguistics issues], 1998, no. 1, pp. 36–59.
21. Tsimmerling A. V. [Impersonal constructions and dative-predicative structures in Russian]. In: *Voprosy yazykoznaniya* [Linguistics issues], 2018, no. 5, pp. 7–33.
22. Shcherba L. V. [On parts of speech in the Russian language]. In: Shcherba L. V. *Izbrannye raboty po russkomu yazyku* [Shcherba L. V. Selected works on the Russian language]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1957. pp. 63–84.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Милованова Мария Станиславовна – доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина;
e-mail: MSMilovanova@pushkin.institute.ru

Хуан Яньйюй – аспирант кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка имени А. С. Пушкина;
e-mail: huangyangyu@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Maria S. Milovanova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of the Russian and General Linguistics, Pushkin State Russian Language Institute ;
e-mail: MSMilovanova@pushkin.institute.ru

Huang Yangyu – Postgraduate student, Department of the Russian and General Linguistics, Pushkin State Russian Language Institute;
e-mail: huangyangyu@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Милованова М. С., Хуан Яньюй. Актуальные транспонированные формы имени существительного (семантика состояния) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2021. № 2. С. 40–50.
DOI: 10.18384/2310-7278-2021-2-40-50

FOR CITATION

Milovanova M. S., Huang Yanyu. Actual Transposed Forms of a Noun (Semantics of the State). In: Bulletin of In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2021, no. 2, pp. 40–50.
DOI: 10.18384/2310-7278-2021-2-40-50

УДК 81'373.47

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-2-51-67

НЕКОТОРЫЕ ПРОДУКТИВНЫЕ СПОСОБЫ ТРАНСФОРМАЦИИ КОМПАРАТИВНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Огольцева Е. В.*Московский педагогический государственный университет**119991, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Выявить общее и особенное в системе способов трансформации устойчивых сравнений разных структурных моделей, сопоставить процедуры преобразования формы и семантики этих единиц с приёмами трансформации фразеологических единиц в целом.

Процедура и методы. Основное содержание исследования составляет анализ факторов, оказывающих влияние на богатство и разнообразие способов авторского преобразования устойчивых сравнений; проблема рассматривается на фоне «некомпаративной фразеологии». Ставится вопрос о сходстве и различиях способов авторской трансформации двух устойчивых сравнений, относящихся к компаративному гнезду со смыслообразующим компонентом *камень*. Используются методы наблюдения и обобщения, описательный метод, метод анализа словарных дефиниций, контекстуальный анализ, компонентный анализ, статистический метод.

Результаты. В статье представлен анализ особенностей структуры и семантики компаративных фразеологизмов. В ходе исследования рассмотрены наиболее продуктивные способы авторского преобразования устойчивых сравнений, различающихся способом лексико-грамматического выражения образной основы. Выявлены наиболее частотные процедуры трансформации подобных единиц, среди которых обнаружены как присущие фразеологии в целом, так и особые способы, определяющиеся структурно-семантической спецификой устойчивых сравнений. Автор приходит к выводу, что устойчивые сравнения обладают большей гибкостью как в структурном, так и в семантическом плане, нежели основной корпус фразеологических единиц.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в теорию компаративной фразеологии, в лексикологию и стилистику. Они могут быть использованы как теоретическая база для составления словарей авторских трансформ устойчивых сравнений русского языка.

Ключевые слова: авторская трансформация, варьирование, компаративное гнездо, компаративный фразеологизм, образ, основание сравнения, синонимия, устойчивое сравнение

SOME PRODUCTIVE WAYS OF COMPARATIVE PHRASEOLOGICAL UNITS TRANSFORMATION

E. Ogoltseva*Moscow State Pedagogical University**1/1 Malaya Pirogovskaya ul., Moscow 119991, Russian Federation*

Abstract

Aim. The purpose of the work is to identify the common and special features in the system of transformation methods of stable comparisons of different structural models, to compare the procedures for transforming the form and semantics of these units with the methods of transformation of phraseological units as a whole.

Methodology. The article considers the factors that influence the richness and diversity of the author's methods of transforming stable comparisons; the problem is considered against the background of "non-comparative phraseology." The question is raised about the similarity and differences of the

author's methods of transformation of two stable comparisons related to the comparative nest with the meaning-forming component *камень*. Methods of observation and generalization, descriptive method, method of analysis of dictionary definitions, contextual analysis, component analysis, statistical method are used.

Results. The article presents an analysis of the features of comparative phraseological units' structure and semantics. During the study, the most productive ways of the author's transformation of stable comparisons that differ in lexical and grammatical expression of the figurative basis are considered. The most frequent procedures for transforming such units are identified, applicable to phraseology as a whole and special methods determined by the structural and semantic specifics of stable comparisons. The author concludes that stable comparisons have more flexibility both structurally and semantically than the main body of phraseological units.

Research implications. The results of the research contribute to the theory of comparative phraseology, lexicology, and stylistics. They can be used as a theoretical basis for compiling dictionaries of the author's transformations of stable comparisons of the Russian language.

Keywords: stable comparison, comparative phraseology, comparative nest, author's transformation, image, basis of comparison, variation, synonymy

Введение

Компаративный фразеологизм – воспроизводимая единица языка, которая выражает образное сравнение: *лёгкий / как (словно, точно) пёрышко; спешить / как (словно, точно) на пожар; обращаться с кем-либо / как с собакой; одевать кого-л. / как (словно, точно) куклу (куколку); беден / как (словно, точно) церковная крыса [мышь]* и т. п. Признак воспроизводимости подразумевает активное использование таких единиц в повседневной речи, преимущественно в неизменном виде. Воспроизводимость компаративных фразеологизмов, или устойчивых сравнений (далее УС), неразрывно связана с их устойчивостью, которая определяется, в свою очередь, тесной взаимосвязью всех элементов: того, что подвергается сравнению (элемента А); того, с чем осуществляется сравнение (В); признака-основания сравнения (С). Например: *грязный, выпачканный в грязи – как поросёнок (о человеке, преимущественно о ребёнке)*. Элемент В (*ребёнок*) связан с определённым основанием С (*грязный, чумазый, выпачкавшийся*) и со строго ограниченным диапазоном элементов А (*только человек, чаще ребёнок*).

Таким образом, УС характеризуются особой трёхкомпонентной структурой, отражающей логическую операцию сравнения. От остальных фразеологических единиц устойчивые сравнения отличает также

наличие формального показателя сравнительных отношений (как правило, это союзы *как, словно, точно, будто* и др.), особое компаративное значение, прозрачность внутренней формы (при условии, что признаки, мотивирующие акт сравнения, не затемнены в силу архаизации слова, выражающего компонент В; отметим, что последнее встречается относительно редко). Особенность компаративного значения состоит прежде всего в том, что оно не сопряжено с функцией номинации. Назначение УС – не называть признаки, а выступать в качестве средства образной индивидуализации признаков, уже выраженных в тексте (явно или имплицитно). Иными словами, перед нами особый разряд фразеологизмов, являющихся не средством образной номинации, а одним из способов образной предикации.

Помимо перечисленных особых свойств, УС характеризуются и многими признаками обычных фразеологизмов: постоянством структуры и семантики; семантической целостностью; раздельно-оформленностью (компонентным составом); образностью. Все эти свойства как раз и позволяют употреблять по отношению к ним термин «компаративные фразеологизмы».

Как известно, фразеологическая система, аккумулирующая в себе многовековой

культурный опыт народа, его знания и представления о мире, нравственно-этические и эстетические предпочтения, в целом достаточно консервативна. Вместе с тем фразеологи и стилисты уже на протяжении семи десятилетий отмечают многочисленные случаи авторских трансформаций фразеологических единиц (далее ФЕ), языковой игры с их значением и формой. Цели подобных трансформаций могут быть различными: достижение более яркого коммуникативного эффекта – оживление образа, усиление его экспрессии, преодоление «инерции восприятия» устойчивой единицы, стремление к оригинальному самовыражению. Однако «репертуар» способов трансформации фразеологических единиц ограничен несколькими позициями, среди которых, как правило: 1) расширение состава; 2) пропуск компонента; 3) контаминация – смешение в трансформированной структуре компонентов двух различных ФЕ; 4) «буквализация» актуального смысла ФЕ. Приблизительно те же процедуры стилисты включают в реестр характерных речевых ошибок при употреблении фразеологизмов.

Проблема авторского преобразования ФЕ давно обсуждается в научной литературе по фразеологии. Ещё в 1960–1970 гг. ставился вопрос о систематизации приёмов творческой трансформации устойчивых выражений [1], об отношении фразеологических вариантов к языковой норме [23; 24]. Позднее фразеологи обратились к проблеме специфики авторских преобразований ФЕ в текстах разных стилей и жанров, к фразеологическим трансформациям как одному из проявлений индивидуальной стилистической манеры писателей и публицистов [6; 7; 9]. В последние два десятилетия продолжилась работа над типологией авторских контекстуальных трансформаций и способов актуализации фразеологической образности, которая вылилась в концепцию «окказиональной фразеологии»: [3; 20; 21; 22]. К настоящему времени фразеологическая наука обогатилась серьёзными наработками в области

«авторской фразеологии», которая представляет собой не что иное, как типичные для того или иного автора приёмы «творческой обработки» языковых устойчивых выражений. Цель исследования – анализ способов авторского преобразования **устойчивых сравнений** – представителей одного компаративного гнезда. В методологическом плане исследование базируется на сопоставлении данных, полученных в результате анализа контекстного окружения исследуемых единиц, и сведений, опирающихся на анализ словарных дефиниций.

Факторы, определяющие особенности авторской трансформации устойчивых сравнений

Способы и приёмы авторского преобразования УС исследованы значительно в меньшей степени, чем трансформация фразеологических единиц, хотя в последнее время появился целый ряд интересных статей, посвящённых этой проблематике [2; 8; 11]. В целом же лингвисты находятся как бы в состоянии молчаливого согласия в том, что УС трансформируются по тем же законам, что и все остальные фразеологизмы. Однако это не совсем справедливо. Несомненно, здесь тоже возможны и вставка компонента (ср. *как бык* – *как откормленный бык*), и контаминация (ср. известное шутовое выражение *молчать / как рыба об лёд*, в структуре которого смешиваются компоненты двух УС: *молчать / как рыба* и *биться / как рыба об лёд*). Однако некоторые из продуктивных способов трансформации фразеологизмов оказываются для УС неактуальными, к примеру, пропуск компонента. Дело в том, что из трёх компонентов сравнительной конструкции и в текстах, и в живой разговорной речи, как правило, употребляется лишь компонент В (образ сравнения), в сопровождении обязательного показателя компаративных отношений – сравнительного союза *как, словно, точно, будто*. Без этого базового компонента сравнение просто не может состояться. В силу структур-

но-семантической специфики устойчивого сравнения пропущенным (без искажения образно-компаративной функции всей единицы) может быть только компонент-«распространитель», синтаксически зависящий от слова, представляющего собой смысловой центр (*биться / как муха об стекло – биться как муха*).

Что касается «опущения» основания сравнения при употреблении УС (ср. *Х важный / как индюк – Х как индюк*), оно является вполне допустимым, регулярным, закономерным и, следовательно, неокказиональным. О приёме «буквализации», т. е. о таком преобразовании контекстного окружения, при котором УС воспринимается «в прямом значении», также нужно говорить с большой осторожностью: внутренняя форма большей части компаративных фразеологизмов «обнажена» и без каких бы то ни было авторских преобразований.

Вместе с тем УС располагают гораздо большей «гибкостью» как в структурном, так и в семантическом отношении, нежели основной корпус фразеологических единиц, а следовательно, они могут быть подвержены гораздо более глубокой и радикальной трансформации. Авторские преобразования УС в целом гораздо более частотны и более «изобретательны». Отметим некоторые факторы, влияющие на такое положение дел.

1. УС как особым образным единицам языка присуще важное системное свойство – широкое **варьирование формы**, которое имеет целый ряд качественно разных проявлений:

а) в системе русской компаративной фразеологии существует целая система средств усиления экспрессии, преимущественно частиц, которые осложняют и обогащают языковые модели сравнений: *как (словно, точно) ангел – ангел ангелом; (ну) настоящий ангел; (ну) прямо ангел; (ну) чисто (чистый) ангел; (ну) прямо ангел; ангел и ангел; ну ангел и ангел; ангел – да и только; суций ангел; совершенный ангел; (ну) и как есть ангел; ангел и есть ангел* и т. п. Перед нами особые конструкции, которые

с известными оговорками могут быть отнесены к «полуклише» – экспрессивным единицам разговорной речи, построенным по воспроизводимым моделям, способным наполняться различным содержанием. Конечно, подобный «полный набор» способов интенсификации компаративной семантики присущ далеко не всякому языковому образу. Однако авторы художественных и публицистических текстов, интуитивно осознавая все эти потенциальные возможности, переносят их и на те случаи, когда количество компаративных моделей ограничено языковой системой.

б) Многим УС присущи так называемые «структурно-компаративные варианты»: *как (словно, точно) у быка / сила – бычья сила* (об очень большой физической силе человека, чаще мужчины); *как у лошади (зубы) – лошадиные зубы; как журавль – журавлём (ходить); как (словно, точно) бельмо на (в) глазу – бельмом на (в) глазу* (о человеке, который является для кого-либо постоянной помехой, вызывает досаду или неприязнь); *как (словно, точно) коломёнская верста – с коломёнскую версту (об очень высоком человеке); как лопухи (уши) – лопухами (уши)*. Таким образом, наряду с основным, «прототипическим» вариантом в процессе коммуникации функционируют многочисленные формальные варианты, различающиеся лишь способом выражения компаративных отношений: кроме сравнительного союза, эту функцию могут выполнять формы сравнительной степени прилагательного (или наречия), суффиксы отсубстантивных прилагательных, падежные формы существительных.

в) Один и тот же образ часто используется в нескольких устойчивых сравнениях, которые могут быть либо близки по своей компаративной функции, либо совершенно различны. Способность УС группироваться вокруг одной образной основы, т. е. формировать своего рода «компаративные гнёзда» [16] – одно из самых ярких проявлений их «системности». Не случайно во многих словарях устойчивых сравнений используется именно алфавитно-гнездовой способ расположения материала [12;

14]. Так, в «соседних» статьях оказываются УС *зудеть, жужжать* / как *комар, хлопнуть, раздавить* / как *комара, отмахиваться* / как *от комара*; *горячий* / как *огонь, обожгло* / как *огнём, бояться* как *огня, гореть* / как *в огне, бежать* / как *от огня*. По справедливому замечанию В. М. Мокиенко, именно «стержневые слова (т. е. образы сравнений – Е. О.) ... концентрируют в себе основной образный и экспрессивный смысл сравнения» [12, с. 11]. В приведённых выше случаях мы имеем дело не просто с формальными (грамматическими) вариациями образа В [18]: единицы одного компаративного гнезда при единстве образной основы различаются основанием сравнения, а следовательно, имеют разные значения. В других случаях варианты предложно-падежных форм существительных, выражающих образ сравнения В или его семантический «ограничитель» – элемент **β**, оказываются семантически очень близкими (*идёт* / как *корове седло* (ирон.) – *сидит* / как *на корове седло* – об одежде); варьирование предлога при сохранении падежной формы, а также изменение рода одушевлённых имён существительных – названий лиц и животных, – чаще всего не приводят к изменению основания сравнения (*красный* / как *из бани* – как *после бани*; *сверкать* / как *у волка* – как *у волчицы* (о глазах); *сиять* / как *именинник* – как *именинница*)¹.

2. Возможно и **лексическое варьирование** [17], которое затрагивает прежде всего компонент В – образ компаративной конструкции, причём видоизменяться может не только центральный, смыслообразующий компонент, но и его синтаксические распространители и семантические конкретизаторы – согласованные определения-прилагательные (причастия), управляемые существительные: 1) как (словно, точно) *близнецы* [два близнеца]; как (словно, точно) *огоньки* [два огонька]; 2) как (словно, точно) *затравленный* [за-

гнанный] волк; как (словно, точно) *водовозная* [старая, загнанная, измученная, разбитая] кляча; как (словно, точно) *крысиный* [мышинный] *хвост* [хвостик]; 3) как (словно, точно) *кот на сало* [масло]; как (словно, точно) *собака на колу* [на суку].

Важно отметить также возможность варьирования других компонентов: показателя сравнения *т* – сравнительного союза (*как, словно, точно, будто, как бы, как будто, будто бы, что, ровно* и проч.) и слов-сопроводителей – экспликаторов компонента *С* (основания сравнения). Последнее особенно важно, поскольку основание сравнения (признак, на основе которого осуществляется сравнение) определяет собственно компаративное значение. Употребляясь в одном и том же значении, УС, как правило, встречается в контекстах с целым рядом слов-сопроводителей; в этом ряду могут оказаться слова разных частей речи – прилагательные, наречия, глаголы; это могут быть как отдельные слова, так и словосочетания – как свободные, так и устойчивые. Ср.: *как (словно, точно) на вулкане* – *жить, сидеть, чувствовать себя*; *как (словно, точно) раки в решете* – *копошиться, барахтаться, возиться*; *как (словно, точно) доска* – *худая, тощая, плоская* (о женщине); как (словно, точно) *в сарае* – *неуютно, холодно, пусто, грязно* где-л.; как (словно, точно) *кошка* – *влюбляться, влюбчивая, влюблена*. Подчеркнём, что подобное варьирование не сопряжено с изменением устойчивых связей между компонентами сравнительной конструкции: компаративное значение во всех случаях остаётся неизменным.

3. Модели, по которым образуются УС, достаточно разнообразны. Так, даже в структуре одного образно-компаративного гнезда может быть до 5–6 разных структурных типов, определяющихся способом выражения сравнительной части, прежде всего образной основы сравнений (В): *КРЫЛО*: как (словно, точно) *вороново (воронье) крыло*; *словно (будто, точно) крылья* <за спиной, за плечами> *выросли*; как (словно, точно *на крыльях* <лететь>. *МУХА*: *пропасть, околеть* / как (словно,

¹ В качестве источника сведений о значениях и о варьировании компонентного состава компаративных фразеологизмов здесь и далее используется Словарь устойчивых сравнений русского языка: [14].

точно) муха; прихлопнуть / как муху; отмахиваться как от <назойливой, докучливой, надоедливой>мухи; мрут / как мухи; вялый как сонная [осенняя] муха; запутаться / как муха в паутине; липнуть / как муха к мёду; биться как муха о (об) стекло; словно (точно) муха укусила; словно (точно, ровно) муху проглотил; налепать / как мухи на мёд. Мы видим, что в одном гнезде оказываются УС с компонентом В, выраженным а) словом (в именительном падеже или в одном из косвенных падежей), б) словосочетаниями с разными видами синтаксической связи (согласованием и управлением), в) предикативной конструкцией. В одних конструкциях присутствуют варьирующиеся или факультативные компоненты, а в других подобных компонентов нет.

Все отмеченные нами системные факторы как бы «раскачивают» каркас устойчивой структуры конструкции: главный признак, с которым обыденное сознание связывает устойчивость фразеологической единицы – стабильность её структуры, – оказывается признаком относительным [17; 18]. В результате создаются дополнительные предпосылки для расширения «амплитуды колебаний», присущих устойчивым сравнениям при их функционировании в художественных и публицистических текстах. Всё сказанное делает проблему трансформации УС чрезвычайно интересной и многоаспектной.

Продуктивные приёмы авторского преобразования УС как камень

Покажем потенциальное разнообразие авторских преобразований и переосмыслений одного и того же образа сравнения на примере компаративного гнезда со смыслообразующим центром *камень*.

В системе УС русского языка существительное *камень* – один из самых активных компонентов; он представлен в целом ряде компаративных фразеологических единиц: *как (словно, точно) камень, как (словно, точно) каменный, (словно, точно, будто) камень с плеч [с души, с груди,*

с сердца] свалился; словно (точно, будто) камни [пуды] <языком> ворочает, камнем на шею / висеть, как камень на шее (на душе, на сердце). Камень – одна из самых востребованных устойчивых метафор: она регулярно функционирует в речи, употребляясь прежде всего по отношению к бесчувственному сердцу; кроме того, так говорят о мужественности, нестигаемой воле; о молчании; о крепких мускулах; о жёсткой земле. По нашим наблюдениям, в текстах чрезвычайно активно функционируют и фразеологическое единство *камень на сердце (душе)*, трансформированное крылатое выражение-библейзм *камень вместо хлеба* и др. В рамках данной статьи мы рассмотрим систему языковых (воспроизводимых) значений прототипической компаративной структуры *как камень* и её синонима *как каменный*.

Устойчивое сравнение *как камень* характеризуется разветвлённой системой значений. Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимо-антонимический) приводит 9 значений: '1. Твёрдый, жёсткий. О предмете, веществе, массе. 2.1. Жёсткий, твёрдый. О постели, мебели. 2.2. Жёсткий, твёрдый. О предметах питания, кулинарных изделиях. 2.3. Жёсткая, твёрдая. Об обрабатываемой земле, почве 3. Тяжёлый. О предмете, массе чего-л.' 4. Неподвижный; лежать, сидеть – неподвижно. О человеке. 5. Молчать, не произносить ни слова; упорно не отвечать на вопросы; быть молчаливым 6. Падать, лететь вниз – быстро, стремительно. 7. Идти на дно (ко дну), тонуть, погружаться в воду – стремительно, сразу. 8. Лежать на душе [сердце], давить, наваливаться на душу [сердце]. О чувстве, мысли, заботе, переживаниях. 9.~ <на шее > ~. Висеть, виснуть.' [14, с. 235–238]. Конечно, список этих значений далеко не полон: словарь фиксирует лишь наиболее регулярные, подтверждённые значительным количеством текстовых фрагментов. Анализ контекстов, извлечённых нами из картотеки словаря [14], показал, что в действительности круг потенциальных значений УС *как камень* может быть расширен.

Важно отметить и тот факт, что разные значения этого УС реализуются в текстах с различной степенью регулярности. Ниже приведена таблица 1, в которой в обобщённом виде представлены все основные значения, которые, по данным картотеки словаря УС, могут проявляться у компаративного фразеологизма *как камень*, с указанием степени частотности употребления для каждого случая (в процентах). В наших подсчётах мы исходили из общего количества фрагментов с УС *как камень*¹.

Нетрудно заметить, что УС *как камень* способно выражать как физические свойства предметов (в том числе человека, частей его тела, а также животных, птиц), так и моральные, нравственные качества, психологические характеристики. В первом случае актуализируются такие признаки камня, как твёрдость, жёсткость, тяжесть и неподвижность (*твёрдый / как камень; тяжёлый / как камень; падать / как камень; идти ко дну / как камень; крепкий / как камень; неподвижный / как камень*). Текстовые фрагменты, в которых реализуются эти значения, явно преобладают:

1) **ТВЁРДЫЙ** (часто о земле, почве, грунте – замерзшем или неплодородном, высохшем от солнца; о продуктах питания – чёрствых, засохших или мёрзлых): *Лыжня была твёрдой, как камень, и давала неприятно жёсткое скольжение* (Ю. М. Нагибин. Дневник); *Уже выдавшие виды войска приводили деревню в оборонительное состояние, с немалым трудом разбивая промёрзшую и твёрдую, как камень, землю* (А. А. Игнатьев. Пятьдесят лет в строю)².

2) **ТЯЖЁЛЫЙ**: *Она попыталась вернуть его на бок, но не хватило сил: он был тяжёл, как камень, что лежал у*

крыльца (М. Бубеннов. Белая берёза); *А непобеждённая зима – это тьма, вёдра, замерзшие и тяжёлые как камень; это холод, всегда холод, от которого ноет сердце* (Л. Я. Гинзбург. Записные книжки. Воспоминания. Эссе);

3) **НЕПОДВИЖНЫЙ** (часто об окоченевшем, замёрзшем теле человека либо животного): *Атилла толкнул его рукой, он хотел, чтобы щенок опять прыгал, но его щенок лежал как камень* (Е. И. Замятин. Бич Божий); *На выступе поперечного отрога Селезнёв увидел мужчину, неподвижного, как камень, устремившего взгляд в степную даль* (И. А. Ефремов. Лезвие бритвы); *Коричневое тело Мака лежало среди бело-розовых камней и само было неподвижно, как камень* (А. Стругацкий, Б. Стругацкий. Обитаемый остров).

Отметим наиболее частотные приёмы авторской трансформации УС *как камень*.

1. Полная замена основания сравнения, в результате чего устойчивая конструкция по существу трансформируется в индивидуально-авторскую. Отмеченные нами выше признаки сравнения при этом не используются, а заменяются иными, актуальными в описываемой автором ситуации. Отметим некоторые подобные замены:

– «глухой» (о человеке): *Пусть он приплюснут, и вонюч, и слеп, как крот, и глух, как камень, но в сердце у него живуч неугасимый яркий пламень* [Борис Кушнер. Учитель // Вестник США, 2003. 10.15]³;

– **сосредоточенный** (о человеке): *Он умеет быть сосредоточенным как камень, и тогда ни за что его не собьёшь с той мысли, на которой он остановился* [В. Н. Гельфанд. Дневники 1944–1946 гг.];

– **спать, засыпать – крепким, беспробудным сном** (о человеке): *Устал смертельно. Заснул, как камень. Командовать первым батальоном оставил старшего лейтенанта Бурлакова [Н. Ф. Белов. Дневник (1943)]; Мы начинали свистеть, стучать кулаками, просто звать «фельдфебеля» по имени, но она спала, как камень, и разбудить её*

¹ При этом мы не учитывали: индивидуально-авторские сравнения и трансформы; употребление в текстах метафоры *камень*, отрицательного сравнения *А не камень*, конструкции типа *крепче камня, тяжелее камня*; творительный сравнения *каменем*.

² Авторы иллюстративных цитат, извлечённые нами из картотеки словаря устойчивых сравнений русского языка, оформлены в круглых скобках; примеры, взятые из Национального корпуса русского языка, – в квадратных скобках.

³ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 14.03.2021).

Таблица 1 / Table 1

Степень употребительности УС как камень в разных значениях¹ / The degree of use of the phrase как камень in different meanings

Краткая формулировка значения и объект образной характеристики	Количество единиц	Количество в процентах
Твёрдый, жёсткий; затвердеть, затвердевший: – о земле, почве, грунте, поверхности земли, дороге (47); – о продуктах питания, кулинарных изделиях (25); – о частях тела живых существ (человека, животного) (11); – о конкретных предметах (9); – о мебели (обычно мягкой), перине, подушке, тюфяке, матрасе (6); – о телах людей, часто замерзших, окоченевших; – о животных, насекомых	103	35,64%
Падать, сваливаться: – о птице (42); – о человеке (9); – о животном, насекомом (5)	53	18,3%
<i>Лечь на душе (о тяжёлом моральном грузе, гнёте (как камень, камнем))</i>	38	13,14%
<i>Тонуть, идти ко дну (как камень, камнем)</i>	22	7,6%
<i>Молчать, молчаливый</i>	15	5,1%
<i>Висеть, виснуть (как камень, камнем) на шее</i>	11	3,8%
<i>Неподатливый, непоколебимый, стойкий, твёрдый духом</i>	11	3,8 %
Бесчувственный: – о крепком сне (1) – о холодном человеке (3) – о неслышащем, будто глухом (1) – о безжизненно-неподвижном человеке (1)	6	2,07 %
<i>Прочный, крепкий</i>	1	0,34%
<i>Тяжёлый (в физическом аспекте)</i>	12	4,15%
<i>Тяжёлый (в моральном отношении)</i>	3	1,03%
<i>Неподвижный (о теле, части тела, лице)</i>	8	2,76%
<i>Наваливаться, придавливать, оттягивать (в моральном или физическом плане)</i>	6	2,07%
ВСЕГО	289	100%

было просто невозможно [А. И. Делианич. Вольфсберг-373 (1945–1960)]. Очевидно, что на подобное употребление оказывают влияние другие, узуальные значения УС как камень – ‘неподвижный’, ‘падать, лететь вниз’, ‘идти на дно (ко дну), тонуть, погружаться в воду – стремительно, сразу’.

2. Замена слов-сопроводителей при неизменном основании сравнения. Так, УС как камень в одном из своих значений ‘неподатливый, непоколебимый, стойкий, твёрдый духом’ может употребляться со словами-сопроводителями,

лишь косвенно выражающими данный признак: *Тот, кого вообще перестали интересоваться категории успеха и победы. Тот, кто сделался самодостаточным, как камень* [Ю. Трифонов. Дом на набережной]. Значение ‘твёрдый’ (о почве, грунте, земле) может вводиться в контекст при помощи ситуативно обусловленных слов-сопроводителей, в неявной форме выражающих признаки ‘твёрдый, жёсткий’: ‘убитый’, ‘сухой’, ‘растрескавшийся’, ‘мёртвый’, ‘утопанный’ и т. д. То же значение (о продуктах питания – мясных

или мучных), плодах и т. д.) реализуется в текстах не только посредством «ядерного» слова-сопроводителя *твёрдый*, но и через косвенные признаки: *мёрзлая* / как камень картошка; *замёрзшее* как камень яблоко (Н. Н. Никулин); *сушки*, *крепкие*, как камень (Ф. Абрамов); *судаки крепкие*, как камень (И. С. Шмелёв).

Значение ‘неподвижный’ (о лице человека, лишённом мимики, выразительности) реализуется через авторские слова-сопроводители, например, ‘жёсткий’: *А этот Гулливер вообще чужеватый ко всем людям, у него и лицо такое жёсткое, как камень!* [В. Осеева. Динка]. Замена слова-сопроводителя влечёт за собой и некоторую семантическую трансформацию: «жёсткое» лицо – не только малоподвижное, но и отчуждённое, недоброе, лишённое улыбки.

3. Изменение лексико-грамматического статуса слов-сопроводителей (например, замена прилагательных *тяжёлый*, *твёрдый* – глаголами *тяжелеть* / *отяжелеть*, *твердеть* / *отвердеть*, *затвердеть*): *Затвердели, как камень, тропинки, за лето набитые* [Л. А. Гоготишвили. К феноменологии непрямого говорения]; *Грязь, вывороченная гусеницами тракторов, твердела как камень* [Ю. Ратхэу. В долине Маленьких Зайчиков].

4. Замена объекта образной характеристики. К примеру, трансформация рождается в случае, если УС *твёрдый* или *тяжёлый* / *как камень* употребляется не по отношению к предмету или к телу (части тела) человека или животного и не по отношению к эмоциональному переживанию, гнетущему чувству, «обременению», которое «лежит на сердце», а по отношению к **голосу человека** (как правило, низкому или грубому), к слову (твёрдому, «чеканному», исполненному внутренней убежденности): – *Вот и опять ты лжёшь*, – сказал он *голосом твёрдым как камень*, – *ищешь вселенской подлости оправдание* [Н. Дежнёв. Принцип неопределённости]. В некоторых контекстах УС *как камень*, будучи употреблённым по отношению к слову, речи, обретает новые обертоны смысла – ‘на-

дёжный, долговечный, непоколебимый’, ‘нерушимый’, ‘истинный’: *Какое слово ни брось в это море, оно поглотит его и будет долго-долго обкатывать в своих волнах, пока не положит в правильное место на дне и станет хранить там, потому что слово, как камень – долговечно и часто переживает обронившего его* [Е. Чижова. Лавра // «Звезда», 2002]; *Ведь каждое слово вот как камень. – Он перекрестился и поглядел на Неймана* [Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей]; *Человек рождается совершенным – есть великое слово, сказанное Руссо, и слово это, как камень, останется твёрдым и истинным* [М. Шабаева. (ред.) История педагогики].

Кроме того, с камнем по признаку ‘твёрдый’ иногда сравниваются растения и их части: *Нагаев сидел на койке, курил, пока Марютин возился у печки. Саксаул попался как камень* [Ю. Трифонов. Утоление жажды]; *Но ледяной дуб по-прежнему был твёрд как камень* [Е. Л. Шварц. Два брата]; *Сначала заметили жёлтые и красные кустики каких-то растений, оказавшихся при пробе веслом твёрдыми как камень* [И. А. Ефремов. На краю Ойкумены]. Отметим кстати, что при высокой повторяемости одной и той же авторской замены объекта образной характеристики появляются основания для лексикографической кодификации подобных регулярных употреблений.

Некоторые случаи авторской замены объекта образной характеристики объясняются влиянием других устойчивых сравнений того же компаративного гнезда. Так, влиянием УС *лежать* / *как камень на сердце*, (словно, точно, будто) *камень с сердца свалился*, а также отрицательного сравнения *сердце / чьё-либо / не камень* объясняются довольно многочисленные случаи употребления УС *как камень* (*тяжёлый* или *твёрдый* – *бесчувственный*) по отношению к сердцу человека: *Бывает перед нами горе, нужда, и мы всеми силами хотели бы почувствовать сострадание, а сердце, как камень, лежит у нас в груди; не можем мы подвинуть себя на живое чувство, если оно не дано нам будет свыше* [Митрополит Антоний Блум. О некоторых

категориях нашего тварного бытия]; *Дай мне немного кротости, Моё сердце как камень* [Р. Б. Гульт. Азеф].

В пятом словарном значении ('молчать, не произносить ни слова; упорно не отвечать на вопросы; быть молчаливым') УС как *камень* употребляется только по отношению к человеку. В текстах в качестве объекта образной характеристики иногда выступает природа, окружающая человека среда либо конкретный неодушевлённый предмет: *Но всё оставалось мёртвым и беззвучным, как камень* [А. П. Ладинский. Последний путь Владимира Мономаха]. *Но радио, к сожалению, было разбито, и как его ни вертел упрямый радист, оно было немо, как камень* [В. Каверин. Два капитана]. В этих случаях замене подверглось и основание компаративной конструкции.

5. Употребление слова-сопроводителя в переносно-метафорическом значении: *Но этого может и не случиться, и тогда сорвавшийся в пропасть летит, как камень, пока не достигнет дна* [В. Г. Викторович. Речь в защиту Ани Александровой]. Шестое значение УС ('падать, лететь вниз – быстро, стремительно') подразумевает «падение» как физическое свойство предмета, в данном же случае речь идёт о нравственном падении. Налицо авторское переосмысление семантики УС, в результате которого вся компаративная конструкция воспринимается в переносном значении. Ср. другой подобный случай: *Зачем же ты меня зовёшь, В предельной горечи сомненья, Что даже солнце – только ложь, Что ты как камень упадёшь На дно бесцельного мученья* [Н. И. Гаген-Торн. Memoria].

При подобном преобразовании возможно использование УС в составе развёрнутой метафоры: *Из меня давно получился такой пирог, что, пока я горячий, лучше и быть не может, но зато в холодном виде я чёрств, как камень, и вам никакими силами не разгрызть меня, уж будьте уверены!* [В. Конецкий. Вчерашние заботы]. Перед нами уподобление натуры человека пирогу, который по-разному воспринимают «еды»-собеседники в зависимости от того, «в горячем» он виде или «холодном»

(чёрством). На первый взгляд, автор использует общеязыковой образ ставшего как *камень* мучного изделия – чёрствого, жёсткого, затвердевшего, неподатливого. Однако этот образ употребляется здесь окказионально – как образная характеристика человека. Встречаются случаи переносного употребления слова-сопроводителя *твёрдый*, в связи с чем УС как *камень* начинает употребляться в новом значении 'несгибаемый, стойкий, непоколебимый, крепкий духом': *Динка не хочет больше разжалобивать себя грустными мыслями, ей кажется, она твёрда, как камень* [В. Осеева. Динка прощается с детством].

Вероятно, к рассматриваемым примерам близок и следующий случай: *Король лежал со страдальческим выражением лица; голова его покоилась на зелёной подушке, утопая в ней, как камень...* [А. П. Ладинский. Анна Ярославна – королева Франции]. Глагол *утопать* употреблён в данном случае не в прямом значении ('тонуть'), а в преобразованном по авторскому произволу конструктивно обусловленном значении, ср.: 'в чём. Пользоваться чем-л. в излишестве, отдаваться, предаваться чему-л. сверх меры, нормы' [20, с. 535]. В данном случае *утопать* – 'будучи глубоко погружённым во что-л. мягкое и продавливая эту поверхность, становиться как бы невидимым' (о теле, частях тела человека).

6. Перестановка компонента из «зоны» слов-сопроводителей в «зону» сравнительной части. Ср. авторское употребление УС *тонуть, идти ко дну / как камень: Исчезла без отзвука, как камень на дно...* [Ю. Трифонов. Дом на Набережной]. Возможна и обратная процедура: перемещение компонентов сравнительной части в зону слов-сопроводителей: *Если гору сбросить в твою глубину, канет гора, как камень* [Ч. Айтматов. Белый пароход]. Компаративный фразеологизм *как в воду кануть* – выражение с закреплённым порядком следования компонентов. В данном случае имеет место выдвижение компонента 'кануть' на первый план, в результате чего он воспринимается как слово-сопроводитель. Далее имеет место

подмена сравнительной части: вместо *как в воду кануть* – *как камень*.

7. Контаминация: *Как камень в глубокую воду*, *канул Пинес в лагерь и без вести пропал там* [Н. И. Гаген-Торн. Мемория]. В этом примере оказались смешаны компоненты двух компаративных фразеологизмов: *идти на дно (ко дну)* / *как камень* и *как в воду кануть*. Кроме того, в целях усиления экспрессии автор использует приём расширения компонентного состава – вставляет согласованное определение *глубокую*. Компоненты тех же двух единиц использует и Чингиз Айтматов в рассмотренном выше контексте: *Если гору сбросить в твою глубину, канет гора, как камень* [Ч. Айтматов. Белый пароход].

Вообще компаративный фразеологизм *как в воду кануть*, по нашим наблюдениям, оказывает явное влияние на развитие двух значений УС *как камень*: ‘падать, лететь вниз’ и ‘идти ко дну’: у последнего в авторских контекстах регулярно проявляется значение ‘бесследно исчезать’: *После освобождения, когда мы стали медленно возвращаться к жизни, мы продолжали надеяться... Но никто ничего не знал о Вики... Она исчезла, как камень, брошенный в воду* [Ю. Друнина. Европа глазами солдата]; *Однажды, когда я зачитался, он успел схватить морковку, упал с ней в воду и исчез, как камень, на дне* [К. Г. Паустовский. Повесть о жизни. Время больших ожиданий]. *Удивительны эти исчезновения – как камень на дно!* [Н. К. Рерих. Листы дневника].

8. Использование фразеологизма (в том числе библеизма) или его части в качестве компонента В устойчивого сравнения (своего рода дефразеологизация): *И, хотя того, о чём он должен ей сказать, уже не существует, всё равно это как камень за пазухой* [К. Симонов. Так называемая личная жизнь]; *Христос пришёл как камень преткновения; одни Его приняли, другие Его отвергли* [Митрополит Антоний (Блум). О встрече].

Мы не затронули в своём анализе индивидуально-авторских сравнений с компонентом *камень* – случаи, когда мы имеем дело с совершенно новой, окказиональной и по форме, и по семантике компаратив-

ной единицей: *Жемчуг – столь же болезненное отклонение от естества, как камень в печени человека* [В. В. Овчинников. Калейдоскоп жизни]; *Занимаю в ней место и я (может быть, даже большое), но если я кончаюсь, то я вынимаюсь, как камень из речки, а твоя любовь сплывает над всем остальным* [Л. Ю. Брик. Из воспоминаний]. В подобных случаях мы имеем дело с совершенно новыми, окказиональными, «одноразовыми» и неповторимыми связями между компонентами компаративной конструкции.

Продуктивные приёмы авторского преобразования УС *как каменный*

Компаративный фразеологизм *как каменный*, очень близкий по своей компаративной семантике к УС *как камень*, тем не менее, отличается от своего синонима по целому ряду параметров. Во-первых, он встречается в текстах значительно реже (по данным картотеки Словаря устойчивых сравнений русского языка и НКРЯ, более чем в 7 раз). Во-вторых, УС *как каменный* способно выражать далеко не все признаки, которые выражает сравнение-полисемант *как камень*. Так, оно не может употребляться со словами-сопроводителями-глаголами (*висеть*, *виснуть*; *падать*, *сваливаться*, *рухнуть*; *тонуть*, *идти ко дну*; *лежать* (на душе, на сердце), *ложиться* (на душу, на сердце), *наваливаться на кого-л.*; *придавливать кого-л.*). В-третьих, если для сравнения *как камень* на первом месте по частотности значения, характеризующие физические признаки предметов (веществ) и физиологические свойства живых существ (слова-сопроводители *твёрдый* и *тяжёлый*), то для УС *как каменный*, наоборот, ядерным является признак ‘бесчувственный’ – духовное (психологическое) проявление, неразрывно связано с такими физическими качествами, как ‘неподвижный, будто застывший’ и ‘безмолвный’. Причиной подобного эмоционального состояния может быть сильное душевное потрясение, связанное с большим горем: *Женщины удивлялись, как*

она [Варвара] умеет нести свой крест. Уж лучше бы дó разу получить с фронта этот чёрный конверт, удариться замертво о землю, изойти в плаче. Ни разу никто не увидел на лице у неё ни слезинки, **как будто каменная** была (А. В. Калинин. Эхо войны); Она [Нонна Кирилловна], не проронив на панихиде ни слова, вся **будто каменная**, только прошептала в машине белыми губами: «Мне тяжело» (Ю. Бондарев. Искушение). Кроме того, многочисленные контексты раскрывают другую сторону медали: бесчувственность как равнодушие к чужой беде, как душевная чёрствость, вызывающая у окружающих не сочувствие, а осуждение и недоумение: Мигунов – равнодушен, он **точно каменный**, но ему льстит непривычная роль главного судьи и та страшная власть и ответственность, которые сопряжены с нею (А. И. Куприн. Поединок); – Мне, – говорит, – жалко было эту Мадлену, как она умирала. И ведь она, как можно было понять, даже моложе меня. А ты сидел, я даже удивляюсь, **как каменный**. – Неужели, – спрашивает, – тебе было не жалко её? (П. Ф. Нилин. Дурь). Наконец, сравнение как каменный нередко выступает как образная характеристика душевной твёрдости, решимости, несгибаемого мужества и духовной силы: Азев был бел, но **как каменный**, он собирал последние силы (Р. Б. Гуль. Азев). Сделался **словно каменный**, так твёрдо казалось принятое решение (М. А. Кравков. Рыжий конь).

Любопытно, что анализ контекстов употребления УС как каменный (сплошная выборка фрагментов, представленных в картотеке Словаря устойчивых сравнений [14] и в Национальном корпусе русского языка) показал, что этот компаративный фразеологизм чрезвычайно редко употребляется в трансформированном виде. В контекстах реализуются все отмеченные выше значения. Встречаются следующие незначительные способы трансформации:

1. Употребление в качестве основания сравнения синонимичных глаголов-метафор, например, **застыл** вместо сидел / стоял / лежал / неподвижно, был неподвижным; молчал: Клава робко присела на лоснящую-

ся скамью, кашлянула, но старик **застыл как каменный** [В. Чивилихин. Про Клаву Иванову]. Значение УС при этом остаётся неизменным.

2. Употребление в качестве слов-сопроводителей не глаголов (и примыкающих к ним наречий) и не прилагательных, а слов других частей речи или словосочетаний; при этом компаративное значение остаётся воспроизводимым, «языковым»: Укрепившись в седле **будто каменный**, он гнал мотоцикл так, что встречные машины, помячив вдалеке подобно стрелке на спидометре, внезапно прыгали вперёд, обдавали перегретым жужжанием и словно взлетали за спиной, оставляя по себе пустое эхо мотора [О. Славникова. Стрекоза, увеличенная до размеров собаки]. В данном случае признак 'неподвижный' выражается посредством деепричастного оборота укрепившись в седле.

3. Замена компонента С – признака сравнения. Это немногочисленные случаи, когда основание сравнения, актуализированное в тексте, не является воспроизводимым: Опять приподняли за плечи: подержали, отпустили. Держится прямо, как каменный. А глаза – по-прежнему – не видят. Когда все собрались: и Жорж, и Гассан, и Салла, и откровенно уже, размашисто крестившийся Воробьёв, – доктору придвинули сапоги [С. Д. Мстиславский. Крыша мира]; Неподвижные лица; цвет кожи и волос, лишённый оттенков и игры – что-то сплошное, матовое или чётное; глаза, постоянно и прямо устремлённые в глаза собеседника, – глаза, которые в то же время как будто видят что-то другое, чем-то другим озабочены; лоб странно выпуклый – точно каменный ... (И. Ф. Анненский. Вторая книга отражений).

4. Расширение состава сравнительной части УС, причём независимый субстантиват каменный становится зависимым (согласуемым) компонентом: И он действительно поплыл вместе с Жмыховым, загадочный и спокойный, как каменный божок у фанзы племянника [А. А. Фадеев. Разлив].

Таблица 2 / Table 2

Степень употребительности УС как *каменный* в разных значениях / The degree of use of the phrase как *каменный* in different meanings

Краткая формулировка значения и объект образной характеристики	Количество единиц	Количество в процентах
Неподвижный, застывший: – о лице (лишённом мимики); – о руках, ногах; – обо всём теле, корпусе, позе, положении тела (часто со словами-сопроводителями сидеть, стоять, лежать)	38	38,38%
Бесчувственный, не реагирующий на окружающее (часто со словами-сопроводителями сидеть, стоять)	20	20,2%
Молчать, быть безмолвным, будто немым	16	16,16 %
Тяжёлый, неподвижный (о теле в целом, о руках, ногах)	6	6,06%
Твёрдый, крепкий: – о земле, почве; – о теле человека, руках, ногах; о телосложении (мышцах рук, ног); – о продуктах питания, еде; – о предметах	11	11,11%
Непоколебимый, стойкий, твёрдый духом	8	8,08%
ВСЕГО	99	100%

5. К предыдущему случаю близки примеры типа: *У Мантухассара опустились руки, он сидел, как каменный истукан* [Н. К. Чуковский. Приключения профессора Зворыки]. Подобные случаи можно трактовать как своего рода контаминацию – смешение компонентов двух синонимичных УС: как *истукан* и как *каменный* ('сидеть, стоять – неподвижно, молча, ни на что не реагируя').

6. Интенсификация признака посредством использования в одном контексте УС-синонимов («каскады сравнений»): – *Так и буду сидеть, как каменный, как деревянный – до Грунечки, а не приедет... тогда... всё равно, никуда, никуда не пойду – и Виктор сильнее вдавился в спинку дивана* [Б. С. Житков. Виктор Вавич. Книга первая]; *Неверно было бы сказать, что Суворов стоял неподвижно, словно каменный или отлитый из бронзы, – это была живая, трепетная неподвижность* [С. Т. Григорьев. Александр Суворов].

7. «Расшифровка» образа сравнения посредством развёртывания основания компаративной конструкции: *Мальчик он был бойкий, весёлый, разговорчивый, но как только дело или разговор касался школы,*

Михайло делался как каменный: не огорчается, не радуется, а смотрит как-то осторожно... [Г. И. Успенский. Крестьянин и крестьянский труд]. В этом контексте мы наблюдаем детальное раскрытие тех аспектов эмоционального состояния и внешнего поведения, которые выражаются посредством УС как *каменный*. В орбиту основания сравнения, кроме признаков 'молчаливый', 'замкнутый', вовлекаются такие дополнительные проявления, как 'невесёлый', 'не способный радоваться', 'настороженный'. Примерно то же наблюдаем в примере: *Словно каменный, ничего не чувствую и готовый покориться всему, подставил я голову под удары этой давно, впрочем, жданной грозы* [Г. И. Успенский. Новые времена]. Такая «расшифровка», своего рода авторское обоснование выбранного образа, может предшествовать самому компаративному фразеологизму: *Длинная шея его не поворачивалась вовсе. Олицетворённая неподвижность и безстрастность – точно каменный. Лицо испитое, без кровинки, чёрные глаза без жизни...* [Д. Л. Иванов. Шунган. Афганистанские очерки // Вестник Европы, № 7, 1885].

Отметим кстати, что подобный способ авторской трансформации чаще встречается при употреблении компаративного фразеологизма *как каменный*: последний нуждается в более широком контексте для полного выражения признаков-оснований сравнения, чем УС *как камень*.

Заключение

1. Будучи частью русской фразеологии и характеризуясь воспроизводимостью, постоянством структуры и семантики, устойчивые сравнения подвергаются тем же процедурам трансформации, что и фразеологизмы в целом (в частности, актуальными являются такие приёмы, как контаминация, расширение состава, замена компонента). С другой стороны, приёмы авторского преобразования УС во многом специфичны, что связано с главной их особенностью – трёхкомпонентной компаративной структурой, отражающей структуру логического сравнения.

2. Устойчивые сравнения подвергаются трансформации гораздо чаще, нежели «некомпаративные фразеологизмы», и способы авторской «творческой работы» с ними гораздо более разнообразны. Это связано с действием целого ряда системно-языковых факторов, таких как лексическое и грамматическое варьирование компонентов, прежде всего признака-основания С; тенденция к формированию «компаративных гнёзд» – группировок УС вокруг одного и того же образа В; «размытость» объекта образной характеристики (А), который представляет собой не что-то конкретное и определённое, а некий заданный много-

вековой традицией употребления УС «семантический диапазон», который может потенциально расширяться; многообразие моделей, по которым образуются компаративные фразеологизмы в русском языке.

3. УС – представители одного компаративного гнезда могут существенно различаться как частотностью трансформ, так и «репертуаром» использующихся в текстах приёмов их трансформации. Эти различия непосредственно связаны с грамматическими модификациями образного ядра – компонента В (представлен он существительным или прилагательным, формой именительного падежа или косвенного, распространён он или нет и проч.). С другой стороны, разным УС одного компаративного гнезда присущи и общие закономерности в плане авторской трансформации, что определяется единством образной основы (в нашем случае это *камень*) и возможностью вступать в синонимические отношения, как это имеет место в случае с УС *как камень* и *как каменный*.

4. Поиск способов трансформации УС и их систематизация помогают выявить регулярно встречающиеся в текстах разных авторов приёмы. Частое повторение одних и тех же случаев замены слов-сопроводителей, регулярное употребление УС в новых, не зафиксированных словарями значениях, контекстуальное варьирование слов-распространителей элемента В – всё это создаёт почву для уточнения лексикографического описания того или иного компаративного фразеологизма.

Статья поступила в редакцию 22.01.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамец И. В. Семантические основы некоторых приёмов преобразования фразеологических единиц (на материале русских сатирических журналов 80-х годов XIX века): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самарканд, 1968. 37 с.
2. Антонюк Т. О. «Вклинивание» как приём авторского преобразования устойчивых сравнений (на материале русскоязычной прозы В. В. Набокова) // Мова. 2012. № 17. С. 157–160.
3. Арсентьева Е. Ф., Ахметшина А. Р. Типы контекстуальных трансформаций фразеологических единиц. Набережные Челны: Рудик, 2002. 298 с.
4. Бачурина Е. Б. Прагматический потенциал словарей сравнений // Слово. Словарь. Словесность: Динамические процессы в языке, речи и словаре (к 50-летию издания академического «Словаря современного русского литературного языка»: материалы Всероссийской научной конференции.

- Санкт-Петербург, 11–12 ноября 2015 г. / отв.ред. В. Д. Черняк. СПб.: САГА, 2016. С. 101–105.
5. Волкова Е. Ю., Федуленикова Т. Н. Трансформация объекта сравнения в адъективных компаративных фразеологических единицах в английском и русском языках // Вестник МГПУ. Серия: Филология. 2018. № 2 (30). С. 22–32.
 6. Дубровина К. Н. Лингвистические основы стилистических приёмов использования фразеологизмов в художественной литературе и публицистике // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика, 2005. № 7. С. 100–118.
 7. Караулова Т. К. Использование образных фразеологических единиц в научном тексте // Сборник научных трудов МГПИИЯ имени Мориса Тореза. Вып. 174. М., 1981. С. 139–152.
 8. Крылова М. Н. Как рыба в воде. Устойчивые сравнения: традиции и трансформации // Русская речь. 2013. № 5. С. 58–64.
 9. Кузнецова О. М. Трансформированная фразеология в произведениях И. С. Тургенева // Вестник КГУ имени Н. А. Некрасова, 2007. Т. 13. № 4. С. 127–131.
 10. Лебедева Л. А. Игровая вариантивность устойчивых сравнений и поле нормативности // Учені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Філологія. Соціальні комунікації. 2012. Т. 25 (64). № 2 (1). С. 94–99.
 11. Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Устойчивые сравнения в художественном тексте // Устойчивые фразы в парадигмах науки: Материалы Международной научной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения В. Л. Архангельского. Омск: С-Принт, 2015. С. 225–230.
 12. Мокиенко В. М. Словарь сравнений русского языка: 11 000 единиц. СПб.: Норинт, 2003. 603 с.
 13. Огольцев В. М. Краткий словарь устойчивых сравнений русского языка. Ижевск: Издательство УдГУ, 1994. 511 с.
 14. Огольцев В. М. Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимо-антонимический). М.: Русские словари: Астрель: АСТ, 2001. 800 с.
 15. Огольцев В. М. Устойчивые компаративные структуры в системе современного русского языка: дис. ... докт. филол. наук. Т. 1. Сыктывкар, 1974. 368 с.
 16. Огольцева Е. В. Компаративное гнездо как система грамматических модификаций образа сравнения // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. 2019. Вып. 3. С. 217–225.
 17. Огольцева Е. В. Лексическое варьирование в системе устойчивых сравнений // Учёные записки Орловского государственного университета. 2015. № 3 (66). С. 162–168.
 18. Огольцева Е. В. Формально-грамматическое варьирование в системе устойчивых сравнений русского языка // Теоретические и методологические проблемы филологии: сб. науч. ст., посв. 70-летию доктора филол. наук профессора Жанапиной Л. К. Алматы, 2015. С. 254–262.
 19. Прокопьева С. М. Механизмы создания фразеологической образности: дис. ... д-ра филол. наук. М., 1996. 518 с.
 20. Словарь русского языка: в 4 т. Т. 4. С–Я / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд. М.: Русский язык, 1984. 794 с.
 21. Третьякова И. Ю. Окациональная фразеология (структурно-семантический и коммуникативно-прагматический аспекты). М.: Академия, 2009. 176 с.
 22. Третьякова И. Ю. Фразеологическая образность и особенности её окационального преобразования // Вестник Костромского государственного университета. 2010. Т. 16. № 3. С. 202–206.
 23. Шварцкопф Б. С. Единицы фразеологического состава языка и норма // Актуальные проблемы культуры речи. М.: Наука, 1970. С. 153–178.
 24. Шварцкопф Б. С. Фразеологизм «сбросить со счетов» и его варианты // Вопросы культуры речи. М.: Наука, 1967. С. 169–175.

REFERENCES

1. Abramets I. V. *Semanticheskie osnovy nekotorykh priemov preobrazovaniya frazeologicheskikh edinit (na materiale russkikh satiricheskikh zhurnalov 80-kh godov XIX veka): avtoref. diss. ...kand. filol. nauk* [Semantic foundations of some transformation methods of phraseological units (based on the material of Russian satirical journals of the 1880s): abstract of PhD thesis in Philological sciences]. Samarkand, 1968. 37 p.
2. Antonyuk T. O. ["Wedging" as an author's technique to transform stable comparisons (based on the Russian-language prose of V. Nabokov)]. In: *Mova* [Mova], 2012, no. 17, pp. 157–160.
3. Arsent'eva E. F., Akhmetshina A. R. *Tipy kontekstual'nykh transformatsii frazeologicheskikh edinit* [Types

- of contextual transformations of phraseological units]. Naberezhnye Chelny, Rudik Publ., 2002. 298 p.
4. Bachurina E. B. [The Pragmatic Potential of Comparison Dictionaries]. In: *Slovo. Slovar'. Slovesnost': Dinamicheskie protsessy v yazyke, rechi i slovare (k 50-letiyu izdaniya akademicheskogo «Slovara sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka»): materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii. Sankt-Peterburg, 11–12 noyabrya 2015 g.* [Word. Dictionary. Literature: Dynamic processes in language, speech and vocabulary (for the 50th anniversary of the publication of the academic "Dictionary of the modern Russian literary language": Proceedings of the All-Russian scientific conference. St. Petersburg, November 11–12, 2015]. St Petersburg., SAGA Publ., 2016, pp. 101–105.
 5. Volkova E. Yu., Fedulenkova T. N. [Transformation of the object of comparison in adjective comparative phraseological units in English and Russian]. In: *Vestnik MGPU. Seriya: Filologiya* [Bulletin of the Moscow City Pedagogical University: Philology Series], 2018, no. 2 (30), pp. 22–32.
 6. Dubrovina K. N. [Linguistic foundations of stylistic techniques for the use of phraseological units in fiction and journalism]. In: *Vestnik RUDN. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series Linguistics], 2005, no. 7, pp. 100–118.
 7. Karaulova T. K. [The use of figurative phraseological units in a scientific text]. In: *Sbornik nauchnykh trudov MGPIYA imeni Morisa Toreza* [Collection of scientific works of the Moscow State Pedagogical Institute of Foreign Languages named after Maurice Torez]. 1981, no. 174, pp. 139–152.
 8. Krylova M. N. [Like a fish in water. Robust Comparisons: Tradition and Transformation]. In: *Russkaya rech* [Russian speech], 2013, no. 5, pp. 58–64.
 9. Kuznetsova O. M. [Transformed phraseology in the works of I. Turgenev]. In: *Vestnik KGU imeni N. A. Nekrasov* [Bulletin KSU named after N. A. Nekrasov], 2007, vol. 13, no. 4, pp. 127–131.
 10. Lebedeva L. A. [Game variability of stable comparisons and the field of normativity]. In: *Ucheni zapiski Tavriiskogo natsional'nogo universitetu im. V. I. Vernad'skogo. Seriya: Filologiya. Sotsial'ni komunikatsii* [Scientific notes of Vernadsky Taurian National University. Series: Philology. Social Communities], 2012, vol. 25 (64), no. 2 (1), pp. 94–99.
 11. Melerovich A. M., Mokienko V. M. [Strong comparisons in fictional text]. In: *Ustoichivye frazy v paradigmakh nauki: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 100-letiyu so dnya rozhdeniya V. L. Arkhangel'skogo* [Stable phrases in the paradigms of science: Proceedings of the International Scientific Conference dedicated to the 100th anniversary of V. Arkhangel'sky], 2015, pp. 225–230.
 12. Mokienko V. M. *Slovar' sravnenii russkogo yazyka: 11 000 edinit* [Dictionary of comparisons of the Russian language: 11,000 units]. St Petersburg, Norint Publ., 2003. 603 p.
 13. Ogo'tsev V. M. *Kratkii slovar' ustoichivyykh sravnenii russkogo yazyka* [A short dictionary of stable comparisons of the Russian language]. Izhevsk, Udmurt State University Publ., 1994. 511 p.
 14. Ogo'tsev V. M. *Slovar' ustoichivyykh sravnenii russkogo yazyka (sinonimo-antonimicheskii)* [Dictionary of stable comparisons of the Russian language (synonymous-antonymic)]. Moscow, Russian dictionaries Publ., Astrel Publ., AST Publ., 2001. 800 p.
 15. Ogo'tsev V. M. *Ustoichivye komparativnye struktury v sisteme sovremennogo russkogo yazyka: dis. ... dokt. filol. nauk.* [Stable comparative structures in the system of the modern Russian language: PhD thesis in Philological sciences]. Syktyvkar, 1974. 368 p.
 16. Ogo'tseva E. V. [Comparative nest as a system of grammatical modifications of the comparison image]. In: *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo* [Bulletin of Lobachevsky Nizhny Novgorod University], 2019, no. 3, pp. 217–225.
 17. Ogo'tseva E. V. [Lexical variation in the system of stable comparisons]. In: *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes of Oryol State University], 2015, no. 3 (66), pp. 162–168.
 18. Ogo'tseva E. V. [Formal-grammatical variation in the system of stable comparisons of the Russian language] In: *Teoreticheskie i metodologicheskie problemy filologii: sb. nauch. st., posv. 70-letiyu doktora filol. nauk professora Zhanalinoi L. K* [Theoretical and methodological problems of philology: collection of articles. scientific. Art., dedicated. To the 70th anniversary of doctor Philol. sciences professor Zhanalina L.K], 2015, pp. 254–262.
 19. Prokop'eva S. M. *Mekhanizmy sozdaniya frazeologicheskoi obraznosti: diss. ... d-ra filol. nauk* [Mechanisms for creating phraseological imagery: D. thesis in Filological sciences]. Moscow, 1996. 518 p.
 20. *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Moscow, Russian language Publ., 1984. 794 p.
 21. Tretyakova I. Yu. *Okkazional'naya frazeologiya (strukturno-semanticheskii i kommunikativno-pragmaticheskie aspekty)* [Occasional phraseology (structural-semantic and communicative-pragmatic aspects)]. Moscow, Academy Publ., 2009. 176 p.

22. Treťyakova I. Yu. [Phraseological imagery and features of its occasional transformation]. In: *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kostroma State University]. 2010, vol. 16., no. 3. pp. 202–206.
23. Shvartskopf B. S. *Edinitsy frazeologicheskogo sostava yazyka i norma* [Units of the phraseological composition of the language and the norm]. Moscow, Nauka Publ., 1970, pp. 153–178.
24. Shvartskopf B. S. [Phraseologism “discard” and its variants]. In: *Voprosy kul'tury rechi* [Questions of the culture of speech]. Moscow, Nauka Publ., 1967, pp. 169–175.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Огольцева Екатерина Васильевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка Московского педагогического государственного университета;
e-mail: tertiumcomp@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ekaterina V. Ogoltseva – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Prof., Department of Russian Language, Moscow Pedagogical State University;
e-mail: tertiumcomp@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Огольцева Е. В. Некоторые продуктивные способы трансформации компаративных фразеологизмов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2021. № 2. С. 51–67.
DOI: 10.18384/2310-7278-2021-2-51-67

FOR CITATION

Ogoltseva E. V. Some Productive Ways of Comparative Phraseological Units Transformation. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2021, no. 2, pp. 51–67.
DOI: 10.18384/2310-7278-2021-2-51-67

УДК 81'366

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-2-68-77

ЯВЛЯЮТСЯ ЛИ ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИМ РАЗРЯДОМ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО?

Шарандин А. Л.*Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина**392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Обосновать нетрадиционный взгляд на языковой статус имени собственного как особого структурно-семантического типа слов.

Процедура и методы. Автором использован описательный метод, проанализирован теоретический и практический материал, который позволяет увидеть противоречия в традиционном подходе к имени собственному как лексико-грамматическому разряду существительного.

Результаты. Проведённый анализ показал, что традиционный подход не учитывает особенностей индивидуальной характеристики, присущей имени собственному. Представлен вывод о том, что имена собственные представляют собой особый тип языковых знаков и выделяются не в системе части речи, а в системе структурно-семантических типов слов. Это позволяет уточнить систему лексико-грамматических разрядов существительного как части речи.

Теоретическая и/или практическая значимость. Обобщён новый материал по исследуемой теме. Статья вносит вклад в развитие концепции В.В. Виноградова о структурно-семантических типах слов и частях речи, а также в разработку теории имени собственного в контексте лексико-грамматического подхода к частям речи.

Ключевые слова: часть речи, существительное, лексико-грамматический разряд, имена собственные, структурно-семантический тип слов

ARE PROPER NAMES LEXICO-GRAMMATICAL CATEGORY OF A NOUN?

A. Sharandin*Derzhavin Tambov State University**33 Internatsionalnaya ul., Tambov 392000, Russian Federation*

Abstract

Aim. To substantiate an unconventional view of the linguistic status of a proper name as a special structural and semantic type of words.

Methodology. The author uses a descriptive method to analyze theoretical and practical material, which allows us to see the contradictions in the traditional approach to the proper name as a lexical and grammatical category of a noun.

Results. The analysis showed that the traditional approach does not consider the peculiarities of individual characterization inherent in the proper name. It is concluded that proper names represent a special type of language signs and are distinguished not in the system of parts of speech, but in the system of structural and semantic types of words. This allows us to clarify the system of lexical and grammatical categories of the noun as a part of speech.

Research implications. The article contributes to the development of V. Vinogradov's concept of structural and semantic types of words and parts of speech, as well as to the development of the theory of proper names in the context of the lexical and grammatical approach to parts of speech.

Keywords: part of speech, noun, lexical and grammatical category, proper names, structural and semantic type of words

Введение

Традиционно имена собственные (ИС) выделяются в составе существительного как части речи в качестве одного из лексико-грамматических разрядов (ЛГР), поскольку имеют языковую специфику, которая отличает их в системе ЛГР существительного. Чем обусловлено рассмотрение ИС как ЛГР именно в составе существительного? Ответ на этот вопрос лежит в плоскости разграничения частей речи (ЧР) и ЛГР как сущностей языковой классификации. Поэтому важно установить принцип выделения ЧР и ЛГР в классификационной (таксономической) деятельности человека. Данный принцип может быть общим для слов, и в этом случае он выполняет объединяющую (инвариантную) функцию, но общий принцип может иметь частный (вариантный) характер своей реализации внутри себя, т. е. допускать частичную реализацию, которая, однако, не выходит за рамки реализации общего принципа.

В этом плане, как известно, ЧР выделяются большинством исследователей на основе лексико-грамматического принципа. ЛГР также отражает данный принцип, что позволяет выделять **у ЧР и ЛГР ряд общих признаков**. К числу таких признаков русисты относят следующие: 1) **наличие единого категориального признака**, присущего значениям всех слов, входящих в тот или иной класс; 2) **наличие общих синтагматических характеристик**; 3) **наличие общих парадигматических свойств**. Таким образом, лексико-грамматический принцип, т. е. учитывающий взаимосвязь лексической и грамматической сторон слова как объекта классификации, оказывается общим принципом для выделения ЧР и ЛГР. В силу этого различие между ЧР и ЛГР оказывается обусловленным понятиями «класс слов» (ЧР) и «разряд слов» (ЛГР), поскольку атрибуты по отношению к ним одинаковые. Понятие же «класс» отличается от понятия «разряд» по линии «множество – подмножество», т. е. мы имеем дело с соотношением понятий класса и подклассов [8].

Естественно, прежде всего их различает количественный показатель: класс объединяет большее количество слов, чем подкласс (разряд). По мнению А. В. Бондарко, различия между ЧР и ЛГР связаны с тем, что они «находятся на разных ступенях семантической иерархии и характеризуются разным отношением к лексике. Части речи обладают категориальными значениями, которые охватывают всю лексику внутри данного грамматического класса слов и являются нечувствительными по отношению к различиям между отдельными группировками этой лексики и между индивидуальными лексическими значениями слов...». ЛГР «присущи значения иного типа. Они охватывают лишь определённые группы лексики внутри данной части речи и потому могут быть чувствительными к различиям между лексическими значениями группировок слов и отдельных лексических единиц» [1, с. 161]. Именно это и обуславливает различия в способе описания их лексической семантики. Семантические определения ЛГР оказываются конкретизацией общего (инвариантного) значения части речи и также должны быть квалифицированы как лексические по своей сущности, но только менее абстрактные по отношению к лексической семантике ЧР. Следовательно, **в ЧР и ЛГР мы имеем разные степени лексического абстрагирования**.

Конкретизация лексической семантики в ЛГР находит своё отражение в конкретизации по линии грамматических характеристик. Если на уровне ЧР состав парадигмы грамматической категории не выполнял классифицирующей функции, то на уровне ЛГР именно признак состава парадигмы приобретает классифицирующую функцию. В ЛГР актуализируется признак соотносительности / несоотносительности компонентов той или иной грамматической категории. Она может быть полной для одних слов ЧР, а для других – неполной (дефектной). Ср. в составе существительного слова *стол* и *изюм*, в составе прилагательного – *добрый* и *дере-*

вянный, в составе глагола – *читать* и *светить* и т. д.

Итак, принцип выделения частей речи существенно отличается от критерия выделения ЛГР, что обусловлено особенностями их лексико-грамматических характеристик.

Для выделения части речи важен не посредственный набор грамматических категорий как таковых по принципу «есть – нет» («наличие – отсутствие»), безотносительно к компонентам морфологической категории. Данная особенность обусловлена сущностью семантической природы частей речи, которая определяется в высшей степени абстрагированным понятием, позволяющим включить в состав той или иной части речи лексемы различной конкретной лексической семантики. Это значит, что, определяя часть речи с точки зрения семантики, мы имеем дело с абстрактной лексической семантикой, которая выполняет интегрирующую функцию. Следовательно, семантические определения ЛГР оказываются конкретизацией общего (инвариантного) значения части речи и также имеют абстрактную лексическую семантику, но только более конкретную по сравнению с семантикой части речи. Конкретизация осуществляется и по линии грамматических характеристик. Если на уровне части речи состав парадигмы грамматической категории не играл существенной роли, то **на уровне ЛГР именно признак состава парадигмы приобретает классифицирующую функцию**. В результате ЛГР отражает взаимосвязь и взаимодействие лексики и грамматики [9].

Имена собственные в традиционном аспекте

Рассмотрим в этом плане ЛГР имён собственных. Они выделяются по признаку названия предмета как индивидуально-го, т. е. **называют единичные предметы в своём классе** (*Лариса, Москва, Волга*). Именам собственным противопоставляются нарицательные существительные, которые являются обобщёнными названи-

ями однородных предметов (*дом, собака, кресло*). Среди собственных имён различают имена собственные в узком смысле этого слова и в широком, включающем наименование. В *узком смысле* – это имена собственные, которые обозначают имена людей, клички животных, географические и астрономические названия. В *качестве наименований* могут использоваться нарицательные существительные (журнал *«Здоровье»*, роман *«Идиот»*), сочетания слов (газета *«Комсомольская правда»*, газета *«Город на Дне»*, роман *«Война и мир»*, город *«Набережные Челны»*) и даже предложённые структуры (пьеса *«Не в свои сани не садись»*, роман *«Как закалялась сталь»*). В качестве наименований могут использоваться и имена собственные (гостиница *«Москва»*, корабль *«Нахимов»*).

Семантика имён собственных обуславливает их **грамматические особенности**: они *не имеют противопоставления по числу* и поэтому представлены, как правило, формой ед. числа. Во мн. числе имена собственные употребляются редко (*Гималаи, Афины*). Чаше их употребление во мн. числе связано не с индивидуальным обозначением предмета, а с обозначением, например, разных лиц с одинаковым именем (*в нашей группе пять Ирин*), лиц, находящихся в родственных отношениях (*супруги Орловы, семейство Петровых*). В этом случае мн. число характеризует, скорее всего, то количество, которое заложено в определяемом слове. Дело в том, что **в синтаксическом плане** имена собственные выполняют *функцию приложения*, т. е. определения, которое выражено именем собственным по отношению к другому существительному, но при этом падежное согласование оказывается факультативным признаком (ср.: *в романе «Мать», на корабле «Нахимов»*). В случае представления имён собственных наименованиями типа *роман «Как закалялась сталь»* ни о каком согласовании речь не идёт.

В качестве **орфографической приметы** используется написание имён собственных с прописной (большой) буквы.

Спорные вопросы в описании имени собственного

Признавая имена собственные словами, мы тем самым признаём и наличие у них *знаменательности*, т. е. номинативной функции, связанной с обозначением предметов и явлений действительности. При этом номинация имеет *назывной характер*, о чём свидетельствует способность имён собственных сочетаться с прилагательными в атрибутивной функции (*красивая Москва, высокие Гималаи, бескрайняя Волга*). Этим номинация имени собственного отличается от номинации местоимений, которые не называют, а указывают на предметы и явления действительности. И поэтому местоимения не сочетаются с прилагательными в атрибутивной (определяющей) позиции (А. А. Уфимцева) (**высокий я, *красивый кто*).

Однако *специфика лексического значения имени собственного выявляется не в противопоставлении местоимениям, а в противопоставлении классу нарицательных существительных*. У нарицательных существительных название связано с предметно-понятийным осмыслением объектов действительности. Имена собственные такого *предметно-понятийного обобщения не имеют*. Они путём названия выделяют объект из ряда других объектов, однородных с ним, индивидуализируя его обозначением посредством особого языкового знака – слова или словосочетания. И с этой точки зрения нарицательные существительные и имена собственные *различаются характером отражения названия* в их номинации. «У собственных имен нет общего значения, так же как у нарицательных нет индивидуального» [4, с. 325].

Важным моментом для понимания номинативной специфики имени собственного является его *связь с предметом* (объектом), который оно определяет. По мнению А. В. Суперанской, «собственное имя не мыслится вне связи с предметом» [4, с. 325].

В этом случае мы имеем своего рода **антиномию**: имена собственные сами по

себе не являются семантически значимыми единицами, оказываясь своего рода «пустыми» словами, но они оказываются семантически значимыми в составе субстантивного оборота (комплекса), который включает предметно-понятийное слово (нарицательное существительное) и имя собственное в роли его определения (приложения). В результате можно говорить об имени собственном как значимой части этого оборота (комплекса). При этом значимость связана с семантикой, а не с понятием функциональности.

В какой-то степени такая антиномия ассоциируется с антиномией по отношению к морфеме: сама по себе морфема не является семантически значимой единицей, но, являясь частью семантически значимого слова, морфема получает семантическое значение. Здесь также значимость связана с семантикой, а не с функциональностью. Отсюда и разное отношение к интерфиксам: семантически они не значимы, но функционально значимы, выполняя структурную функцию. Поэтому если значимость определяется в функциональном смысле, то интерфиксы могут претендовать на статус морфем как значимых частей слова. Если же значимость определяется в семантическом смысле, то интерфиксы морфемами не являются, поскольку они семантически пусты, семантически не значимы [7].

Как известно, в антиномии мы имеем справедливость обеих её частей. Поэтому по отношению к имени собственному справедливо мнение и тех исследователей, которые отрицают наличие значения у него, выделяя лишь функциональную значимость (А. А. Реформатский, Е. М. Галкина-Федорук и др.), и тех исследователей, которые определяют имя собственное как слово, имеющее не только определённую функцию, но и значение предметно-непонятийного типа (В. А. Никонов, А. В. Суперанская и др.). Кроме того, за ИС может признаваться понятийное содержание в его нетрадиционном понимании – без обобщающего характера, т. е. признаются единичные понятия, отражающие

единичные денотаты (О. И. Фоякова). Так, по мнению О. И. Фояковой, «имя собственное – универсальная функционально-семантическая категория имён существительных, особый тип словесных знаков, предназначенный для выделения и идентификации единичных объектов (одушевлённых и неодушевлённых), выражающих единичные понятия и общие представления об этих объектах в языке, речи и культуре народа» [6, с. 21].

Специфика имён собственных позволяет А. А. Уфимцевой считать их «лексически неполноценными, ущербными (выделено – А. Ш.)», полагая, что: «...имена собственные, в противоположность нарицательным, ограничиваются одной функцией – обозначения, что позволяет им только различать, опознавать обозначаемые предметы, лица, без указания на качественную, содержательную характеристику данного индивидуума или единичного предмета, факта» [5, с. 42].

На наш взгляд, мнение о «лексической неполноценности» имени собственного наводит на мысль о сравнении его с именем числительным, называя функция которого осознаётся и получает языковую поддержку в нумеративных оборотах (комплексах) типа *три книги, десять тетрадей*. Эти обороты часто рассматриваются как особый тип словосочетаний – *комплетивных*, т. е. в них числительное требует необходимого смыслового добавления, которое восполняет информативную недостаточность главного слова. В результате количественно-атрибутивное согласование определяет восприятие количества предметов. Количество не воспринимается в отдельности от предметов, которое оно определяет, а как бы сливается в единое целое с предметом и оказывается своего рода единым предметом (субъектом) или объектом мысли, выступая в качестве одного члена предложения (*Пять книг лежали на столе / Я увидел на столе пять книг*).

В этом плане имя собственное, являясь приложением, также обуславливает смысловое добавление, которое обеспечивает информативное восполнение и тем самым обеспечивает

информационную полноценность сочетания имени собственного и нарицательного существительного. Поэтому не случайно А. М. Суперанская отмечает «повышенную предметность» имени собственного, имея в виду его тесную связь с именуемым им объектом (предметом). Для того чтобы понять его сущность, необходимо установить, к какому предмету оно относится, узнать понятийную соотнесённость этого предмета, а уж потом установить, что данный конкретный предмет называется так-то [4, с. 263]. Например, *Пушкин* (поэт, картина, город, кафе в Москве, теплотход). Этим определяется особое положение имён собственных в языке. Они в большей степени, чем имена нарицательные, *соотнесены с экстралингвистической информацией, с энциклопедическими знаниями, которые объективированы контекстом*.

Имена собственные в узком смысле слова определяют предмет, который назван существительным. Но это определение стремится к уникальности, к тому, чтобы по этому определению в сознании носителей языка возникал и сам предмет (субъект, субстанция). Ср.: *девочка Лариса, город Тамбов, планета Земля* и т. п. В случае отсутствия эксплицитно выраженного определяемого слова мы имеем имплицитную его выраженность, т. е. приложение, выраженное именем собственным, как бы включает в своё обозначение определяемое слово, конкретное содержание которого подсказывается контекстом, знанием ситуации общения со стороны говорящего и слушающего.

Имена собственные как особый структурно-семантический тип слов

В связи с определительной функцией имени собственного и с его традиционным статусом в качестве ЛГР существительного, возникает вопрос о том, насколько соотносятся эта функция и статус в составе существительного как части речи. *Можно ли описать лексическую семантику имени собственного через частеречную семантику существительного*, т. е. в классе

предметно-понятийных слов, обозначающих предмет (субстанцию)? Думается, это сделать достаточно сложно, поскольку имена собственные не обозначают понятий в традиционном их понимании (а именно в таком смысле определяется понятие в учебной литературе), так как, будучи единственными в своём классе, они не обобщают предметов. Но обозначают ли они вообще предмет в изолированном виде, в денотативном? Можно ли, например, определить семантику имени *Лариса* или названия *Тамбов* посредством семантики предмета, даже в широком смысле? На наш взгляд, сделать это без насилия над здравым смыслом достаточно трудно. Ср.: *Лариса* – это такой предмет? Какой? ***Понятия предмета (в широком смысле) есть в их толковании, но это не есть внутренне присущее им значение, оно появляется в толковании благодаря связи имени собственного с определяемым предметом (объектом).***

Говоря о степени самостоятельности имени собственного в позиции приложения, думается, мы имеем ***нарицательно-собственный комплекс***, представленный сочетанием нарицательного существительного и имени собственного типа *река Волга, город Тамбов*. Этот комплекс, как отмечалось выше, в определённом смысле можно соотнести с нумеративным комплексом (оборотом) типа *пять книг*, который воспринимается как единое целое и в высказывании оказывается единым членом предложения. Такого рода сочетания определяются как словосочетания с необходимым информативным восполнением. Думается, и в случае с именами собственными мы имеем такого же рода словосочетания с информативным восполнением. Их лексическая семантика – обозначение индивидуального названия – требует информативного восполнения посредством обращения к объекту, который они характеризуют (определяют). Это достигается путём употребления в сочетаниях с нарицательными существительными, и поэтому данные сочетания образуют смысловое единство, которое реализуется в

синтаксически устойчивом единстве (словосочетании), выполняющем функцию одного члена предложения. Показательны в этом плане дефисные сочетания типа приложение – имя собственное (чаще всего – географическое название) стоит перед определяемым словом – родовым наименованием: *Москва-река, Ильмень-озеро, Астрахань-город*. Ср. со случаями при обратном порядке слов, когда нет дефиса: *река Москва, озеро Ильмень, город Астрахань*. В качестве единого целого выступают такие устойчивые сочетания, как *Волга-матушка, матушка-Русь, Иван-царевич, Иванушка-дурачок*.

Что же касается высказываний с опущенным нарицательным существительным, выполняющим функцию определяемого слова типа *Волга находится в России*, то они нормативны и полноценны в смысловом плане, не нарушают общения, поскольку и говорящий, и слушающий прекрасно знают, что *Волга* – это река в России, а не озеро. В том же случае, когда слушающий не обладает знаниями о речных объектах в РФ, связанных и определяемых именами собственными, может возникнуть коммуникативный сбой и последовать вопрос: *Волга – это город в России?*, на который необходим ответ: *Нет, это река*. Поэтому, на наш взгляд, возможно понимание статуса имени собственного в качестве приложения как синтаксически несамостоятельного члена предложения. В силу их восполняющего характера, оно оказывается компонентом нарицательно-собственного (*апеллятивно-собственного*) словосочетания.

В результате индивидуально-обобщённое название, представленное сочетанием (оборотом, комплексом) нарицательного существительного и имени собственного, определяет восприятие индивидуального признака и предмета. Этот признак не воспринимается в отдельности от предмета, определяемого им. Индивидуальная характеристика как бы сливается в единое целое с предметом и оказывается своего рода ***единым предметом или объектом мысли***, выступая в качестве одного члена предложения

(Город Тамбов расположен в центре России. Когда мы к городу Тамбову подъезжали, то увидели красивую реку Цну). В этом **морфолого-синтаксическая специфика** имён собственных – **субстантивно-определятельная**: они по форме существительные, а по употреблению определительные (атрибутивные) слова, т. е. близки по функции к прилагательным.

Думается, среди средств выражения определительной семантики имени собственного **основным является синтаксическая позиция приложения**. Именно она обуславливает восприятие наименований типа *пьеса «Не в свои сани не садись»* в качестве собственных имён (в широком смысле), поскольку морфологических признаков, оформляющих их содержание, они не имеют. В этом плане теоретическую значимость представляет высказывание С. Д. Кацнельсона о характере грамматического оформления слов. Он пишет: «Подлежащее для нас – синтаксическая функция, *немыслимая вне языковой формы*. Но *формой* подлежащего *может быть* не только падеж, но и место в предложении. В беспадёжных языках словопорядок – основная форма обнаружения позиционных функций (выделено – А. Ш.) [3, с. 63–64]. В русском языке, конечно, словопорядок не является основной формой выявления позиционных функций. Однако в случае с именами собственными, когда речь идёт о широком их понимании и включении в их состав наименований, синтаксическая структура которых близка к предложенческому типу и вследствие этого не может иметь морфологическое оформление, *значимой оказывается позиция приложения*. Она позволяет наименованиям обозначать признак, единичный в своём классе, т. е. они оказываются в классе имён собственных.

С точки зрения *характера и природы собственных имён* как представителей категории слов важным оказывается мнение А. В. Суперанской о том, что «быть собственным именем – это свойство определенной лексической единицы» [4, с. 107]. Она считает, что «имя собственное – категория лексическая, а не грамматическая, и

грамматических критериев выделения его из категории имени вообще слишком мало, чтобы основываться на них» [4, с. 105]. Соглашаясь с определением собственных имён как лексических единиц, имеющих специфику обозначения ими предметов и явлений действительности, мы считаем, что грамматические обозначения для выделения этого класса слов присутствуют, в частности, для имён собственных в узком смысле. Широкое же понимание имён собственных, включающее наряду со словами сочетания слов и даже предложенческие структуры, вообще исключает их морфологическую квалификацию, делая основным средством для их выделения синтаксическую функцию.

Заключение

Таким образом, на наш взгляд, есть все основания видеть в именах собственных (в узком понимании) **особый тип слов**, имеющих специфическую лексическую семантику. Однако поскольку в русском языке, как отмечал В. В. Виноградов, нет лексических значений, которые не были бы грамматически оформлены и расклассифицированы [2, с. 18], то и в случае с именами собственными их лексическая семантика оказывается структурно (грамматически) оформленной. Но они, в отличие от нарицательных существительных, не имеют изменяемости по числам, не имеют числового противопоставления, будучи представлены только каким-либо одним числом – единственным (*столица Москва, река Волга*) или множественным (*горы Гималаи, журнал «Итоги»*). Кроме того, значимым для выделения имён собственных является их основная синтаксическая позиция – приложения. Появление их в других синтаксических позициях – подлежащего, дополнения – обусловлено заместительной функцией. Поскольку уникальный характер определений, названных именами собственными, вызывает достаточно однозначный выбор существительного, то происходит своего рода их субстантивация, вследствие чего и употребление в

позициях существительного. Ср. субстантивированное прилагательное *столовая* в словарном толковании имеет компонент *комната* и *Волга* – это *река*. Поэтому более правомерно говорить об именах собственных как **особом структурно-семантическом типе слов** (в понимании В. В. Виноградова), представляющем особый тип языковых знаков, сформировавшихся на основе единичного понятия, функциональность которого определяется употреблением в составе нарицательного оборота. В этом обороте именно нарицательный компонент представлен существительным, тогда как имя собственное, строго говоря, не есть собственное существительное в том смысле, в каком мы определяем существительное как часть речи. Поэтому более корректным представляется сочетание «имена собственные, именующие существительные», а не собственные существительные.

Естественно, признание за именами собственными статуса особого структурно-семантического типа слов не означает, что они не взаимодействовали с нарицательными существительными. Причём это взаимодействие было взаимным. С одной стороны, почти любое нарицательное имя может стать именем собственным (ср. *часы Чайка*, *катер Метеор*, *гостиница Рассвет* и т. д.). Такой переход называется **онимизацией**. С другой стороны, имена собственные могут служить производящей базой для нарицательных существительных (ср.: *кольт* (револьвер, который назван по имени американского конструктора С. Кольта), *ампер* (единица силы тока, которая названа по имени французского физика и математика А. М. Ампера) и т. д. В качестве словообразовательного средства очень часто выступает нулевая морфема – нулевой суффикс (*кольт*, *ампер*).

Особенно распространённым в русском языке является переход имён собственных в имена нарицательные при получении ими употребления во множественном числе. В таком случае принято говорить об **апеллятивации** собственного имени, его **деонимизации**. Процесс апеллятива-

ции обусловлен тем, что денотат имени собственного приобретает коннотацию, связанную со специфическим контекстом его употребления, когда имя собственное теряет свою индивидуальность по отношению к предмету, который оно определяет, и делается типичным для многих чем-либо похожих друг на друга людей, поселений и т. п. Когнитивной основой для апеллятивации является прецедентный характер имени собственного, его социально-культурная значимость. Например, *Все эти чичиковы, собакевичи, плюшкины, маниловы часто встречаются в нашем окружении, в нашей жизни*. Здесь фамилии обозначают людей вообще, похожих на героев Н. В. Гоголя. В случае с апеллятивацией мы имеем дело с процессом вторичной номинации, который сопровождается морфологической или семантической деривацией. Обобщённый характер апеллятив получает за счёт употребления во множественном числе.

Рассмотрение имён собственных в аспекте соотношения частей речи и ЛГР позволяет сделать вывод о том, что они не являются ЛГР существительного, а представляют собой **особый тип языковых знаков (наименований, состоящих из слова или устойчивых сочетаний слов)**. Это находит отражение в лексической семантике (плане содержания) и в грамматическом оформлении (плане выражения).

Имена собственные (в том случае, когда они представлены словесными структурами) – это, скорее всего, самостоятельный лексический класс слов, которые выделяются в русском языке как особый структурно-семантический тип, как особый тип языковых знаков, имеющих своё категориальное значение, свой набор морфологических категорий и свою синтаксическую функцию. Поэтому их статус мы определяем не на уровне выделения ЛГР в составе существительного как части речи, а на уровне разных структурно-семантических типов слов. На важность учитывать разные структурно-семантические типы слов, как отмечалось выше, указывал В. В. Виноградов [10]. По его мнению, вы-

деление структурно-семантических типов слов должно предшествовать выделению и классификации частей речи [2, с. 31]. В связи с этим принципиально важным оказывается и другое высказывание В. В. Виноградова: «Традиционным решением вопроса об основных семантико-грамматических классах слов являются разные учения о частях речи. Но в этих учениях – при всей их пестроте – не учитываются общие структурные различия между основными типами слов. *Все части речи размещаются в одной плоскости* (выделено – А.Ш.)» [2, с. 30–31].

Можно ли квалифицировать имена собственные (в узком смысле) в качестве самостоятельной части речи? Можно, учитывая, что имена собственные являются членами расчленённой (членимой) речи. Но такая их квалификация оказывается, в принципе, избыточной, поскольку они выделяются и противопоставлены не в системе части речи, а в системе структурно-семантических типов слов, а скорее всего, в системе разных языковых знаков различной морфолого-синтаксической конфигурации.

Статья поступила в редакцию 12.01.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарко А. В. Теория морфологических категорий. Л.: Наука, 1976. 255 с.
2. Виноградов В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. М.: Высшая школа, 1972. 616 с.
3. Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л.: Наука, 1972. 216 с.
4. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 367 с.
5. Уфимцева А. А. Лексическая номинация (первичная нейтральная). М.: URSS, 2010. 88 с.
6. Фоякова О. И. Имя собственное в художественном тексте. Л.: ЛГУ, 1990. 103 с.
7. Шарандин А. Л. Актуальные и спорные вопросы русской морфемики. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2012. 131 с.
8. Шарандин А. Л. Общие вопросы русской морфологии. Теоретические основы и практикум. Тамбов: Державинский, 2020. 164 с.
9. Шарандин А. Л. Курс лекций по лексической грамматике русского языка: морфология. Тамбов: Издательство Тамбовского университета, 2001. 313 с.
10. Шарандин А. Л. Учение В. В. Виноградова о структурно-семантических типах слов: методологический характер и перспективы его реализации в русистике // Горизонты современной русистики. 2020. С. 695–702.

REFERENCES

1. Bondarko A. V. *Teoriya morfologicheskikh kategorii* [Theory of morphological categories]. Leningrad, Nauka Publ., 1976. 255 p.
2. Vinogradov V. V. *Russkii yazyk: Grammaticheskoe uchenie o slove* [Russian language: grammatical teaching about the word]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1972. 616 p.
3. Katsnel'son S. D. *Tipologiya yazyka i rechevoe myshlenie* [Typology of language and speech thinking]. Leningrad, Nauka Publ., 1972. 216 p.
4. Superanskaya A. V. *Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo* [The General theory of a proper name]. Moscow, Nauka Publ., 1973. 367 p.
5. Ufimtseva A. A. *Leksicheskaya nominatsiya (pervichnaya neitral'naya)* [Lexical nomination (primary neutral)]. Moscow, URSS Publ., 2010. 88 p.
6. Fonyakova O. I. *Imya sobstvennoe v khudozhestvennom tekste* [Proper name in literary text]. Leningrad, Leningrad State University named after A.S. Pushkin Publ., 1990. 103 p.
7. Sharandin A. L. *Aktual'nye i spornye voprosy russkoi morfemiki* [Topical and controversial issues of Russian morphemics]. Tambov: Publishing House of Derzhavin Tambov State University, 2012. 131 p.
8. Sharandin A. L. *Obshchie voprosy russkoi morfologii. Teoreticheskie osnovy i praktikum* [General questions of Russian morphology. Theoretical foundations and workshop]. Tambov, Derzhavinskii Publ., 2020. 164 p.
9. Sharandin A. L. *Kurs lektii po leksicheskoi grammatike russkogo yazyka* [Course of lectures on the lexical grammar of the Russian language]. Tambov, Izdatel'stvo Tambovskogo universiteta Publ., 2001. 313 p.
10. Sharandin A. L. [V. Vinogradov's doctrine of structural and semantic types of words: methodological nature and prospects for its implementation in Russian studies]. In: *Gorizonty sovremennoi rusistiki* [Horizons of modern Russian studies], 2020, pp. 695–702.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шарандин Анатолий Леонидович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка факультета филологии и журналистики Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина;
e-mail: sharandin@list.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anatoly L. Sharandin – Doct. Sci. (Philology), Prof. Department of Russian Language, Faculty of Philology and Journalism, , Derzhavin Tambov State University;
e-mail: sharandin@list.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Шарандин А. Л. Являются ли имена собственные лексико-грамматическим разрядом существительного? // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2021. № 2. С. 68–77.

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-2-68-77

FOR CITATION

Sharandin A. L. Are Proper Names a Lexico-grammatical Category of a Noun? In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2021, no. 2, pp. 68–77.

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-2-68-77

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82.0

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-2-78-83

ДВА ВЗГЛЯДА НА ТРУД ЧЕЛОВЕКА ИЗ РАЗНЫХ ЭПОХ («КАМЕНЩИК» В. Я. БРЮСОВА И «КАМЕНЩИК» А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА)

Глухова Н. И., Щедрина Н. М.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Сравнить стихотворение «Каменщик» А. И. Солженицына лагерного периода с одноименным произведением В. Я. Брюсова.

Процедура и методы. Для раскрытия темы используются сравнительный и аналитический методы изучения произведений Солженицына и Брюсова. Выявлены как совпадения, так различия и реминисценции.

Результаты. Из проведенного исследования сделан вывод, что в обоих стихотворениях нет призыва к борьбе за свои права, герои не в силах изменить свою судьбу. Поддержкой для их существования является работа, хотя её результаты направлены против них самих. Тяжёлый труд рабочих и каторжников – предмет изображения писателей разных лет.

Теоретическая и/или практическая значимость. Сравнительный анализ стихотворений проведен впервые и призван восполнить литературоведческие лакуны в поэтическом творчестве А. Солженицына и В. Брюсова.

Ключевые слова: стихотворения, подневольный труд, «Каменщик», строительство тюрьмы, несвобода

TWO LOOKS AT HUMAN LABOR FROM DIFFERENT AGES (V. BRYUSOV'S "BRICKLAYER" AND A. SOLZNITSYN'S "BRICKLAYER")

N. Glukhova, N. Shchedrina

Moscow Region State University

24 Very Voloshinoy ul., Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract

Aim. The purpose of this article is to compare the poem "Bricklayer" by A. Solzhenitsyn of the labor camp period with the work of the same title by V. Bryusov.

Methodology. To reveal the theme the authors used comparative and analytical methods of studying Solzhenitsyn and Bryusov. Similarities, as well as variances and reminiscences, are revealed.

Results. It was concluded from the study that there is no call to fight for their rights in both poems. The heroes are unable to change their fate. Their existence is sustained by work, although its results are directed against themselves. The hard labor of builders and convicts is the subject of the writers' representation from different centuries.

Research implications. A comparative analysis of poems was carried out for the first time and is intended to fill the literary gaps in the poetry of A. Solzhenitsyn and V. Bryusov.

Keywords: poems, forced labor, "Bricklayer", prison construction, lack of freedom

Введение

Имя А. И. Солженицына вошло в мировую литературу после публикации «Одного дня Ивана Денисовича» и открыло широкой читательской аудитории мир за колючей проволокой. Тема лишения человека свободы – одна из ключевых в творчестве писателя. В ней отразились и его личный опыт, и свидетельства многих бывших узников. Автор «Архипелага ГУЛАГ» побывал в разных «кругах» тюремного ада: от «райского острова» – Марфинской шарашки – до Экибастузского лагеря для политических заключённых.

Пожертвовав относительно благополучной жизнью в Марфино, он предпочёл каторжную тюрьму, где сознательно выбрал физический труд, решив, по его словам, приобрести «ручную» специальность: работал в бригадах каменщиков и литейщиков, что не мешало заниматься литературным творчеством. Он «хранил» свои произведения в памяти, ибо найденные записи могли стать причиной увеличения срока лишения свободы. Автор записывал на клочках бумаги части стихотворных строк, заучивал их и сразу же сжигал. Для запоминания созданного использовались обломки спичек, которые писатель перемещал при повторении, позже – хлебные чётки. Стихи, по его мнению, помогли ему выжить, «не замечать, что делали с его телом» [13, с. 74]. Сочиняя, он был «и свободен и счастлив» [13, с. 74].

В главе «Поэзия под плитой, правда под камнем» из «Архипелага ГУЛАГ» Солженицын повествует об ухищрениях, к которым приходилось прибегать, чтобы конвой не догадался об истинном смысле найденных у него бумаг. Рассказана также история об уничтожении стихотворения «Каменщик»: клочок с этим текстом он скомкал и выбросил на улице (избавиться от него по-другому на тот момент было нельзя), потом нашёл и сжёг. Опасность состояла в том, что по содержанию произведения легко было догадаться, что автор – один из бригады эков, строивших БУР (барак усиленного режима, внутрилагерную тюрьму).

«Каменщик» (1950) – не единственный текст, сочинённый в местах лишения свободы. Раннее творчество Солженицына включает поэму (повесть в стихах) «Дороженька» (1947–1953), которая начала складываться ещё в Марфино, и стихотворения тюремных-лагерных-ссылных лет. Эти произведения увидели свет впервые в 1974 г. в сборнике «Прусские ночи», вышедшем в Париже в издательстве «YMCA-PRESS», в России – в 1999 г. среди других художественных текстов в книге «Протеревши глаза», а затем вошли в 18-й том 30-томного собрания сочинений писателя. Два стихотворения – «Каменщик» (1950) и «Акафист» (1952) включены в текст «Архипелага».

«Каменщик» (1950) А. И. Солженицына с первых строк отсылает читателя к одному из текстов В. Я. Брюсова [11, с. 485]:

*Вот – я каменщик. Как у поэта сложно,
Я из камня дикого кладу тюрьму*

[12, с. 229 – выделено нами – Н. Г., Н. Ш.].

Представляется плодотворным обратиться к этому стихотворению, сравнить его с произведением поэта начала XX в. До настоящего времени исследователи¹, работавшие над поэмой «Дороженька» и стихотворениями, внесшие существенный вклад в солженицыноведение, специально к этим произведениям Солженицына и Брюсова не обращались, что подчёркивает актуальность нашего исследования.

Проблема социального неравенства в стихотворении В. Я. Брюсова «Каменщик»

Стихотворение «Каменщик» – одно из знаменитых в сборнике «Urbi et Orbi» («Граду и миру»), в нём Брюсов воссоздаёт быт городского люда: подмастерьев, каменщиков, фабричных рабочих, – стремится запечатлеть приметы настоящего времени. Литературным источником произведения является стихотворение П. Л. Лаврова «Новая тюрьма», из которого поэт заимствовал форму диалога [1,

¹ Бая Ян [2–3], Г. С. Васюточкин [6], О. В. Гаркавенко [7], М. Ю. Егоров [8], М. Николсон [10].

с. 613]. Другой факт, подтолкнувший В. Я. Брюсова к созданию «Каменщика» (1901), – непосредственное наблюдение за строительными работами в одном из корпусов Бутырской тюрьмы [1, с. 613].

Стихотворение построено на диалоге между строителем будущих камер и «богатым» прохожим. Простые люди противопоставляются «богатым», один из которых разговаривает с героем-каменщиком и к которому обращены слова рабочего, акцентирующего внимание на размежевании общества:

– Верно, **не ты и не твой брат, богатый.**
Незачем вам воровать

[5, с. 137 – выделено нами – Н. Г., Н. Ш.].

Разделение текста на противопоставленные друг другу реплики подчёркивает, насколько собеседники далеки друг от друга. Каждая строфа начинается с рефрена: «Каменщик, каменщик» [5, с. 137]. В этих словах заключено обращение к строителю, который во время работы высказывается от лица таких же, как он (используются местоимения множественного числа: «Эй, не мешай **нам, мы** заняты делом // Строим **мы, строим** тюрьму», «Тем **наша** доля **полна**» [5, с. 137 – выделено нами – Н. Г., Н. Ш.]). В стихотворении есть скрытый смысл, передающий подспудное неравенство между строителями тюрьмы и теми, кто нанял их на работу:

– Эй, **берегись!** под лесами **не балуй...**

Знаем всё сами, молчи!

[5, с. 137 – выделено нами – Н. Г., Н. Ш.].

В репликах «богатого» слышится сочувствие потенциальным узникам, но оно не подкрепляется действием. А возможное лишение свободы рассматривается каменщиком как закономерное наказание за преступление, которое может стать логичным следствием их бедности.

Труд заключённых и каменщиков в стихотворениях А. И. Солженицына и В. Я. Брюсова

Написанное совсем в иной обстановке – режимном лагере для заключённых – стихотворение А. Солженицына посвящено трагическому положению эков, строящих

тюрьму для таких же, как они сами, или для более смелых, решившихся на побег в безводной степи и подвергшихся за это испытаниям.

В стихотворении В. Брюсова прохожий задаёт вопрос каменщикам, экам Солженицына некому его задать. Они отделены друг от друга, что находит отражение в риторичности вопроса, обозначенного в стихотворении:

И нет в степи прохожего,

Чтоб спросить меня: кладу - к о м у?

[12, с. 229 – разрядка А. И. Солженицына].

В «Каменщике» Солженицына неволя, в которой находятся эки, исключает контакты с внешним миром. Писатель же с первых строк обрисовывает территорию несвободы, отрезанную от просторов страны в целом:

И всего-то нить у них – одна, автомобильная,

Да с гуденьем проводов недавние столбы

[12, с. 229 – выделено нами – Н. Г., Н. Ш.].

Герои Брюсова не являются эками, но тюрьму возводят для людей своего социального круга, возможно, для своих детей и себя:

– Каменщик, каменщик, долгие ночи

Кто ж проведет в ней без сна?

– Может быть, **сын мой, такой же рабочий.**

Тем наша доля полна

[5, с. 137 – выделено нами – Н. Г., Н. Ш.].

В произведении поэта начала XX в. во круг строителей не обозначено окружающее пространство неволи.

Солженицыну помнится строящаяся тюрьма в стихотворении Брюсова, и он акцентирует внимание на месте работы эков-каменщиков:

Но вокруг – не город: Зона. Огорожено

[12, с. 229 – выделено нами – Н. Г., Н. Ш.].

Вольным в этой безжизненной степи оказывается только ветер. Даже коршун, символически олицетворяющий кровожадность и безжалостность, «*реет насто- роженно*» [12, с. 229]. Лагерную зону:

Стерегут колючкой, псами, пулемётами, –

Мало! Им ещё в тюрьме нужна тюрьма...

[12, с. 229 – выделено нами – Н. Г., Н. Ш.].

Объединяет каменщиков-строителей в обоих стихотворениях отношение к делу, потому что даже подневольный труд может увлечь человека:

*Мастерок в руке. Размеренно работаю,
И влечёт работа по себе сама*

[12, с. 229 – выделено нами – Н. Г., Н. Щ.].

Изматывающая работа, несмотря на её тяжесть, всё же может приносить некоторое удовлетворение. Как писал Ж. Нива, «... в мире, где все слова, все человеческие связи извращены, люди вновь обретают полноту бытия в мимолетном соответствии со временем, мимолетном и неизменно жертвенном: в тяжком труде, в любви или в смерти» [9, с. 111 – курсив наш – Н. Г., Н. Щ.].

В стихотворении нет строк, «кричащих» о тяжёлом положении узников, изображается лишь «кусочек» жизни за колючей проволокой. Весь ужас положения человека в тюрьме оказывается в том, что бедствия и унижения становятся обыденными. Строительство БУРа воспринимается заключёнными как повседневность:

*Шутим, закулив у ящика растворного.
Ждём на ужин хлеба, каш добавка вздорного.
А с лесов, меж камня – камер ямы чёрные,
Чьих-то близких мук немая глубина...*

[12, с. 229 – выделение А. И. Солженицына].

Слово «каш» выделено курсивом только в 18-м томе 30-томного собрания сочинений. Солженицын тем самым хочет привлечь внимание читателя к бытовому лагерному выражению. В тексте «Каменщика» (1950), включённом в «Архипелаг», писатель даёт расшифровку такой подачи: бригаде, строившей тюрьму, полагалась дополнительная порция каши. Заключённые были до того голодны и измучены, что не отказывались от неё:

Боже мой! Какие мы безсильные!

Боже мой! Какие мы рабы!

[12, с. 229 – орфография А. И. Солженицына],
итожит автор.

К тому же осуждённые страдали от постоянной угрозы ухудшения своего положения из-за произвола лагерного начальства и доносов таких же зэков, желающих выслужиться:

Был майор. Стена не так развязана.

Первых посадить нас обещал.

Только ль это! Слово вольно сказано,

На тюремном деле – галочка прокажю,

Что-нибудь в доносе на меня показано...

[12, с. 229 – выделено нами – Н. Г., Н. Щ.].

Боль Солженицына за лагерников «растворена» в тексте стихотворения.

Результатом работы зэков-строителей становится усиление их закрепощения. Лагерники оказываются не в силах изменить свою судьбу, они обречены на страдания в заключении. Речь идёт о конкретном зле – превращении рождённых свободными людей в бесправных рабов.

В «Каменщике» В. Брюсова нет свидетельств увлечённости строителей своей работой, но нет и неприятия её: созидательный труд совершается с полной самоотдачей, несмотря на гнетущее ожидание трагического будущего:

– Эй, не мешай нам, мы заняты делом...

[5, с. 137 – выделено нами – Н. Г., Н. Щ.]

Герой Брюсова, как и герой Солженицына, не может избежать возможных тяжёлых событий.

Заключение

Итак, в стихотворениях В. Брюсова и А. Солженицына речь идёт о труде каменщиков, оказавшихся в разных условиях, но занятых одним делом – строительством тюрьмы для таких же, как они сами. Действие происходит в разные эпохи, но рабочих объединяет отношение к своему делу. Они добросовестны, вынуждены выполнять указания тех, кто выше их. Героев поддерживает радость созидательного труда как такового, хотя результат его – строительство тюрьмы – направлен против самих рабочих. Примечательно, что ни в одном из анализируемых произведений нет призыва к борьбе за свои права. Внешне не закрепощённый каменщик Брюсова и строитель-зэк Солженицына оказываются бессильны изменить свою судьбу.

Статья поступила в редакцию 01.02.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ашукин Н. С. Примечания. Картины // Брюсов В. Собрание сочинений: в 7 т. / под общ. ред. П. Г. Антокольского. Т. I. Стихотворения. Поэмы. 1892–1909 / вст. ст. П. Г. Антокольского, подготовка текстов Н. С. Ашукина, примеч. Н. С. Ашукина. М.: Художественная литература, 1973. С. 613–614.
2. Бай Ян. Поэтика любви в лагерных стихах А. И. Солженицына // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 9 (63): в 3 ч. Ч. 2. С. 13–19.
3. Бай Ян, Сорокина Н. В. К вопросу об изучении поэзии А. И. Солженицына // Русская литература в иноязычном культурном пространстве: монолог, диалог, полилог: сборник материалов Международной научно-практической конференции. 2015. С. 72–75.
4. Бай Ян. Образ России в лагерных стихах А. И. Солженицына // Общественные науки. 2017. № 1. С. 19–30.
5. Брюсов В. Я. Избранное / сост., вступ. статья и прим. А. Козловского. М.: Правда, 1982. 464 с.
6. Васюточкин Г. С. «Дороженька» Александра Солженицына [Электронный ресурс] // На перевале тысячелетий: Страницы публицистики. URL: http://www.solzhenitsyn.ru/o_tvorchestve/articles/works/index.php?ELEMENT_ID=1476 (дата обращения: 20.01.2020).
7. Гаркавенко О. В. Мотив покаяния в поэме А. И. Солженицына «Дороженька» // Филологические этюды. 2001. Вып. 4. С. 106–109.
8. Егоров М. Ю. Тюремная лирика А. И. Солженицына: стихотворение «Воспоминание о Бутырской тюрьме» // Верхневолжский филологический вестник. 2019. № 3 (18). С. 48–54.
9. Нива Ж. Солженицын [Электронный ресурс]. URL: vtoraya-liternura.com/publ-2029/html (дата обращения 21.02.2021)
10. Николсон М. «Да где ж ты была, Дороженька?» // Путь Солженицына в контексте большого времени: сб. памяти: 1918–2008. М.: Русский путь, 2009. С. 256–264.
11. Радзишевский В. Комментарии // Солженицын А. И. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 18. Раннее. М.: Время, 2016. С. 391–537.
12. Солженицын А. И. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 18. Раннее. М.: Время, 2016. 544 с.
13. Солженицын А. Архипелаг ГУЛАГ. Т. 3. М.: Новый мир, 1990. 416 с. (Библиотека журнала «Новый мир»).

REFERENCES

1. Ashukin N. S. [Notes. Paintings]. In: *Sobranie sochinenii v semi tomakh. Tom 1, Poemy* [Collected Works. Vol. 1. Poems]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1973, pp. 613–614.
2. Bai Yang. [Poetics of Love in Camp Poems by A. I. Solzhenitsyn]. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Questions of theory and practice], 2016, no. 9 (63). Iss. 2, pp. 13–19.
3. Bai Yang, Sorokina N. V. [On the Study of the Poetry of A.I. Solzhenitsyn] In: *Russkaya literatura v inoazychnom kul'turnom prostranstve: monolog, dialog, polilog: sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Russian literature in a foreign language cultural space: monologue, dialogue, polylogue: a collection of materials from the International Scientific and Practical Conference], 2015. pp. 72–75.
4. Bai Yang. [The Image of Russia in the Camp Poems of A.I.Solzhenitsyn]. In: *Obshchestvennye nauki* [Social Sciences], 2017, no. 1, pp. 19–30.
5. Bryusov V. Ya. *Izbrannoe* [Selected works]. Moscow, Pravda Publ., 1982. 464 p.
6. Vasyutochkin G. S. ["Dorozhenka" by Alexander Solzhenitsyn]. In: *Na perevale tysyacheletii: Stranitsy publitsistiki* [At the Pass of the Millennium: Pages of Journalism]. Available at: http://www.solzhenitsyn.ru/o_tvorchestve/articles/works/index.php?ELEMENT_ID=1476 (accessed: 01.20.2020).
7. Garkavenko O. V. [The motive of repentance in the poem by A. I. Solzhenitsyn "Dorozhenka"]. In: *Filologicheskie etyudy* [Philological studies], 2001, no. 4, pp. 106–109.
8. Egorov M. Yu. [Alexander Solzhenitsyn]. In: *Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik* [Verkhnevolzhsky philological bulletin], 2019, no. 3 (18), pp. 48–54.
9. Niva Zh. *Solzhenitsyn* [Solzhenitsyn]. Available at: <http://www.vtoraya-liternura.com/publ-2029/html> (accessed: 02.21.2021).
10. Nikolson M. ["Da gde gh ty byla, Dorozhenka?"] Put' Solzhenitsyna v kontekste bol'shogo vremeni: sb. pamyati: 1918–2008 [Way in the Context of Big Time: Sat. memory: 1918–2008], 2009. pp. 256–264.
11. Radzishevskii V. *Kommentarii. Solzhenitsyn A. I. Sobraenie sochinenii. T. 18. Rannee* [Comments. A. Solzhenitsyn. Collected works. Vol. 18. Early]. Moscow, Vremya Publ., 2016. pp. 391–537.

12. Solzhenitsyn A. I. *Sobranie sochinenii v 30 tomakh. T. 18. Rannee* [Collected works in 30 vol. Vol. 18. Early]. Moscow, Vremya Publ., 2016 544 p.
13. Solzhenitsyn A. *Arhipelag GULAG, T. 3* [Archipelago GULAG, Vol. 3.]. Moscow, New World Publ., 1990. 416 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Глухова Надежда Игоревна – аспирант кафедры русской литературы XX в. Московского государственного областного университета;
e-mail: hopeleon@rambler.ru.

Щедрина Нэлья Михайловна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы XX в. Московского государственного областного университета;
e-mail: schedrina@gmail.com.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Nadezhda I. Glukhova –Postgraduate student, Department of the Russian literature of the XX century, Moscow Regional State University;
e-mail: hopeleon@rambler.ru

Nellya M. Shchedrina –Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of the Russian literature of the XX century, Moscow Regional State University;
e-mail: schedrina@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Глухова Н. И., Щедрина Н. М. Два взгляда на труд человека из разных эпох («Каменщик» В. Я. Брюсова и «Каменщик» А. И. Солженицына) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2021. № 2. С. 78–83.

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-2-78-83

FOR CITATION

Glukhova N. I., Shchedrina N. M. Two Looks on Human Labor from Different Ages (V. Bryusov's "Bricklayer" and A. Solzhenitsyn's "Bricklayer"). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2021, no. 2, pp. 78–83.

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-2-78-83

УДК 82.091

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-2-84-89

РОЛЬ ПРЕДМЕТНОЙ ДЕТАЛИ В ОХОТНИЧЬИХ ЗАПИСКАХ И.С. ТУРГЕНЕВА И С.Т. АКСАКОВА

Гребенщиков Ю. Ю.*Московский городской педагогический университет**129226, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный пр., д. 4, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Выявить функциональное своеобразие предметной детали в охотничьих записках И. С. Тургенева и С. Т. Аксакова.

Процедура и методы. Проанализирован корпус текстов. Сферой изучения стало охотничье снаряжение, в первую очередь целевое использование ружья. В ходе сравнительно-сопоставительного анализа детализации у И. С. Тургенева и С. Т. Аксакова уточняются её функциональная специфика и уникальность в творческой работе представленных писателей. В исследовании использованы сравнительно-типологический, герменевтический, описательно-исследовательский и статистический методы.

Результаты. По итогам исследования установлено, что авторская задача И. С. Тургенева состояла прежде всего в изображении характеров, тогда как работа С. Т. Аксакова была направлена на описание практического применения охотничьего арсенала. В итоге показана вспомогательная роль предметного ряда в цикле И.С. Тургенева и его ключевая роль в записках С. Т. Аксакова.

Теоретическая и / или практическая значимость. Обобщён новый материал по исследуемой теме. Результаты исследования могут быть использованы в преподавании русской литературы в высшей школе.

Ключевые слова: жанр «Записок», предметная деталь, авторская задача, поэтика детали, охотничье снаряжение, ружьё

THE ROLE AND FUNCTIONS OF THE SUBJECT DETAIL IN "NOTES OF A HUNTER" BY I. TURGENEV AND S. AKSAKOV

Y. Grebenshchikov*Moscow City Pedagogical University**4 Vtoroy Selskhoziazstvenny pr., Moscow 129226, Russian Federation*

Abstract

Aim. To reveal the functional originality of subject details in the "Notes of a hunter" by I. Turgenev and S. Aksakov.

Methodology. The subject of study is hunting equipment, primarily the targeted use of a rifle. By a comparative analysis of Turgenev and Aksakov, the particularity of the functional originality in the authors' works presented is specified. The study used comparative typological, hermeneutic, descriptive research, and statistical methods.

Results. It was established that Turgenev's author's task is to create characters, while Aksakov's task is to describe the practical application of the hunting arsenal. In conclusion, the subject series' ancillary role in Turgenev's cycle and the subject's key role in Aksakov's notes are shown.

Research implications. The study results can be used in the teaching of Russian literature at the university.

Keywords: genre of "Notes", subject detail, author's task, poetic of the detail, hunting equipment, gun

Введение

Созданию «Записок охотника» И. С. Тургенева (1847–1852) и «Записок ружейного охотника Оренбургской губернии» (1852) С. Т. Аксакова сопутствовал дружеский творческий диалог авторов. В исследовательской практике известно о переписке и взаимных положительных откликах писателей-охотников [5].

Близкая тематика и одинаковое определение жанровой формы произведений, вынесенное их авторами в заглавие, вызывают обоснованный научный интерес к сравнительно-сопоставительному изучению записок. Так, например, обе книги рассматривались в контексте русского охотничьего рассказа [10].

Следует отметить внимание исследователей к изучению охотничьей темы в эпистолярной Тургенева и Аксакова как к отражению сторон национальной ментальности [8], а также интерес к прочтению в данных произведениях литературных кодов [12].

В западном литературоведении на рубеже XX–XXI вв. К. Фурманн (Konrad Fuhrmann) затрагивал вопросы взаимоотношений человека и природы в русской прозе 1850-х гг. [14], А. Труайя (Henri Troyat) актуализировал переписку И. С. Тургенева с С. Т. Аксаковым, в т. ч. по проблеме детали в литературном творчестве [11, с. 33, 43].

В статьях последнего десятилетия исследователи обращаются к вопросам ментальной близости И. С. Тургенева и С. Т. Аксакова [3], но в то же время стремятся выявить своеобразие в целевых установках писателей [4]. При этом актуальной и открытой остаётся проблема доказательной конкретики в рассмотрении творческой лаборатории И. С. Тургенева и С. Т. Аксакова при их обращении к одним и тем же фактам жизни. По сути, данное исследование входит в круг предельно малочисленных публикаций, в которых осуществляется постановка вопроса Тургенев – Аксаков.

Цель исследования состоит в том, чтобы на материале охотничьего снаряжения показать функциональное своеобразие этих деталей: их второстепенную роль

для И. С. Тургенева и основополагающее смыслообразование для С. Т. Аксакова.

В методологическом аспекте работа описывается на принципы сопоставления творческих миров в прозаическом дискурсе, указанные М. Б. Лоскутниковой [7, с. 107, 125].

Сопоставительный анализ

Литературоведческая наука доказала, что художник, создавая «модель мира», всегда держит во внимании то, «какую роль играет в данной художественной системе предмет, вещь» [13, с. 132]. Это положение несомненно актуально при рассмотрении творчества И. С. Тургенева и С. Т. Аксакова. В частности, оба писателя в своих охотничьих записках обращаются к атрибутам охотничьего промысла, среди которых наиболее значимым является ружьё.

Канонический текст «Записок охотника» включает в себя 25 рассказов и очерков. При том охотничье снаряжение упоминается только в 12 из них, ружьё же стилистически маркировано лишь в 8. Как правило, деталь «ружьё» сопровождает случайные встречи персонажей-охотников с рассказчиком, который предстаёт как «господин с собакой и ружьём» [2, с. 140]. Незнакомые друг с другом люди в первую очередь опознают в друг друге охотника – *своего*, что позволяет завязать разговор и вести доверительную беседу дворянам (или однодворцам) разного уровня материального достатка («Льгов», «Мой сосед Радилов», «Чертопханов и Недопюскин»), барину и крестьянину («Хорь и Калиныч»).

В отдельных случаях ружьё входит в атрибутику при портретном изображении персонажа и является вспомогательным инструментом в раскрытии его индивидуальности. Так, в рассказе «Ермолай и мельничиха» показан крепостной охотник, противоречивый характер которого сочетает в себе антитетические свойства: Ермолай был «беззаботен, как птица довольно говорлив, рассеян и неловок с виду» и в то же время мог вести себя «жёстко и грубо» с самыми близкими людьми, рассказчик подмечает за ним даже «невольные проявления утруемой свире-

пости» [2, с. 20–22]. Эти личностные черты персонажа подсвечены предметной детализацией его охотничьего снаряжения. Ружьё крестьянина под стать своему хозяину имеет собственный непростой нрав – оно обладало «скверной привычкой жестоко «отдавать»» и требовало от своего хозяина неординарной сноровки: «как он попадал [в цель] ... – и хитрому человеку не придумать, но попадал» [2, с. 20]. Указывая на технические особенности ружья и определяя их метафорически, автор свидетельствует о прочной связи хозяина и инструмента для охоты и указывает характерологическую суть персонажа: где бы ни скитался этот неуживчивый человек, какие бы ни приключались с ним беды, Ермолай всегда «возвращался домой одетый, с ружьём» [2, с. 22].

В рассказе «Бирюк» И. С. Тургенев высвечивает главного героя, воссоздавая его жизненный уклад. Изображая избу Бирюка, автор устами рассказчика показывает в предметном ряду и обязательный для службы лесничего атрибут: «на лавке лежало одноствольное ружьё» [2, с. 156]. Оружие, оставленное без присмотра в доме с двумя маленькими детьми, показано в череде других объектов наблюдения – бедной утвари. Одновременно это косвенное свидетельство эмоционально-психологической замкнутости своего хозяина, его оторванности от семейного быта и сосредоточенности на служебных обязанностях. Определение «одноствольное» при слове «ружьё» – техническое понятие. Но за счёт контаминации смыслов «один» и «одинокый» возникает дополнительный смысловой ракурс изображения человека, перекликающийся с номинацией персонажа: согласно авторским комментариям, в Орловской губернии «бирюком» назывался «человек одинокий и угрюмый» [2, с. 157]. В результате предметная деталь «ружьё» является значимой в смыслообразовании рассказа: это один из фокусов авторской мысли о несложившемся (или разрушенном) домашнем очаге, изломанной личной судьбе и о жизненном пути-призвании, сопряжённом с охраной природы и заботой о вверенном Бирюку лесе.

Таким образом, обращаясь к предметной детализации в «Записках охотника», Тургенев изображает охотничье снаряжение дозированно и скупно. Писатель использует, в частности, деталь «ружьё», атрибутируя охотника-рассказчика, для которого охота – повод встретиться и поговорить с другими охотниками. Кроме того, данная деталь используется автором для создания тех акцентов в характере персонажа, с помощью которых осуществляется раскрытие нравственно-ментальных особенностей человека.

Иное значение указание на охотничье снаряжение имеет в «Записках ружейного охотника Оренбургской губернии» С. Т. Аксакова.

С. Т. Аксаков в своём произведении сосредоточен на подробнейшем «разборе» «технической части» охотничьего оружия: писатель рассматривает разновидности ружейных стволов, лож, замков и прочего сквозь призму их прикладного значения в разных видах охоты, снабжая описания большим количеством подробностей [1, с. 6–17]. При этом аксаковская детализация всегда направлена на выявление конструктивных свойств охотничьего оружия – его достоинств и недостатков, оптимальных условий использования и проч.

Автор последовательно фиксирует действенность стрельбы у определённых ружей, которая необходима охотнику в различных природных зонах – на болотах и иных водах, в лесах, в степи. В частности, С. Т. Аксаков вводит в свой текст сопоставительный анализ старинных ружей с кремниевым замком, распространённых в России в XVII–XVIII вв., и новых ударных ружей, появившихся к началу 1800-х гг. Так, по оценке автора, старинное ружьё бьёт «кучнее, крепче и дальше нынешних ружей», при том «двухствольные ружья не так ловки и тяжеле прежних одноствольных» [1, с. 7]. Аксаков рассматривает качественные изменения в современных ему ружьях: важны их «новое устройство» – «так называемых полуторных и двойных камер в казённом шурупе», а также «новейшее изобретение замков с пистонами» (к тому

же они более «изящны по отделке») [1, с. 7]. В результате делается вывод об удобстве новых двустольных ружей «для стрельбы мелкою дробью мелкой дичи», а старых одноствольных – «для стрельбы крупной дробью крупной дичи» [1, с. 7]. Авторские наблюдения точны и в высокой степени достоверны, что подтверждается охотоведческими исследованиями [9, с. 174–176].

В отличие от тургеневской, аксаковская детализация охотничьего снаряжения сосредоточена не на человеке и его индивидуальности, а на природе и промысловой практике. С. Т. Аксаков интересуется в первую очередь практические проблемы охотника-природопользователя. Его описания промыслового оружия отличаются «специфическим зрением наблюдателя, всецело захваченного сокровенной жизнью природы, имеющей вместе с тем практическое значение для человека» [6, с. 86]. Так, С. Т. Аксаков, описывая устройство ружья, уделяет пристальное внимание дальностью и скорострельности оружия – свойствам, которые позволяют человеку занять исключительное положение в любой природной экосистеме: ружьё «добывает всё» – «зверя, птицу, даже рыбу, и во всех положениях» («сидящих, стоящих, бегущих и летящих»); «никакая быстрота полёта и бега не спасают от ружья», «ружьё – молния и гром в руках охотника и на определённом расстоянии делает его владыкой жизни и смерти всех живущих тварей» [1, с. 22].

Таким образом, принципы освещения быта и бытия, свойственные работе С. Т. Аксакова, предполагают иное направление трудов, чем у И. С. Тургенева. С. Т. Аксаков сосредоточен на самой природе и практической жизнедеятельности человека. В своих «Записках ружейного охотника...» великий русский бытописатель

не ставил перед собой задачи показать социально-психологические картины русской жизни, будучи погружённым в вопросы фактического представления охотничьего дела.

Заключение

Как охотники, И. С. Тургенев и С. Т. Аксаков оказываются близки в своём последовательном интересе к охотничьему снаряжению. Однако Тургеневу-художнику в «Записках охотника» детализация промыслового инвентаря интересна прежде всего как вспомогательное средство при выстраивании повествования и создании характера. С. Т. Аксаков же сосредоточен на практическом значении ружья и наращивает понятийное определение предмета, стремясь к всестороннему его освещению.

Сквозь призму творческой индивидуальности И. С. Тургенева отчётливее видятся авторские приоритеты С. Т. Аксакова, а на фоне писательской лаборатории С. Т. Аксакова ярче проявляются концептуальные стороны тургеневского мировидения. Писатели, представляя в своих произведениях одни и те же факты действительности, выбирают различные пути смыслообразования. Идеинотворческий вектор тургеневской детали направлен на человека, и воссоздание детали подчинено художественной задаче. Деталь же С. Т. Аксакова целенаправленно устремлена к осмыслению природопользовательской практики и преследует цель, связанную с исключительным описанием охотничьего промысла.

Статья поступила в редакцию 05.06.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксаков С. Т. Записки ружейного охотника Оренбургской губернии // Аксаков С. Т. Собр. соч.: в 5 т. Т. V. М.: Правда, 1966. 490 с.
2. Тургенев И. С. Записки охотника // Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Т. III. М.: Наука, 1979. 526 с.
3. Борисова В. В. «Записки охотника» И. С. Тургенева versus «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» С. Т. Аксакова // Тургенев и либеральная идея в России: материалы Всероссийской науч-

- но-практической конференции, посвящённой 200-летию И. С. Тургенева. 2018. С. 172–180.
4. Гуминский В. М. «Записки охотника» Тургенева между «Записками» С. Т. Аксакова и Е. Г. Дрианского // К Тургеневу в Баден-Баден: сборник материалов международной научной конференции (2013–2014). 2016. С. 88–93.
 5. Кушанкина Т. А. Эпистолярный диалог С. Т. Аксакова и И. С. Тургенева // Казанская наука. 2015. № 9. С. 108–110.
 6. Лоскутникова М. Б. «Записки об уженье рыбы» С. Т. Аксакова в контексте творчества писателя // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 2018. № 4. С. 84–91.
 7. Лоскутникова М. Б. Отечественное литературоведение XX века: Вопросы теории и методологии. М.: МГПУ, 2014. 148 с.
 8. Ляпина А. В. Охотничьи сюжеты как идентификатор усадебного пространства в эпистолярии И. С. Тургенева // Спасский вестник. 2018. № 26–2. С. 44–51.
 9. Основы охотоведения: в 5 ч. Ч. 2. / сост. Д. К. Соловьёв. М.; Л.: Новая деревня, 1929. С. 174–176.
 10. Русский охотничий рассказ / сост. М. М. Одесская. М.: Советская Россия, 1991. С. 8–14.
 11. Труайя А. Иван Тургенев / пер. с фр. Л. Сержкиной. М.: Эксмо, 2007. 315 с.
 12. Чернец Л. В. О понятии “код” в литературоведении и о пейзажных кодах в произведениях И. С. Тургенева // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Серия 2: Искусствоведение. Филологические науки. 2018. № 2. С. 76–81.
 13. Чудаков А. П. Поэтика Чехова. М.: Наука, 1971. 291 с.
 14. Fuhrmann K. Nachwort // Turgenjew I. Erzählungen. Stuttgart: Philipp Reclam jun., 1991. pp. 315–333.

REFERENCES

1. Aksakov S. T. [Notes of a rifle hunter of the Orenburg province]. In: Aksakov S. T. *Sobr. soch.: v 5 t. T. V* [Collection of articles. Vol. 5]. Moscow, Pravda Publ., 1966. 490 p.
2. Turgenev I. S. [Notes of a hunter]. In: Turgenev I. S. *Poln. sobr. soch. i pisem. T. III* [Full collection op. and letters: v 30 vol. vol. III]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 526 p.
3. Borisova V. V. ["Notes of a Hunter" by I. Turgenev versus "Notes of a rifle hunter of the Orenburg province" S. Aksakova]. In: *Turgenev i liberal'naya ideya v Rossii. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii posvyashchennoi 200-letiyu I. S. Turgeneva* [Turgenev and the liberal idea in Russia. Materials of the All-Russian scientific and practical conference dedicated to the 200th anniversary of I. Turgenev]. 2018, pp. 172–180.
4. Guminский V.M. [Turgenev's "Notes of a Hunter" between S. Aksakov and E. Driyansky]. In: *K Turgenevu v Baden-Baden: sbornik materialov mezhdunarodnoi nauchoi konferentsii (2013–2014)* [To Turgenev in Baden-Baden: collection materials international scientific conferences (2013–2014)]. 2016. pp. 88–93.
5. Kushankina T.A. [Epistolary dialogue: S. Aksakov and I. Turgenev]. In: *Kazanskaya nauka* [Kazan science], 2015, no. 9, pp. 108–110.
6. Loskutnikova M.B. ["Notes on the fish-eating" by S. Aksakov in the context of the writer]. In: *Nauchnye doklady vysshei shkoly. Filologicheskie nauki* [High school scientific reports. Philological sciences]. 2018, no. 4, pp. 84–91.
7. Loskutnikova M.B. *Otechestvennoe literaturovedenie XX veka: Voprosy teorii i metodologii* [Russian literary criticism of the twentieth century: Questions of theory and methodology]. Moscow, Moscow City Pedagogical University Publ., 2014. 148 p.
8. Lyapina A.V. [Hunting plots as an identifier of the estate space in the epistolary of I.S. Turgenev]. In: *Spasskii vestnik* [Spassky Bulletin], 2018, no. 26–2, pp. 44–51.
9. *Osnovy okhotovedeniya. Ch. 2.* [Basics of hunting. Vol. 2]. Moscow, Leningrad, Novaya derevnya Publ., 1929. pp. 174–176.
10. *Russkii okhotnichii rasskaz* [Russian hunting story]. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1991. pp. 8–14.
11. Truayia A. *Ivan Turgenev* [Ivan Turgenev]. Moscow, Eksmo Publ., 2007. 315 p.
12. Chernets L.V. [On the concept of "code" in literary criticism and on landscape codes in the works of I. Turgenev]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta tekhnologii i dizaina. Seriya 2: Iskuststvovedenie. Filologicheskie nauki* [Bulletin of the St. Petersburg State University of Technology and Design. Series 2: Art Criticism. Philological sciences], 2018, no. 2, pp. 76–81.
13. Chudakov A.P. *Poetika Chekhova* [The Poetics Of Chekhov]. Moscow, Nauka Publ., 1971. 291 p.
14. Fuhrmann K. Nachwort. In: Iwan Turgenjew. *Erzählungen*. Stuttgart, Philipp Reclam jun., 1991. pp. 315–333.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гребенщиков Юрий Юрьевич – аспирант кафедры русской литературы института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета;
e-mail: astrum.virtu@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yury Y. Grebenshchikov – Postgraduate student, Department of Russian Literature, Institute of Humanities, Moscow City Pedagogical University;
e-mail: astrum.virtu@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Гребенщиков Ю. Ю. Роль и функции предметной детали в охотничьих записках И. С. Тургенева и С. Т. Аксакова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2021. № 2. С. 84–89.
DOI: 10.18384/2310-7278-2021-2-84-89

FOR CITATION

Grebenshchikov Y. Y. The Role and Functions of the Subject Detail in “Notes of a hunter” by I. Turgenev and S. Aksakov. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University, Series: Russian Philology, 2021, no. 2, pp. 84–89.*
DOI: 10.18384/2310-7278-2021-2-84-89

УДК 821.161.1.94

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-2-90-96

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЭСТЕТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ С. Н. ДУРЫЛИНА: МОДЕРНИСТСКИЕ «СТРУКТУРЫ ПОВСЕДНЕВНОСТИ» И СОВЕТСКИЙ КОНТЕКСТ

Коршунова Е. А.*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Рассмотреть взаимовлияние модернистских «структур повседневности» Серебряного века и контекста советского времени на становление творческой манеры С. Н. Дурылина.

Процедура и методы. В статье рассматривается взаимовлияние «структур повседневности», повлиявших на становление С. Н. Дурылина как писателя: Серебряного века и официального дискурса советской эпохи. Специфику этого взаимовлияния отражает архетип «угла», отражённый в названиях главных книг С. Н. Дурылина: «В родном углу» и «В своём углу». Именно в пространстве «потаённой» прозы автор находит способ сохранения себя как самобытной личности. Внешней же формой примирения со советскими «структурами повседневности» была профессия театрального критика. В статье применяется метод сравнительного анализа.

Результаты. Проведённый анализ показал, что С. Н. Дурылина как писателя сформировал символизм. Модернистские «структуры повседневности» заложили основы того миропонимания, которое впоследствии станет религиозным. Это миропонимание выражено в «потаённой» прозе, написанной в основном уже в «структурах повседневности» советского контекста.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы при подготовке учебных пособий по русской литературе первой половины XX в.

Ключевые слова: модернизм, Серебряный век, «структуры повседневности», архетип, бывание, бытие, личность

FEATURES OF THE FORMATION OF AESTHETIC VIEWS OF S. DURYLIN: MODERNIST «STRUCTURES OF EVERYDAY LIFE» AND THE SOVIET CONTEXT

E. Korshunova*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskye Gory, Moscow 119991, Russian Federation*

Abstract

Aim. To consider the mutual influence of the modernist "structures of everyday life" of the "silver age" and, on the other hand, the context of the Soviet era on the formation of the creative style of S. Durylin.

Methodology. The article examines the mutual influence of the "structures of everyday life" that influenced the formation of S. Durylin as a writer: the "silver age" and the official discourse of the Soviet era. The specifics of this mutual influence is reflected in the archetype of the "corner", reflected in the titles of the main S. Durylin's books: "In the native corner" and "In our corner". Within hidden prose, the author finds a way to preserve himself as an original person. The external form of reconciliation with the Soviet "structures of everyday life" was a theater critic's profession. The article uses the method of comparative analysis.

Results. The analysis showed that Durylin as a writer was formed by symbolism. The modernist "structures of everyday life" laid the foundations of the worldview that would later become religious.

Research implications. The article results can be used in the preparation of textbooks for the first half of the twentieth century.

Keywords: modernism, Silver Age, “structures of everyday life”, archetype, being, being, personality

Введение

Литературное наследие Сергея Николаевича Дурылина (1886–1954) – писателя, философа, театроведа, искусствоведа, археолога, богослова, педагога – на рубеже XX и XXI вв. оказывается в активном читательском и исследовательском поле зрения. Учёными восстанавливается контур личности и творчества писателя [4; 8; 10], публикуются его «потаённая» проза, теоретические работы [1; 2], эпистолярный, лирика – то главное, что даёт представление о целостном творческом портрете такой неординарной фигуры XX в., как С. Н. Дурылин.

Чтобы у исследователя творчества С. Н. Дурылина получился целостный творческий облик писателя, необходимо применить такую «оптику», которая позволит рассмотреть в процессе формирования картины мира писателя, поэтики его творчества взаимовлияние дурылинских «структур повседневности» – Серебряного века (раннее творчество) на фоне литературного творчества советского периода (хотя бы пунктирно).

Роль символизма в формировании «координат» «своего угла»

Под «структурами повседневности» мы вслед за Ф. Броделем и «школой анналов», И. А. Есауловым понимаем «такие формы обыденной жизни и явления культуры, которые характеризуют человеческую психологию и каждодневные практики в пределах „больших длительностей“. Речь идёт о различных типах ментальностей („картин мира“). Можно добавить, что эти структуры повседневности определяются тем или иным культурным бессознательным: зачастую не рационализируемыми самими носителями культуры типами мышления, которые порождают целый шлейф культурных последствий, вплоть до тех или иных стереотипов поведения» [3].

Как мы отмечали, «для творчества Дурылина структурообразующим становится архетип «угла». Он вынесен и в заголовки главных книг: «В своём углу» (1924–1941), «В родном углу» (1941–1954)» [3]. А. И. Резниченко отмечает: «...действие подавляющего большинства повестей и рассказов происходит в закрытом социокультурном и духовном пространстве („углу“). Видимое отсутствие сюжета (статичный сюжет) продиктован символическим содержанием прозы – плоскость действия разворачивается не в сфере „видимого бытия“, а в сфере „незримого“, „умопостигаемого“: области „брани духовной“ бесов и ангелов за душу человеческую» [5, с. 367]. Мифологема метафизического «угла» также отражает взаимопереплетение разных «структур повседневности»: на страницах «потаённой прозы» углов Дурылин освобождался от давления советских стандартов. Эти разные дискурсы зачастую встречаются в одном «углу», сливаются в единое неделимое существование, как будто не разделённое временем и пространством. «Данный архетип ярко отражает дурылинские “структуры повседневности”, где христианское, подлинное становилось утаённым. Показательно, что тетради углов не предполагалось публиковать. К этому присоединяется трагизм пастырского служения в советское время. Приступить к служению настоятелем церкви Воскресения Христова в Кадашах в 1922 г. С. Н. Дурылин не успел: за проповеди был арестован, осуждён и отправлен “как элемент политически безусловно вредный для советской власти” в ссылку в Челябинск (1922–1924), а спустя несколько лет на проживание – в Томск (1927–1930) и Киржач (1930–1933). Архетип “своего угла” формируется и вехах жизненного пути писателя. Обретение своей веры, подлинного су-

ществования как прорыв сквозь “структуры повседневности” Серебряного века и затем как попытка в “своём углу” сохранить себя как духовную личность» [3]. С. Н. Дурылин проходит традиционный для того времени путь юноши-интеллекта Серебряного века. До конца XX в. С. Н. Дурылин в советском и постсоветском культурном пространстве был известен как театровед и критик, хотя и сформировался как писатель в Серебряном веке и вошёл в литературу как «мусажетский юноша», впоследствии принявший священный сан. В данной работе более подробно осветим этот этап.

Именно в «Мусажете» формируются взгляды писателя на символизм и задачи литературного творчества в целом. Именно в «Антологии» Мусажета в 1911 г. были напечатаны первые стихи молодого С. Н. Дурылина, сонеты, посвящённые св. Франциску Ассизскому. А в 1913 г. в этом же издательстве вышли «Цветочки св. Франциска Ассизского» в переводе А. П. Печковского с предисловием С. Н. Дурылина. Есть у С. Н. Дурылина и другие работы, посвящённые «беднячку Христову», свидетельствующие о напряжённом внутреннем интересе писателя к этой фигуре, ставшей одной из мировоззренческих опор для молодого автора. Посещал он и кружок «Молодой Мусажет», формировавшийся вокруг Элліса, с которым завязалась дружба, а потом и переписка. Там созрели замыслы статей о А. М. Добролюбове («Александр Добролюбов») и Ш. Бодлере («Бодлер в русском символизме»), которые написаны были позже, в 1926 г., и, увы, увидели свет только в 2014 г.¹ Однако как доклады они были прочитаны в ГАХНе в 1926 г. и таким образом вошли в научный оборот,

обсуждались и стали *фактом литературного процесса*, хотя и не были напечатаны. Статья же «Бодлэр и Лермонтов» (1910-1911), написанная под влиянием лекций Элліса, и работа «Голубое без цветка» (1912) так и не увидели свет².

Таким образом, мы пунктирно обозначили те имена и фигуры, которые сыграли самую важную роль в формировании как мировоззрения писателя, так и его философии творчества: Р. Вагнер, Франциск Ассизский, Вл. С. Соловьёв, А. М. Добролюбов. Мы не зря объединяем эти два аспекта: становление взглядов на литературное творчество у Дурылина происходило неразрывно с личностным ростом и обретением основ его самостояния. Это в целом было свойственно Серебряному веку, где часто стирались границы между философией творчества или понимаемой в широком смысле эстетикой и литературным трудом. Более того, зачастую эстетика становилась темой повествования и сюжета. Это свойственно и Дурылину, который впервые пишет свою автобиографию и одновременно «путь к искусству», пользуясь «утробной» формой литературы – письмом, которое считал высшей формой творчества. Письмо было адресовано другу Эллісу и написано не позднее 24 декабря 1910 г. Приведём те выдержки, которые можно считать описанием мировоззренческих вех и нащупыванием художественных ориентиров: «Летом 907 г. я засел за книги новых поэтов, читал Ницше. ... Но всё же я благодарен тюрьме: я там прочел впервые книгу Сабатье о Франциске Ассизском, производшую на меня огромное впечатление: я внёс поправку в своё мировоззрение – я сказал себе, что можно жить не только в себе, для себя, около себя, – но и во всём, в листике, Христе и султане Саладине; впрочем, я считал себя навсегда неспособным к последнему. ... В начале <1>908 г. в тюрьме я прочел „Пасхальные письма“ Вл. С. Соловьёва. Первое письмо – о Воскресении Христове – меня поразило.

¹ Статья С. Н. Дурылина «Бодлер в русском символизме» была напечатана Г. В. Нефедьевым в изд.: Дурылин С. Бодлэр в русском символизме / публ. и коммент. Г. В. Нефедьева // «Книгоиздательство «Мусажет»: История. Мифы. Результаты: исслед. и материалы. С. 261–328. Статья «Александр Добролюбов» опубликована А. И. Резниченко и Т. В. Резвых в упоминавшемся двухтомнике дурылинской прозы.

² РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 5.

Это было забытое, столько лет не слышанное, невозможное „Христос Воскресе!“ моей сжавшейся от одиночества и тоски душе. И странно, что, не отвечая ещё сознанием, я уже ответил своим внутренним чувством сразу же: „Воистину Воскресе!“ Помню, как выпущенный из тюрьмы, я пришёл однажды к одному хорошему человеку, добросовестному атеисту, и сказал, давая ему кусочек статьи Мережковского о Воскресении, что если бы Христос воскрес, то всё бы посветлело для нас с ним. Я жадно читал Мережковского, перечитывал с новым чувством главу о старце Зосиме, читал Вл. Соловьёва; моё детство нахлынуло на меня; моя душа раскрылась для всего чудесного» [6, с. 152]. Из текста письма видно, что внутренний перелом после духовного кризиса 1906 г., обусловленного смертью лучшего друга, М. К. Языкова, новый этап личностного становления связаны с напряжённым интересом к наследию *Франциска Ассизского, Вл. С. Соловьёва, Д. С. Мережковского*. Таковы «внутренние» координаты С. Н. Дурылина на этом этапе. Начинается процесс формирования эстетических взглядов, интерес к символизму, понимаемому скорее не как строгое эстетическое явление, а как особое *миропонимание*. Символизм стал школой жизни, а не только этапом творческого пути. Он открыл и путь религиозного поиска, который завершился принятием в 1920 г. священства. Здесь нужно подробнее остановиться на фигуре А. Добролюбова.

В контексте статьи С. Н. Дурылина о А. М. Добролюбове [2] становится понятно, что А. М. Добролюбов становится для С. Н. Дурылина в каком-то смысле и учителем жизни. Избавившись от «искушений декадентского жития» (употребления восточных ядов, опиума, культа смерти в жизни и сознании, увлечения Каббалой), юный поэт уходит на Соловки в 1896–1897 гг. Совершился внутренний поворот от эстетического атеизма, который был присущ в определённой мере и юному С. Н. Дурылину (1905–1906), т. е. сферы небытия, к области бытия, к построению храма собственной души.

Этот переход отражён в прозаических отрывках А. М. Добролюбова «Образы». Писатель избирает для себя традиционный для Серебряного века путь ухода, становится странником. Годы тяжёлого труда, покаяния, странничества стали путём к Невидимому Граду. Поэтически это отобразилось в главном произведении – «Из Книги Невидимой», где и выражены задачи творчества поэта-мифомыслителя, ушедшего в народ.

Ориентируясь на опыт А. М. Добролюбова, С. Н. Дурылин и в своём жизненном пути реализует своеобразный вариант «ухода» – во «внутреннюю эмиграцию», реализованную не только опытом трёх ссылок, но и прорывом сквозь советские «структуры повседневности» к вечному времени культуры, в котором и живут обитатели «своего угла» и «родного угла». Прорывается С. Н. Дурылин, как и А. М. Добролюбов, «за толщу интеллигентской среды», ведь недаром его называли «большевским отшельником»: «Из всех „уходов“ русских „символистов“ – в религию Третьего Завета, в православие, в католичество, в гностику, в антропософию – его уход самый последовательный и дальний: он один прорвался не только сквозь толщу своего писательства, литературы, внешнего культурного быта, но и за толщу интеллигентской среды; и больше того: он прорвался за то средостение времени, за которое труднее всего прорваться: в каком времени живёт Добролюбов?» [2, с. 732]. Не отвечая на этот риторический вопрос, автор подразумевает выход за рамки телесной косности исторического «сегодня» к вечному времени Китежа. Это было идеалом и для Дурылина, ведь, будучи с 1933 г. театральным критиком, в Болшево, в своём собственном доме, он продолжал служить как священник и писать свою «потайную прозу».

Более того, это было идеалом и для многих других русских людей и писателей, «бегунство» и «уходы» которых С. Н. Дурылин описывает в этой статье. Это и «бегун» Эллис, и Д. С. Мережковский, и А. Белый, и З. Н. Гиппиус, и, конеч-

но, не забытый Л. Н. Толстой, о котором С. Н. Дурылин написал статью с символическим названием «Бегун»¹. Таким образом, это «русский национальный вариант» претворения «символистического движения», вариант реализации жизни в мифе. Дурылин приходит и к более широким обобщениям и рассматривает, объясняет этот вариант русского символизма национальной потребностью русских к достижению духовного идеала: «Бесконечное бегунство русского человека нашло в Добролюбове современный и близкий образ. Добролюбовым был вновь указан путь, давно любимым русским человеком – на всех ступенях его бытия, – и мудроно ли, что у него была сила влечь и увлекать?» [2, с. 734]. Именно поэтому С. Н. Дурылину было больше, чем творчество, интересно «житие» А. М. Добролюбова. С. Н. Дурылина, возможно, и оно также вывело на путь священства (наряду с посещениями Оптиной пустыни), но не только священства, а некоего пути «бегунства» от страшной партийной действительности путём своеобразного юродства. Оставшись советским театральным критиком, он продолжал писать «в стол» «потаённую» прозу и духовно окормлять интеллигенцию в Болшеве. «С 1934 г. он начинает вплотную заниматься театроведением и становится старшим научным сотрудником Музея Малого театра, часто печатается в одноимённой идеологической газете. С 1934 г. он член Союза советских писателей. С 1938 г. привлечён к работе в Лермонтовской и Толстовской группах ИМЛИ. Печатает статьи в журналах “Театр”, “Literatureinternational”, “Sovietland” и других, в сборниках “Горький и театр”, “Горе от ума» [3]. В каком-то смысле это своеобразная реализация добролюбовского пути в том числе, только освобождённого от идеалов символизма. О том, как происходил этот сокровенный духовный процесс, а с ним и освобождение от эстетических

идеалов Серебряного века, свидетельств пока нет. Вектор этого прорыва восстановим по высказываниям современников. Существует характерный поздний мемуарный отзыв на доклад С. Н. Дурылина о К. Н. Леонтьеве 1921 г. старого (ещё по «Мусагету») его знакомого Ф. А. Степуна: «Хорошо помню очень показательное по своей тенденции выступление одного из „мусагетских юношей“, Сергея Николаевича Дурылина, принявшего весьма для меня неожиданно священнический сан. Соловьёвской веры в возможность спасения мира христианством в докладе Дурылина не чувствовалось. Речь шла уже не о том, как обновлённым христианством спасти мир, а лишь о том, как бы древним христианством заслониться от мира» [7, с. 271–272].

Этим интересен «случай» С. Н. Дурылина.

Заключение

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что символизм сформировал С. Н. Дурылина как писателя и как мыслителя. Модернистские структуры повседневности заложили основы того миропонимания, которое впоследствии станет религиозным. Особенно в этом отношении был важен опыт А. М. Добролюбова, Вл. Соловьёва, Фр. Ассизского и др. «Бегунство» А. М. Добролюбова подсказало путь священства, которое позже стало тайным. Не зря мыслителя называли и «большевским отшельником»: он вёл в Болшеве достаточно замкнутую жизнь. «Не стремился к публичности. Был очень осторожен в отношениях с духовно не близкими личностями» [9, с. 300]. В метафизическом пространстве «потаённой прозы», созданной и в болшевский период, Дурылин достойно ограждал себя от сурового советского контекста современности, в котором вынужден был принимать также активное участие в амплуа театрального критика.

Статья поступила в редакцию 15.01.2021.

¹ Дурылин С. Н. Бегун // Дурылин С. Н. Статьи о К. Д. Бальмонте и Л. Н. Толстом. РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 6.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богомолов Н. А. Из комментаторских заметок. К публикациям статей С. Н. Дурылина о символизме // Литературный факт. 2017. № 4. С. 277–290.
2. Дурылин С. Н. Статьи и исследования 1900–1920-х гг. / сост., вступ. ст., комм. А. И. Резниченко, Т. Н. Резвых. СПб.: Владимир Даль, 2014. 895 с.
3. Есаулов И. А., Киселёва И. А., Сытина Ю. Н., Степанян Е. В., Коршунова Е. А., Михаленко Н. В., Певцов Г. Д., Гильманов В. Х. Структуры повседневности и творческий эксперимент в русской словесности, философии, культуре: V Балтийский международный семинар-дискуссия // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2015. № 3. С. 2–3.
4. Захарова В. Т. Современное значение духовной прозы С. А. Нилуса и С. Н. Дурылина // Русская Православная Церковь и современное российское общество: XX Рождественские православно-философские чтения. 2011. С. 107–113.
5. Резниченко А. И. О смыслах имён: Булгаков, Лосев, Флоренский, Франк etdiiminores. М.: РЕГNUM, 2012. 415 с.
6. Сергей Дурылин и его время: Исследования. Тексты. Библиография. Кн. 1: Исследования / сост. А. Резниченко. М.: Модест Колеров, 2010. 512 с.
7. Степун Ф.А. Бывшее и несбывшееся. Т. II. Нью-Йорк: Издательство им. А. П. Чехова, 1956. 432 с. С. 271–272.
8. Торопова В. Н. М. В. Нестеров и С. Н. Дурылин: К истории взаимоотношений // Щелыковские чтения–2018: А. Н. Островский и его наследие: судьба во времени: сборник научных статей и материалов / науч. ред., сост. И. А. Едошина. 2019. С. 291–329.
9. Торопова В. Н. Сергей Дурылин: Самостояние. М.: Молодая гвардия, 2014. 349 с.
10. Щепалина Е. А. «Евхаристический комплекс» в прозе С. Н. Дурылина: автореф. дис. канд. филол. наук, 2019. 18 с.

REFERENCES

1. Bogomolov N. A. [From the commentary notes. To the publications of S. Durylin]. In: *Literaturnyi fakt* [Literary fact], 2017, no. 4, pp. 277–290.
2. Durylin S. N. *Stat'i i issledovaniya 1900–1920-kh gg.* [Articles and research of the 1900–1920s.]. St. Petersburg: Vladimir Dal, 2014. 895 p.
3. Esaulov I. A., Kiseleva I.A., Sytina Yu.N. et al. The structures of everyday life and creative experiment in Russian literature, philosophy, culture: (V Baltic International Seminar-Discussion). In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya Filologicheskiye nauki* [Bulletin of the Moscow Regional State University. Series Philological Sciences]. 2015, no. 3, pp. 2–3.
4. Zakharova V. T. [The modern meaning of the spiritual prose of S. Nilus and S. Durylin.] In: *Russkaya Pravoslavnaya T'Serkov' i sovremennoe rossiiskoe obshchestvo: KHKH Rozhdestvenskie pravoslavno-filosofskie chteniya* [The Russian Orthodox Church and modern Russian society: XX Christmas Orthodox-philosophical readings], 2011, pp. 107–113.
5. Reznichenko A. I. *O smyslakh imeen: Bulgakov, Losev, Florenskii, Frank etdiiminores* [On the meanings of the names: Bulgakov, Losev, Florensky, Frank etdiiminores]. Moscow, REGNUM Publ., 2012. 415 p.
6. *Sergei Durylin i ego vremya: Issledovaniya. Teksty. Bibliografiya. Kn. 1: Issledovaniya* [Sergey Durylin and His Time: Research. Texts. Bibliography. Book 1: Research]. Moscow, Modest Kolerov Publ., 2010. 512 p.
7. Stepun F. A. *Byvshee i nesbyvsheesya. T. II.* [Past and unfulfilled. Vol. II]. New York, Publishing house im. A. P Chekhov Publ., 1956, pp. 271–272.
8. Toropova V. N. [Nesterov and S. Durylin: To the history of relationships] In: *Shchelykovskie chteniya-2018: A. N. Ostrovskii i ego nasledie: sud'ba vo vremeni* [Shchelykovsky readings–2018: A. Ostrovsky and his legacy: fate in time], 2019. pp. 291–329.
9. Toropova V. N. *Sergei Durylin: Samostoyanie* [Sergey Durylin: Self-status]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2014. 349 p.
10. Shchepalina E. A. «*Evkharisticheskii kompleks*» v proze S. N. Durylina: avtoref. dis. kand. filol. nauk [“The Eucharistic complex” in the prose of S. N. Durylin: abstract of PhD thesis in Philological sciences]. Samara, 2019. 18 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Коришунова Евгения Александровна – кандидат филологических наук, докторант Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
e-mail: zhenyakorshunova@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Evgeniya A. Korshunova – Cand. Sci. (Philology), Dr. Sci. degree-seeking candidate, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: zhenyakorshunova@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Коршунова Е. А. Особенности формирования эстетических взглядов С. Н. Дурылина: модернистские «структуры повседневности» и советский контекст // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2021. № 2. С. 90–96.
DOI: 10.18384/2310-7278-2021-2-90-96

FOR CITATION

Korshunova E. A. Features of the Formation of Aesthetic Views of S. Durylina: Modernist “Structures of Everyday Life” and the Soviet Context. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: Russian Philology*, 2021, no 2, pp. 90–96.
DOI: 10.18384/2310-7278-2021-2-90-96

УДК(821.161.1)

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-2-97-103

МЕТАМОРФОЗЫ ЖЕНСКОГО ОБРАЗА В ЦИКЛЕ СТИХОТВОРЕНИЙ С. М. СОЛОВЬЁВА «ВЕСНЯНКИ» (КНИГА «ЦВЕТЫ И ЛАДАН», 1907)

Сорока С. Н.*Московский государственный областной университет**141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Выявить специфику женских образов в цикле «Веснянки» и определить скрепы, обеспечивающие всему циклу своеобразное единство и художественную целостность.

Процедура и методы. Проанализирован корпус текстов. Особое внимание уделено центральному образу героини лирического цикла. Проясняется поэтика развёртывания стержневых мотивов, пронизывающих цикл, сочетания христианских и языческих образов, авторское освещение прошлого и настоящего, сновидений и реальности. При анализе поэтических текстов использованы биографический, культурно-исторический, герменевтический методы.

Результаты. Проведённый анализ показал, что созданные С. М. Соловьёвым портреты лирического образа героини проявляют авторский идеал раннего периода творчества.

Теоретическая и/или практическая значимость. Статья вносит вклад в изучение наследия одного из поэтов-младосимволистов первой трети XX в.

Ключевые слова: Нимфа, Вечная женственность, любовь, христианство, язычество, весна, небо

METAMORPHOSES OF THE FEMALE IMAGE IN S. SOLOVYOV'S CYCLE OF POEMS "VESNYANKI" (BOOK "FLOWERS AND INCENSE", 1907)

S. Soroka*Moscow Region State University**24 Very Voloshinoy ul., Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation*

Abstract

Aim. This work aims to see how the female image is revealed in separate poems of the Vesnianka cycle and to determine what provides a unique unity to the whole cycle.

Methodology. The poetics of the unfolding of motives that ensure the cycle's internal integrity, which combines Christian and pagan images, past and present, pictures of dreams and reality, is being clarified. Particular attention is paid to the image of the lyrical heroine. In the analysis of poetic texts, biographical and cultural-historical research methods were used.

Results. During the analysis of portraits of the lyrical heroine, the author's ideal of the female image is clarified.

Research implications. The study results contribute to the study of Russian literature of the first third of the twentieth century.

Keywords: Nymph, Eternal femininity, love, Christianity, paganism, spring, sky

Введение

Статья посвящена актуальной, оригинальной научной теме, связанной с наследием одарённого поэта Серебряного века, входившего в группу младосимволистов вместе с Александром Блоком и Андреем Белым. Задача исследования – проследить, как женский образ раскрывается в отдельных стихотворениях цикла «Веснянки», завершающего книгу С. М. Соловьёва «Цветы и ладан» (1907), и определить, что обеспечивает всему циклу своеобразное единство. Анализ строится на соотнесении с фольклором, языческими верованиями, биографическими материалами, а также с опорой на философские труды В. С. Соловьёва.

Поиск идеала возлюбленной в цикле стихотворений С. М. Соловьёва «Веснянки»

Образ желанной возлюбленной лирического героя встречается во многих стихотворениях С. М. Соловьёва. Несмотря на то, что в нём угадываются черты реальной девушки, он изменчив, непостоянен. Поэтический цикл «Веснянки» наполнен весенней радостью, музыкой, одной из главных в нём становится тема любви. Веснянки – обрядовые песни у славян, сопровождающие обряд кликанья весны. Лирическая героиня предстаёт в различных ипостасях: весны, нимфы, колдуньи, богини, крестьянки. Любимыми приёмами С. М. Соловьёва в «Веснянках» являются, по определению В. С. Скрипкиной, «фабульность, сочетание реального и фантастического» [8, с. 75], а также соединение языческих и христианских образов, сближение прошлого и настоящего.

Женские образы в лирике – одна из устойчивых тем в литературоведении. Она остаётся привлекательной для учёных и в XXI в., будучи обращённой к различным творческим индивидуальностям. Трансформации женских образов в поэзии Я. П. Полонского, например, посвящена статья И. Л. Багратион-Мухранели [1], образу Вечной женственности в поздней лирике Н. С. Гумилёва – статья

А. А. Жуковой [4], идеальному женскому образу в произведениях М. М. Пришвина – работа С. А. Степанова, который сопоставил красавицу Марью Моревну с Софией В. С. Соловьёва и Прекрасной Дамой А. А. Блока [14].

Первое стихотворение «Веснянок» Сергея Соловьёва называется «Primavera», что по-итальянски означает весна. В. А. Скрипкина в книге «Сергей Михайлович Соловьёв. Духовные искания. Эволюция творчества» (2004) справедливо утверждает, что «название вызывает ассоциации одновременно двух рядов: во-первых, с одноимённой картиной Боттичелли, являющейся олицетворением возрождения, красоты, молодости; во вторых, с Италией, Римом – центром культуры и родиной христианства, символом духовного обновления мира...» [8, с. 105].

Рассуждая о специфике художественного пространства у А. А. Ахматовой, С. А. Хомяков справедливо отметил, что эпитафии в её стихотворениях «создают векторы иных пространств – сюжетных или временных» [16, с. 161]. Подобную функцию эпитафия встречаем и у С. Соловьёва: итальянские названия стихотворений, эпитафии из поэм Овидия и А. де Мюссе связывают «между собой века и народные массы» [13; 9]. Чувства весенней радости, любви понятны всем народам во все времена. Весна в избранном нами разделе книги «Цветы и ладан» предстаёт не только в пейзажных деталях и картинах. Через весь цикл проходит её олицетворённый образ – она запечатлена в изменчивом женском облике. В первом же четверостишии Весна – всесильная волшебница, наполняющая «звуками леса» [13, с. 142], – превращается в крестьянскую девушку с «бледно-жёлтой косой за плечами» [13, с. 142].

Как свидетельствовал Андрей Белый, на миловидной девчонке Еленке, кухарке из Надовражного, в 1906 г. С. М. Соловьёв хотел жениться. «Со своей избранницей поэт не был даже хорошо знаком» [8, с. 93]. Неуверенность во взаимности девушки,

сомнения и в своих чувствах рождают в душе лирического героя мучительный поиск ответа на вопрос, кто она? Та ли, единственная? Встреча с возлюбленной становится кульминационной во многих стихотворениях цикла, не составляет исключения «Primavera». Когда девушка-весна оказывается близко, герой заглядывает ей в глаза: «Взор, как небо беспределен – / Глубина его пуста...» [13, с. 142]. В душе красавицы не находит герой Женственного Божественного начала, которое «Ал. Блок и А. Белый прозревали... в реальных женщинах, вызывавших у них любовь, поклонение, импульс к творчеству» [8, с. 61]. «Переливчатый» взор свидетельствует о непостоянстве возлюбленной, её неверности. В зелёном цвете глаз угадываются черты Еленки (у неё были зелёные глаза). Поэт подчёркивает слитность героини с растительным миром: «Взор исполнен волшебства, / Как листва, / Желтоватый и зелёный» [13, с. 148]. В конце второго четверостишия она уже не крестьянская девушка, а «нимфа древесная», русалка. Земная встреча с девушкой рождает разочарование в душе героя. Это проявляется в смене христианских образов-символов языческими: «Где с фиалками шептались / Незабудки и цвела / Маргаритка, / там сплетались дымно-тонкие тела» [13, с. 142]. Фиалка, – символ добродетели и скромности, «была атрибутом Марии» [9, с. 224], а незабудка – «цветок, символизирующий верность в любви» [9, с. 152].

В контексте лирики молодого поэта весьма значительную роль выполняет античный образ свирели. Музыка – универсальный язык, помогающий выразить чувства без слов. Свирель, инструмент древнегреческого Бога Пана, встречается и в других стихотворениях цикла, а также во второй книге поэта «Апрель». В «Primavera» звуки музыки передают состояние души лирического героя, огорчённого возлюбленной: «Где-то плакали свирели» [13, с. 142]. Но импрессионистические, яркие, наполненные жизнью картины природы не дают герою отчаяться: «В тёмной зелени горели / Золотистые плоды / На

полянах говор звонкий / Раздавался» [13, с. 142]. Соучастник весенней жизни, герой «уточняет слух», «изощряет зрение» [5, с. 539], его состояние можно назвать экстатическим: вдруг в полугрёзе ему является мифологически призрачная весна: «В дыме сна, / Чуть скользя ногою тонкой, / По траве плыла весна» [13, с. 142].

Нередко стремление поэтов к иррациональному миру осуществляется с целью «удаления от забот сегодняшнего дня» [6, с. 19]. Мотив сновидения у С. Соловьёва способствует размыванию границы «между реальным и фантастическим», мифологизирует реальность, позволяя лирическому герою увидеть весну как деву в эстетически своеобразном, сказочном облачении: «Перевитый нитью злачной / И гирляндой цветов, / Тело скрыл полупрозрачный, / Серебрящийся покров» [13, с. 143]. Её образ, импрессионистически лёгкий, воздушный, уже не сливается для героя в единое целое с деревенской красавицей, не идентифицируется с возлюбленной. Разочарование в земной любви в последнем четверостишии вновь сменяется надеждой. Её дарит весна, «юная, ласковая богиня», оживляющая леса. Оптимистическое настроение укрепляется и благодаря образу неба (символу обители Бога). Взгляд героя с надеждой обращён в беспредельное пространство: «В далях блещут небеса» [13, с. 143].

В стихотворении «Пастораль» образ возлюбленной снова идеален, возвышен, герой обращается к ней на Вы: «Как весенний цвет листвы, / Так и Вы / Нежным веете апрелем /» [13, с. 144]. Лирический персонаж не видит её, а лишь ощущает, предчувствует её приближение, как и герой А. Блока, ожидающий свою Прекрасную Даму: «Предчувствую Тебя. / Года проходят мимо...» [3, с. 45]. Одухотворённые, исполненные христианской символики картины природы с отражённым в воде небом, с возносящимися ветвями деревьев наполняют предстоящую встречу особой значительностью: «Грузный шмель к цветку прилип, / Ветви лип / Вознеслись зелёным сводом» [13, с. 144].

Красавица приходит вечером, «в час, когда задремлет клён, / И червлён / Запад

дымный и вечерний» [13, с. 145]. Пейзаж наполняется тревожными предзнаменованиями. Червлёный – красный цвет, цвет крови, вечернее небо постепенно скрывает темнеющая дымка. И хотя лирический герой всё ещё преклоняется перед возлюбленной: «Вы придете ввечеру», – следующая строка – «На игру» – снижает её образ. Соловьёв «использует форму шестистиший с укороченными 2-й и 5-й строками» [8, с. 105]. Эта форма позволяет акцентировать внимание читателя на беспечном состоянии героя. Цель таких свиданий – всего лишь игра. Лирический герой не знает, что будет впереди, но всё ещё верит: «Будет ласковым *Ваш* взор», – но взгляд её ускользает, лишь угадывается «сквозь узор / Озолоченной ресницы». Даже глаза мало определённого говорят герою: «Кудри – россыпь златных руд. / Изумруд / Взоров, ласково коварный...» [13, с. 45]. Изумруд – камень холодного зелёного цвета. Такого же цвета трава, листья деревьев. Героиня во всём цикле неотделима от природы. В письме к А. Белому от 1906 г. С. Соловьёв признался, что «в Елене нет крови, одна только душа древесная» [7].

Облик героини с каждой строкой становится всё более зловещим: «Полны эти глаза два / Волшебства – / Золотые изумруды, / Золотые лезвия: / Ранен я / Нимфой юной, полногрудой...» [13, с. 145]. Из возвышенного женский образ вновь превращается в сниженный, плотский. Возлюбленная не Прекрасная Дама, а полногрудая «нимфа северной дубровы». Она не склонна к платоническим переживаниям, её движет страсть: «Кудри – буйный водомёт. / Точит мёд / Страстных губ цветок червонный» [13, с. 146]. Она увлекает героя в греховный водоворот, способна погубить его душу: «Ах! Я *гасну* каждый день» [13, с. 146].

Настоящая любовь, по мысли С. Соловьёва, – святое чувство, оно не ранит, а возвышает. Такое готов воспеть лирический герой одноимённого стихотворения «Любовь». Не случайно этот текст становится одним из центральных в цикле. От других его отличают лирическая, почти исповедальная интонация, отсутствие

бурных сцен в описании весенней жизни, что прежде выражалось глаголами, причастиями, деепричастиями. Как, например, в «Веснянках»: «В полях *растаял* звонко *вспененный* снег. / *Возникла* зелень первых весенних трав; / И Пан *зовёт* в тростник свирельный, / Нимфу дубравную страстно *клича*» [13, с. 154]. В первом шестистишии «Любви» все предложения, кроме последнего, – назывные. Главное для С. Соловьёва здесь – нарисовать умиротворённую картину тихого пасхального весеннего вечера: «Облака золотистые. / Ивы пушистые. / Вечер святой Воскресения» [13, с. 155]. О. Павел Флоренский писал, что «золото относится к духовному золоту – преднебесному свету Божьему» [15, с. 124]. Суффикс 'ист' – придаёт эпитетам «золотистые», «пушистые» оттенок лёгкости, невесомости. Образы деревьев: ив, берёзок – символизируют «живое воплощение небесного начала на земле...» [11, с. 56]. Светлый праздник Пасхи несёт благую весть о Воскресении Спасителя, а попутно – о воскресении надежд на возможное счастье. Как и в других стихотворениях, встреча с возлюбленной здесь запечатлена как кульминация лирического сюжета.

В «Пасторали» этому событию предшествуют тревожные предзнаменования. Здесь цветовая символика природных образов словно указывает на святость всего происходящего в пасхальные дни. «Вечер синий и розовый. / Как *нежны* в роще берёзовой / Расцветы трав *воздыхальные!*». Эпитет «воздыхальные» содержит старославянскую приставку «воз-», что придаёт изображению торжественный оттенок. Розовый цвет «получается от слияния "белого" с "красным"» и символизирует «преобладание белого светоча человекобожества» [2, с. 205], по утверждению А. Белого. «Древние таинства» и «пасхальные» песни девушек сближают прошлое и настоящее, указывают на вечность любви. Как и в других стихотворениях цикла, образ возлюбленной раскрывается постепенно. В начале она незримо присутствует рядом с тем, кто вступает с ней в диалог: «Как *возникшие* травы зелёные, / Пред тобой мои песни влюблённые, / Как травы вешние,

скудные. / Шепчу я ласки несмелые...» [13, с. 155]. Наступление весны и зарождение чувства неразрывно связаны. Возлюбленная не ускользает от лирического героя, как в других стихотворениях. Она не «нимфа *древесная*», «не дриада *дубравная*», связанная с природными стихиями, у неё нет плотских очарований, присущих прежней героине, у которой «бедрa *блещут белизной*», а «*белы* ноги – / Корни подземные нежной розы». Теперь это живая девушка из плоти и крови: «Твои руки целую я *белые*, / Гляжу в глаза изумрудные» [13, с. 155]. Белый цвет её рук, возможно, говорит о чистоте и невинности, а также об отдалённости от чёрной работы. Изумрудные глаза в этом контексте не холодный камень, а обозначение цвета. Глядя в них, герой пытается понять, какое духовное содержание таится за внешностью: «Я не знаю, что это слышится: / Смех ли резвый, песня святая ли?» [13, с. 155]. Здесь на этот вопрос ответ герою уже не столь значим для лирического субъекта. Чувства влюблённых взаимны: впервые в цикле появляется местоимение «мы». Любовь соединяет их души, они оба растворяются в мироздании: «Дорогая, не знаю я, живы мы, / Иль как туча за дымными ивами, / В поцелуях тихо растаяли» [13, с. 155]. В начале и в конце стихотворения взгляд лирического «я» обращён к небу, поскольку любовь – святое чувство, дарованное Богом и ведущее к Нему.

Посвящением «Небу» заканчивается цикл «Веснянки». Образ обители Бога объединяет христианские и языческие мотивы, прошлое и настоящее, разные темы: красоты мира, созданного Творцом, музыки, любви, смерти. Это обобщение характеризует не только лейтмотив цикла, но и всей книги, в которую он включён. Лирический герой становится «жрецом» неба и, по мыс-

ли философа В. Соловьёва, «в своих духовных порождениях... обнаруживается как центр всеобщего сознания природы, как душа мира, как осуществляющаяся потенция абсолютного всеединства...» [11, с. 111]. Поэт в книге младшего Соловьёва восклицает: «Я жрец твой, небо! / Твой золотой потир, / Твоё причастие я подношу к устам, / И внемлю ухом ненасытным / Шелесты трав и ключей рожденье» [13, с. 162]. Небу «несут сердца людские / Кровь вожделений и огонь любви». По мнению В. А. Скрипкиной, «кровь вожделений» – «языческая трактовка вопроса о жизни, смерти и любви – неприемлема для С. Соловьёва» [8, с. 87]. В письме Г. И. Чулкову С. М. Соловьёв писал, что «истинное христианство равно чуждо и естественному пути грубого язычества, и противоестественному пути аскетизма» [12, с. 236]. Ему близка мысль В. Соловьёва о том, что язычество «отрицает... личность... посредством её собственной чувственной природы» [10, с. 36].

Заключение

Героиня, предающаяся плотским утехам, в стихах поэта обезличена. Идеал для него – Дева Мария. Земное же воплощение женского идеала он в годы юности видел в Л. Д. Менделеевой-Блок, сознавая, однако, что идентификация жизни и творчества невозможна. Стремление в земной девушке найти идеал прекрасного, разочарование и вновь обретение надежды на любовь – все эти переживания способствовали эстетическому воплощению в лирическом цикле «Веснянки» множественной галереи женских портретов, подверженных удивительным метаморфозам.

Статья поступила в редакцию 06.05.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Багратион-Мухранели И. Л. Трансформация женских образов в кавказской лирике Я. Полонского // Вестник славянских культур. 2015. № 1 (35). С. 101–109.
2. Белый А. Символизм как миропонимание / Андрей Белый; Авт. вступ. ст. и примеч. Л. Сугай. М.: Республика, 1994. 525 с.
3. Блок А. Стихотворения и поэмы. М.: Правда, 1978. 480 с.
4. Жукова А. А. Образ Вечной женственности в поздней лирике Н. С. Гумилёва // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 6. С. 24–29.

5. Иванов Вяч. И. Собрание сочинений. Т. 2 / под ред. Д. В. Иванова, О. Дешарт. Брюссель, 1974 852 с.
6. Кузьмина Е. В. Концепты «Добро» и «Зло» в русской поэзии Серебряного века // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 3. С. 18–23.
7. Отдел рукописей РГБ. Фонд 25 (Картон 25). Ед. хр. 13.
8. Скрипкина В. А. Сергей Михайлович Соловьёв. Духовные искания. Эволюция творчества. М., ИИУ МГОУ, 2004. 307 с.
9. Словарь христианского искусства. Диана Апостолос – Каппадона / пер. с англ. А. Ивановой. Челябинск: Урал LTD, 2000. 266 с.
10. Соловьёв В. С. Избранные произведения. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. 542 с.
11. Соловьёв В. С. Философия искусства и литературная критика / вступ. ст. Р. Гальцевой, И. Роднянской. М.: Искусство, 1991. 701 с.
12. Соловьёв С. М. Ответ г. Чулкову по поводу его статьи «Поэзия Владимира Соловьёва» // Вопросы жизни. 1905. № 8. С. 230–237.
13. Соловьёв С. М. Собрание стихотворений / сост., подготовка текста, прим. В. А. Скрипкиной. М.: Водолей Publishers, 2007. 856 с.
14. Степанов С. А. Идеальный женский образ-символ в отечественной литературе первой половины XX века // Вестник МГУКИ. 2015. № 2 (64). С. 79–83.
15. Флоренский П. А. Иконостас. СПб.:Азбука-классика, 2010. 224 с.
16. Хомяков С. А. Специфика художественного пространства в поэтическом сборнике «Вечер» А. А. Ахматовой // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 3. С. 157–166.

REFERENCES

1. Bagration-Mukhraneli I. L. [The transformation of female images in the Caucasian lyrics of Y. Polonsky]. In: *Vestnik slavyanskikh kul'tur* [Bulletin of Slavic Cultures], 2015, no. 1 (35), pp. 101–109.
2. Belyi A. [Symbolism as a worldview]. In: *Andrei Belyi* [Andrey Bely]. Moscow: Republic Publ., 1994. 525 p.
3. Blok A. *Stikhotvoreniya i poemys* [Poems]. Moscow: Pravda Publ, 1978. 480 p.
4. Zhukova A. A. [The Image of Eternal Femininity in the Late Lyrics of N. Gumilyov]. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Questions of theory and practice], 2016, no. 6, pp. 24–29.
5. Ivanov Vyach. I. *Sobranie sochinenii* [Collected works. Vol. 2. Brussels, 1974. 852 p.
6. Kuz'mina E. V. [The concepts «Good» and «Evil» in Russian poetry of the Silver Age]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Russian Philology], 2017, no. 3, pp. 18–23.
7. *Otdel rukopisei RGB. Fond 25 (Karton 25). Ed. khr 13* [Department of Manuscripts of the RSL. Fund 25 (Cardboard 25). Unit xp].
8. Skripkina V. A. *Sergei Mikhailovich Solov'ev. Dukhovnye iskaniya. Evolyutsiya tvorchestva* [Sergei Mikhailovich Solovyoyev. Spiritual quest. Evolution of creativity] Moscow, MRSU Ed. office, 2004. 307 p.
9. *Slovar' khristianskogo iskusstva. Diana Apostolos-Kappadona* [Dictionary of Christian Art. Diana Apostolos-Kappadona]. Chelyabinsk, Ural LTD Publ., 2000. 266 p.
10. Solov'ev V. S. *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected works]. Rostov-on-Don: Phoenix Publ., 1998. 542 p.
11. Solov'ev V. S. *Filosofiya iskusstva i literaturnaya kritika* [Philosophy of Art and Literary Criticism]. Moscow, Art Publ., 1991. 701 p.
12. Solov'ev S. M. [Reply to Mr. Chulkov's «The Poetry of Vladimir Solovyev»]. In: *Voprosy zhizni* [Life questions]. 1905, no. 8, pp. 230–237.
13. Solov'ev S. M. *Sobranie stikhotvorenii* [Collection of poems] Moscow, Aquarius Publ. 2007. 856 p.
14. Stepanov S. A. [The ideal female image-symbol in Russian literature of the first half of the twentieth century]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury* [Bulletin of the Moscow State University of Culture], 2015, no. 2 (64), pp. 79–83.
15. Florenskii P. A. *Ikonostas* [Iconostasis]. St Petersburg, Azbuka-classic Publ., 2010. 224 p.
16. Khomyakov S. A. [The specifics of the artistic space in the poetry collection “Evening” by A. A. Akhmatova]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Russian Philology], 2019, no. 3, pp. 157–166.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сорока Светлана Николаевна – аспирант кафедры русской литературы XX века Московского государственного областного университета, учитель русского языка и литературы;
e-mail: lana_motilkova@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Svetlana N. Soroka – Postgraduate student, Department of Russian literature of the twentieth century of Moscow Regional State University, Teacher, Russian language and literature;
e-mail: lana_motilkova@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Сорока С. Н. Метаморфозы женского образа в цикле стихотворений С. М. Соловьева «Веснянки» (книга «Цветы и ладан», 1907) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2021. № 2. С. 97–103.
DOI: 10.18384/2310-7278-2021-2-97-103

FOR CITATION

Soroka S. N. Metamorphoses of the Female Image in the Cycle of Poems by S. Solovyov «Vesnyanki» (Book «Flowers and Incense», 1907) In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2021, no. 2, pp. 97–103.
DOI: 10.18384/2310-7278-2021-2-97-103

РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-2-104-106

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: БЕРЕЖНАЯ Е. ЮРИЙ ТЫНЯНОВ. ЭНЕРГИЯ ФОРМЫ. НОВОСИБИРСК, 2019. 276 С.

Ахриева Л. М.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

REVIEW ON THE BOOK: BEREZHNAJA E. "YURY TINYANOV. ENERGY OF THE FORM". NOVOSIBIRSK, 2019. 276 P.

L. Akhrieva

Moscow Region State University

24 Veri Voloshinoy ul., Mytischki 105005, Moscow region, Russian Federation

Монография кандидата филологических наук Е. П. Бережной «Юрий Тынянов. Энергия формы» опубликована в Новосибирске в 2019 г.

Юрий Николаевич Тынянов – историк и теоретик литературы, писатель, киносценарист первой половины XX в. В представляемой монографии объединены опубликованные Е. П. Бережной в разное время статьи на тему новаторства Тынянова-теоретика, а именно о разработке учёным теории литературной эволюции.

Введением в книгу стала первая теоретическая статья «На пути к динамической теории литературы», в которой исследуется системно-динамический подход Тынянова к описанию истории литературы и литературных явлений. Поэтому в контексте теоретико-литературной мысли начала XX в. автор представляемой монографии обращается к теории словесности А. А. Потебни. Наследие великого лингвиста уже к тому моменту стало основой для дальнейшего изучения словесности.

Обозначив главное русло исследования – Потебня и формальная школа, – Е. П. Бережная рассматривает его концепции образности поэтического языка, языковой реальности, слова – главной фигуры акта творения, семантической концепции слова, искусства (включая литературное произведение) как художественное выражение общечеловеческой деятельности и пр.

Е. П. Бережная ставит перед собой цель рассмотреть теорию Потебни в качестве предтекста или первотекста тыняновской концепции. И ей это мастерски удаётся – автор оперировала категориями динамической теории литературы, в которой «распадается иерархия культурного взаимодействия»¹

Так, в призме теории Потебни (работы «Эстетика и поэтика», «Мысль и язык») рассматривается создание поэтического образа «Евгения Онегина» и действительности (поэтической реальности) стихового романа.

Таким образом, первая статья прокладывает своеобразный мост к центральной части книги – «онегинской», в которой раскрывается динамическая концепция литературы и

¹ Бережная Е. Юрий Тынянов. Энергия формы. Новосибирск, 2019. С. 11.

пушкинского романа. Ведь именно в пушкиноведческих трудах учёного создавалась его теория литературной эволюции.

В первую очередь Е. П. Бережная принимает попытку раскрыть тыняновскую концепцию героя. И основу анализа составляют взгляды учёного на образ Ленского в «Евгении Онегине». «Рисовку» Ленского Тынянов считал основой этого произведения – «свободным героем» внефабульного хода повествования, который внедрил в роман актуальный материал об элегиях. Тыняновская «безгеройная» концепция стала мощным импульсом для ведущих отечественных литературоведов XX столетия.

Далее автор монографии, обращаясь к работе 1924 г. «Проблема стихотворного языка», раскрывает идею динамизации Тынянова, важную для него «устранением статического признака в определении понятия композиция»¹. Сквозь призму внутренней динамики «Евгения Онегина» Тыняновым рассмотрены и специфика авторского присутствия, и нумерация «пропущенных строк», и «конкретность словесного жеста». Основные жанровые и структурные характеристики стихотворного романа были заложены поэтом ещё в «Руслане и Людмиле», отмечает Е. П. Бережная. Подраздел 3 («Руслан и Людмила» и «Евгений Онегин») монографии посвящён сопоставлению поэмы и стихотворного романа.

Завершается книга исследованием вновь проявившегося и углубляющегося внимания к наследию Ю. Н. Тынянова и формальной школы в целом. Сегодня, в «формирующемся транскультурном пространстве»², снова исторически важно «узкое спецификаторство» формалистов», позволяющее «удерживать литературное произведение в рамках одной научной дисциплины»³ и рассматривать его как самодостаточную «вещь», как литературный факт (по Ю. Тынянову). Так

как тыняновская концепция «Евгения Онегина» наиболее полно раскрывает динамическую идею учёного, автор представляемой монографии сосредотачивает внимание на онегиноведении 1960-х гг.: работы Г. А. Гуковского, Л. Н. Штильмана, Г. О. Винокура, И. М. Семенко, Ю. М. Лотмана, С. Г. Бочарова, М. М. Бахтина.

Главной идеей монографии – показать *энергичность* теорий Ю. Н. Тынянова – служит и статья «К поэтике научного текста», в которой раскрыты индивидуальность и острое чувство «ответственности “субъекта” за передаваемые научные знания»⁴ теоретических трудов учёного. Крайне любопытен и красив эксперимент автора монографии, представивший тыняновский научный текст в виде верлибра (см. с. 214–216).

Завершают книгу две статьи, в которых научное творчество Ю. Тынянова раскрыто в сопоставлении с трудами других главных деятелей формализма – Б. Эйхенбаума и В. Шкловского. Автор монографии ставит перед собой задачу – показать самобытность каждого и в то же время присущие всем учёным взгляды, устремления. Проблема свободы и реализации художника, методологические принципы, ОПОЯЗ и другие вопросы их творчества рассмотрены в монографии Е. П. Бережной.

И несколько обобщающих замечаний о книге. В русле раскрытия замысла монографии выявляется автором и портрет личности Тынянова как учёного⁵.

Широкий ряд цитат и цитатных переключек в монографии оправдан авторским замыслом – представить развитие тыняновской теоретической мысли в контексте литературоведения рубежа XIX–XX вв. и первой половины XX в.

Обогатил аппарат книги именной указатель по главным персоналиям данного исследовательского труда: отечественные

¹ Бережная Е. Юрий Тынянов. Энергия формы. Новосибирск, 2019. С. 118.

² Там же. С. 159.

³ Там же. С. 160.

⁴ Там же. С. 198.

⁵ См., например, на стр. 22: «важнейшей чертой научной манеры Тынянова являлось одновременно-параллельное рассредоточение его мысли в несоединимых друг с другом исследовательских эпизодах».

писатели и поэты, литературоведы, критики, теоретики, исследователи слова, текста. А с точки зрения книгоиздания это всегда показатель высокого качества и уважительного отношения к читателю и его времени.

Обязательно отметим, что тема *формы как резервуара энергии* успешно заключена автором и в самом заглавии представленной монографии – лаконичном и ясном, как и любил Ю. Н. Тынянов.

Сопровождают книгу выходные данные и часть «От автора» на английском языке, что способно существенно расширить круг её читателей.

Монография Е. П. Бережной является бесценным источником как для зрелых учёных, так и для начинающих исследователей, а также студентов в изучении формального метода отечественной науки и одного из его главных представителей – Ю. Н. Тынянова.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ахриева Любовь Муссаевна – кандидат филологических наук, начальник редакционно-издательского отдела Информационно-издательского управления Московского государственного областного университета;
e-mail: l_ahrieva@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lyubov' M. Akhrieva – Cand. Sci. (Philology), Head, Editorial and Publishing Department, Moscow Region State University Editorial Office, Moscow Region State University; e-mail: l_ahrieva@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ахриева Л. М. Рецензия на книгу: Бережная Е. Юрий Тынянов. Энергия формы. Новосибирск, 2019. 276 с. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2021. № 2. С. 104–106.
DOI: 10.18384/2310-7278-2021-2-104-106

FOR CITATION

Akhrieva L. M. Review on the book: Berezhnaya E. Yury Tynyanov. Energy of the form. Novosibirsk, 2019. 276 p. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2021, no. 2, pp. 104–106.
DOI: 10.18384/2310-7278-2021-2-104-106

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-2-107-111

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: СТРАНА БОНДАЛЕТИЯ: СБОРНИК ПАМЯТИ
ВАСИЛИЯ ДАНИЛОВИЧА БОНДАЛЕТОВА (1928–2018), РОССИЙСКОГО
ЛИНГВИСТА, ПРОФЕССОРА ПЕНЗЕНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА / СОСТ. Л. С. КИРИЛЛОВА, Е. В. ШУСТИКОВА, Г. М. КИРИЛЛОВ;
ОТВ. РЕД. О. В. НИКИТИН. ПЕНЗА: ИП СОКОЛОВ А. Ю., 2019. 264 С.**

Пугачёв О. С.

*Пензенский государственный аграрный университет
440014, г. Пенза, ул. Ботаническая, д. 30, Российская Федерация*

**REVIEW OF THE BOOK: COUNTRY BONDALETIYA: COLLECTION IN THE MEMORY
OF VASILY DANILOVICH BONDALETOV (1928–2018), RUSSIAN LINGUIST,
PROFESSOR AT PENZA STATE UNIVERSITY. PENZA: IP SOKOLOV A.YU., 2019.
264 P.**

O. Pugachyov

*Penza State Agrarian University
30, Botanicheskaya ul., Penza 440014, Russian Federation*

Редко бывает так, что представители какой-либо научной школы и люди, к ней имеющие опосредованное отношение или просто далеко отстоящие от данной науки, выступали бы столь единодушно в оценке личности, чьи ум, душа, научная эрудиция ещё так недавно восхищали, радовали, зажигали сердца своей преданностью и истым служением царице Филологии. Но именно к таковым книгам относится та, которая официально называется сборником, посвящённым памяти В. Д. Бондалетова – учёного с мировым именем, лингвиста, научного деятеля, внёсшего заметный вклад в отечественную и мировую сокровищницу языкознания. Не придираясь к слову «сборник», скажем: это настоящая симфония, органично устроенная книга, из которой, как из алмазного венца, нельзя без ущерба убрать ни единого элемента. В чём же секрет такого монолитного единства при всём многообразии лиц участников, их учёных званий и степеней? Попробуем ответить на этот вопрос, следуя структуре самого сборника.

Часть первая предваряется словом О. В. Никитина, доктора филологических наук, профессора кафедры истории русского языка и общего языкознания Московского государственного областного университета. Статья о Василии Даниловиче полновесна, она и автора представляет как верного последователя и ученика выдающегося филолога. Нельзя пройти мимо её стилистических особенностей, заключающих в себе уникальное сочетание научного изложения и художественности, имманентной самому русскому слову. Русская речь подчиняется здесь своему носителю как хозяину. Тем не менее, это не является главным в тексте, но служит способом выражения научной оценки, где наряду с логикой присутствует и эмоциональное восприятие личности учёного – «человека, открывшего науке прекрасную страну, в которой жили почти сказочные герои – неведомые слова, забавные предложения и диковинные звуки, окрылявшие его надеждой вступить в непознанный мир филологической науки, и, подобно великим учителям прошлого, сделать своё настоящее открытие» [1, с. 3]. В этом вступлении к сборнику чи-

татель знакомится с вкладом в науку, местом в ней именитого учёного, его положением среди корифеев.

Часть первая носит выразительное название «Рыцарь отечественной социолингвистики: воспоминания, встречи, заметки на полях памяти».

Предваряя выводы, заметим, что для всех без исключения участников раздела это не заметки на полях, как скромно звучит в титуле, но, скорее, основное русло памяти.

Л. Ю. Астахина, доктор филологических наук (Институт русского языка имени В. В. Виноградова, РАН), с большой теплотой и искренностью вспоминает о давней дружбе с учёным. На наш взгляд, очень ценны бытовые зарисовки, которые могут много сообщить в плане персонологии. Большой пласт слов аргю Василий Данилович «...перебирал как редкие драгоценные камушки, демонстрируя их перед слушателями» [1, с. 18].

Откуда же взялась эта научная уникальность учёного? Т. Е. Баженова (кандидат филологических наук, Самарский государственный социально-педагогический университет) видит её истоки в огромной работоспособности, заметной ещё в студенческие годы Василия Даниловича. Это и всепоглощающий интерес, и языковая научная интуиция, и умение замечать особенное. Автор отмечает такую важную черту, как большое уважение к своим учителям – А. Н. Гвоздеву, В. А. Малаховскому. Безусловно, успех его учебников и учебных пособий, кроме других качеств, ещё и в том, что «В исследовательской и методической работе он всегда видел своего адресата...» [1, с. 23]. Более того, здесь звучит его характеристика как сторонника антропоцентризма «во всех сферах». В статье приводятся письма Василия Даниловича и звучит искренняя признательность учёному за его отзывчивость и поддержку научных начинаний коллег.

Редактор знаменитого журнала «Русский язык в школе», где Василий Данилович часто публиковался, – Т. А. Боброва – рассматривает его биографию в аспекте исто-

рии жизни страны и общества. В истоки его научной деятельности автор включает диалектологические студенческие экспедиции. Учёный лично исходил полстраны, но, как справедливо отмечается ниже, самого полевого материала недостаточно, его необходимо методически верно обработать, нужен глубокий и всесторонний анализ с теоретических позиций. Мы узнаём, что профессор Бондалетов всегда был в центре научной жизни страны, но особо выделены 1960–1970-е гг.: забытая социолингвистика была возрождена учёным на новом отечественном материале [1, с. 27].

Интерес профессора к истории науки отмечается в статье Г. А. Богатовой (Институт русского языка имени В. В. Виноградова). Мы узнаем, что если в ИРЯ прошлых лет шли за Срезневским, то Василий Данилович следовал за Далем, отыскивая редкие слова. К 200-летию В. И. Даля ему удалось издать рукописи русско-офенского и офенско-русского словарей великого русиста. А вот впечатление от личности учёного в молодости: «молодой, красивый, статный, такой русский богатырь и страстный лингвист...» и уже тогда отмечались «природное чутьё» языковеда, особая «филологичность», трепетное отношение к тем, кто стоял у истоков науки. Автор, и это очень важно, задаёт перспективу завершения некоторых научных задач, связанных с именем профессора, а именно: издать полный словарь русского тайноречия; издать хотя бы «замечательную картотеку» Василия Даниловича [1, с. 34].

Профессор Института славистики Грайфсвальдского университета (Германия) доктор Х. Вальтер вспоминает о Василии Даниловиче в 1990-е годы. Он очень тронут его альтруизмом. В этой же статье, посвящённой памяти учёного, В. М. Мокиенко и О. И. Фоныкова (Санкт-Петербургский государственный университет) характеризуют его учебники и учебные пособия как незаменимые для будущих филологов и специалистов в таких сферах исследования, как социолингвистика, ономастика, стилистика и др.

Василий Данилович был участником Первого международного конгресса славистов (1958, Москва) и всех последующих. Его способности к научно-организаторской работе подтверждает регулярное функционирование зональных конференций «Ономастика Поволжья».

Со страниц воспоминаний друзей и коллег перед читателем встаёт образ неординарного человека. Он сумел в 1950–1960-е гг. перешагнуть через трафареты, стать служителем «филологии духа» (О. В. Никитин), «носителем священного знания». Автор подчёркивает, что в изучении социальных диалектов мало иметь талант лингвиста, нужно ещё быть психологом, социологом и даже физиологом. И всё это совмещал в себе профессор из провинциальной Пензы [1, с. 104].

Авторы сборника часто дополняют друг друга, многие характеристики звучат в унисон, однако это не делает их однообразными, поскольку каждый высказывается об одном и том же предмете под углом собственной жизненной ситуации, отмечает ему только ведомые детали, обстоятельства, нюансы... Вот взять хотя бы в пример докторскую диссертацию Василия Даниловича. Все едины во мнении, что защита в ЛГУ прошла блестяще. Да, это так, а вот о том, как «пробивалась» эта защита, мы узнаем из воспоминаний Л. П. Рупосовой (Московский государственный областной университет), где сообщается, что в Москве рукопись с такой темой к защите принять не согласились. И тогда учёному пришлось обратиться... к Ленину! [1, с. 128] Да, именно в собрании сочинений В. И. Ленина профессор обнаружил слова, относящиеся к тому слою лексики, который изучал соискатель докторской степени. Это был хороший, хотя и вынужденный идеологический ход. Городом защиты докторской стал Ленинград. Вот такая история, одна из многих, рассыпанных жемчугом житейской мудрости в данном издании.

А что стоит рассказ бывшей студентки Василия Даниловича, по его заданию ездившей в экспедицию в качестве охотни-

ка за редкими словами портняжного арго и их носителями. Трёх девушек из пединститута приняли в глухих краях не менее чем за шпионок и распространителей колорадского жука. Нет возможности и нужды в рецензии передавать подробности, но именно они рисуют непростую и подлинно драматичную порой жизнь филологов-охотников за диалектным или арготическим словом.

Л. С. Кириллова в «Слове о любимом учителе», откуда мы взяли пересказанный выше сюжет, сообщает подробности того, как наставлял Василий Данилович своих верных помощников – будущих учителей русского языка и литературы, как готовил их к полевой деятельностью, с каким тщанием и благоговением пополнялась картотека профессора [1, с. 71].

Автор сохранила записи и рисунки того времени, тех экспедиций, след которых живёт в академическом оформлении научных изданий: монографиях, учебниках, учебных пособиях и статьях.

К портрету учёного можно добавить и такой штрих, как умение ценить прикладную научную деятельность. То, например, что делает историческое краеведение, или бережное собирательство былых артефактов материальной оболочки духа – редких слов. В этой связи стоит высокая оценка деятельности А. В. Громова [1, с. 46–48].

Нельзя не упомянуть и о том, что вся семья Л. С. Кирилловой связана крепкими нитями с личностью Василия Даниловича. Так, её муж, известный пензенский поэт М. И. Кириллов, рассказывает на страницах сборника о том, как выпускал стенную газету, как оформлял по заданию В. Д. Бондалетова кабинет русского языка, будучи студентом, какое огромное значение для него и его семьи имело общение с настоящим Учёным. Их сын Г. М. Кириллов рассказывает, в частности, о том, какое активное участие принял Василий Данилович в консультировании его по докторской диссертации, тема которой оказалась на стыке филологии и философии.

Тема бескорыстной помощи молодым учёным, коллегам, постоянная поддержка

скромных тружеников науки, можно сказать, является сквозной в этом издании. И вот отчего: многие авторы, сегодня имеющие высокие учёные степени и звания и уже приобретшие имя в филологии, ощутили в своё время дружескую поддержку «живого классика» науки. Иммануил Кант к числу нравственных пороков, которые он характеризовал как «дьявольские», относил и такой, к сожалению, далеко не редкий, как неблагодарность. Вот в этом авторов сборника не упрекнуть: их воспоминания преисполнены самой искренней благодарности. Причём и такой, которая живёт уже больше полувека (см. И. Ф. Шувалов «Вместе – более 55 лет») [1, с. 145].

Быть может, это прозвучит странно, но книга не превратилась в хор словословий (которых, тем не менее, Василий Данилович, безусловно, заслуживает); она и для неспециалиста – увлекательное чтение, интересное путешествие в мир науки филологии и людей, которые ей искренне и пожизненно служат. И это ведь великое служение, поскольку речь идёт о русском языке, а язык – выразитель народного духа, показатель его здоровья, физического и духовного, язык – это и уровень самосознания нации. И надо ли ещё раз говорить о том, сколь бережно должен храниться Дар Божий. И это не патетика, а реальность его бытия и бытования.

Во второй части сборника представлен сугубо научный материал, объединённый под рубрикой «Наука скрытых смыслов: слово – текст – интертекст». Здесь нет нужды анализировать каждую статью, их названия очень точно отражают содержание («Об одном офенском слове», «К вопросу о семантике маргинальных фразеологизмов», «Качественное разнообразие диалектной лексики как основа самобытности орловских говоров» и др.). И всё это крайне интересно, в том числе, не только для филологов и литературоведов, но и для более широкого круга читателей. И каждый, кто хоть немного знаком с основными научными концепциями В. Д. Бондалетова, найдёт их отражение и преломление в опубликованных изысканиях.

Заключая нашу рецензию, мы ещё раз обращаемся к первой части сборника, к его заключительной статье, написанной кандидатом медицинских наук Е. Ф. Шустиковой, племянницей Василия Даниловича Бондалетова. Материалы, ею представленные, имеют знаковое наименование «Самые главные годы в жизни моего дяди». Здесь перед нами неожиданно открывается покров над тайной Личности. Где же закалялась эта житейская и научная «сталь», откуда выросло это дарование, основанное на трудолюбии и верности науке? Конечно, все пути ведут в детство. А каким оно было у видного учёного, да и было ли?.. Эти строки нельзя читать без сердечной боли. Крестьянская семья, труд с утра до ночи. Братья, не успевшие выделиться в отдельные хозяйства, средний достаток и вот... Дед Василия Даниловича попадает под раскулачивание, а вместе с ним, дедом, и его сыновья, в том числе, и отец Василия Даниловича. Как следствие – лишение прав, спецпоселение, жизнь в полуземлянках, бараках на территории Коми. Истощённая мать после смерти отца, трудившегося на лесоповале, не в силах прокормить четыре «рта», двоих вынуждена отдать в детский дом. Голод, холод, лишения. Васе – два года, сестре – полгода. Их разлучают. Затем повзрослевший брат нашёл сестру, написал ей письмо, восстановил её отчество (это мать автора воспоминаний). А старший брат, бежавший из поселения, очень одарённый юноша, погиб в 1943 г., защищая Родину.

Бесценные воспоминания, бесценные фотографии. Сам будущий учёный очень рано научился нести ответственность за чужую жизнь. Он не дал согласия сделать специальную передачу с рассказом о его детстве. Эти годы остались тайной для большинства из тех, кто его знал. Знаменитый русский философ и поэт Вл. Соловьёв был уверен в том, что личность бесконечна. И уж тем более, добавим мы, личность большого человека. И в ней, как в языке, есть и тайна, есть и «запретная зона», где внутренний человек пребывает наедине с собой.

Нам думается, сборник удался по всем параметрам задуманного его составителями плана: здесь и объективная оценка трудов и места учёного в научном мире, и оценка его личности, но что особенно отличает книгу – необыкновенный сплав нау-

ки и жизни, согретых истинным уважением, благодарностью и любовью к человеку, чей уход из жизни оказался её продолжением в сердцах друзей, коллег и учеников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Страна Бондалетия: сборник памяти Василия Даниловича Бондалетова (1928–2018), российско-го лингвиста, профессора Пензенского государственного университета / сост. Л. С. Кириллова, Е. В. Шустикова, Г. М. Кириллов; отв. ред. О. В. Никитин. Пенза: ИП Соколов А. Ю., 2019. 264 с.

REFERENCES

1. Country Bondaletiya: collection in the memory of Vasily Danilovich Bondaletov (1928–2018), Russian linguist, professor at Penza State University. Penza: IP Sokolov A. Yu., 2019. 264 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пугачёв Олег Сергеевич – доктор философских наук, профессор кафедры истории, философии и иностранных языков Пензенского государственного аграрного университета;
e-mail: oleg_pugachev@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Oleg S. Pugachyov – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Department of history, philosophy and foreign languages, Penza State Agrarian University;
e-mail: oleg_pugachev@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Пугачёв О. С. Рецензия на книгу: Страна Бондалетия: сборник памяти Василия Даниловича Бондалетова (1928–2018), российского лингвиста, профессора Пензенского государственного университета / сост. Л. С. Кириллова, Е. В. Шустикова, Г. М. Кириллов; отв. ред. О. В. Никитин. Пенза: ИП Соколов А. Ю., 2019. 264 с. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2021. № 2. С. 107–111.
DOI: 10.18384/2310-7278-2021-2-107-111

FOR CITATION

Pugachyov O. S. Review of the book: Country Bondaletiya: collection in memory of Vasily Danilovich Bondaletov (1928–2018), Russian linguist, professor at Penza State University. Penza: IP Sokolov A. Yu., 2019. 264 p. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2021, no. 2, pp. 107–111.
DOI: 10.18384/2310-7278-2021-2-107-111

УДК 811.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-2-112-115

ИНТЕГРАЦИЯ НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ В СФЕРЕ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Герасименко Н. А.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

INTEGRATION OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE IN THE SPHERE OF PHILOLOGICAL EDUCATION

N. Gerasimenko

Moscow Regional State University

24 Vera Voloshina ul., Moscow region, Mytishchi 141014, Russian Federation

Шестая международная научно-практическая конференция «Язык и актуальные проблемы образования» стала традиционной и неуклонно вызывает большой интерес среди лингвистов и педагогов в России и за рубежом. 18 января 2021 г. конференция проходила на базе факультета русской филологии Историко-филологического института Московского государственного областного университета в удалённом режиме в системе Zoom. В качестве организаторов конференции выступали Институт изучения детства, семьи и воспитания Российской академии образования, Международная академия наук педагогического образования, Московский государственный областной университет, Московский педагогический государственный университет, Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина.

Новая форма проведения конференции показала, что её постоянные участники по-прежнему заинтересованы в научном общении и круг исследователей расширился за счёт как российских, так и зарубежных учёных. Около 80 лингвистов, методистов, педагогов продемонстрировали свои изыскания в области лингвистики, методики преподавания русского языка как родного и как иностранного, непрерывного развития речи дошкольников, школьников и студентов. Были представлены доклады зарубежных русистов из Венгрии, Израиля, Китая, Польши, Словакии. Российскую Федерацию представляли участники из Владимира, Владикавказа, Екатеринбурга, Елабуги, Калуги, Коломны, Москвы, Рязани, Санкт-Петербурга, Сургута, Твери, Тулы, Уфы и других городов.

Участников конференции приветствовали: Е. И. Артамонова, д. п. н., профессор, Президент МАНПО; Т. В. Волосовец, к. п. н., профессор, советник Министерства просвещения РФ; Н. В. Агре, директор Института изучения детства, семьи и воспитания РАО; М. Ю. Парамонова, к. п. н., профессор, декан факультета дошкольной педагогики и психологии МПГУ; О. В. Шаталова, д. филол. н., профессор, декан факультета русской филологии ИФИ МГОУ.

Обсуждение проблем русского языка и методики его преподавания, начатое на пленарном заседании в докладе Н. А. Герасименко «Актуальные тенденции в современной русской речи», было продолжено на заседании секции «Язык и культура речи: традиции и

© CC BY Герасименко Н. А., 2021.

перспективы. Языковая подготовка и культура речи педагога» (руководители секции: Т. М. Воителева (доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры методики преподавания русского языка и литературы, Московский государственный областной университет, академик МАНПО, г. Москва), Н. А. Герасименко (доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры современного русского языка имени профессора П. А. Леканта, Московский государственный областной университет, академик МАНПО, г. Москва), М. С. Милованова (доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания, Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина, член-корреспондент МАНПО, г. Москва).

Проблемы современной цифровой образовательной среды занимали важное место среди обсуждаемых на секции вопросов. О. Б. Акимова (Екатеринбург) проанализировала педагогическую терминологию со словом *цифровой*; М. А. Дубова (Коломна) исследовала цифровые образовательные ресурсы в языковой подготовке современных школьников. Теоретические вопросы методики преподавания русского языка в разных аудиториях и на разных уровнях обучения были обсуждены в докладах Т. М. Воителевой (Москва), М. С. Миловановой (Москва), С. А. Хамшовски (Будапешт, Венгрия), Т. В. Маркеловой (Москва), Е. М. Марковой (Москва, Ружомберок, Словакия), А. Г. Русских (Рязань) и др. Конкретный анализ языковых единиц, исследование трудных случаев функционирования современного русского языка были представлены в докладах А. Е. Ватиной (Москва), Е. П. Волковой (Москва), В. Е. Иосифовой (Калуга, Шаньдун, КНР), Ю. В. Кореневой (Москва), Л. А. Мелеховой (Рязань), М. А. Степанчикова (Москва), Ю. А. Федоровой (Москва), Т. Е. Шаповаловой (Москва), Н. В. Целиковой (Владимир) и др. Значительный интерес проявлен участниками конференции к проблемам современных словарей, которые

были подняты в докладах Н. В. Исаевой (Москва) и Т. А. Сироткиной (Сургут). Необходимость создания современных словарей профессиональной лексики для разных отраслей была поддержана всеми участниками.

Вторая секция «Дошкольное образование. Обучение родному языку: детский сад – школа» работала под руководством Г. П. Новиковой (докт. педаг. н., докт. психол. н., профессор, главный научный сотрудник ФГБНУ «ИСПО РАО», академик МАНПО, г. Москва), О. С. Ушаковой (докт. педаг. н., профессор, академик МАНПО, г. Москва), В. И. Яшиной (к. педаг. н., профессор, завкафедрой теории и методики дошкольного образования МПГУ, член-корреспондент МАНПО, г. Москва).

Заглавные доклады Е. И. Артамоновой (Москва), Г. П. Новиковой (Москва), Н. В. Агре (Москва), Христо Кучюкова (Катовице, Польша), О. С. Ушаковой (Москва), В. И. Яшиной (Москва), определяющие пути современного развития дошкольного и младшего школьного образования в Российской Федерации, прозвучали на пленарном заседании. На секции продолжился разговор о влиянии этнорегиональной ситуации на разностороннее развитие детей дошкольного возраста в рамках работы базовых экспериментальных площадок (Ф. С. Газизова, Елабужский институт Казанского федерального университета, Елабуга), активизации мышления и речи детей в процессе ознакомления с природой (О. М. Газина, МПГУ, Москва), эколого-эстетическом воспитании детей старшего дошкольного возраста средствами изобразительной деятельности (М. В. Лазарева, ЛГПУ имени П. П. Семёнова-Тян-Шанского, Липецк), влиянии произведений Л. Н. Толстого на формирование представлений о гуманных отношениях у дошкольников (Н. А. Дунаева, Тульский государственный педагогический университет имени Л. Н. Толстого, Тула), семантике словаря в развитии речи дошкольника (Н. В. Тимофеева, Ленинградский областной институт развития образования, Санкт-Петербург). Немаловажными

оказались и вопросы подготовки современного педагога, способного обеспечить инновационную деятельность в образовании и воспитании дошкольников и младших школьников. Обсуждались инновационный опыт по подготовке студентов к речевому развитию детей в рамках полилингвальной среды ДОО (Г. Ф. Шибаева, Башкирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы, Уфа), этновстреча как средство обучения иностранному языку детей дошкольного возраста (А. В. Антонова, МПГУ, Москва), коммуникативная культура как компонент профессиональной компетенции педагога (О. Г. Чугайнова, МПГУ, Москва).

В ходе обсуждения докладов выступающие отмечали актуальность поднятых на конференции проблем, необходимость объединять усилия педагогов, методистов, работников дошкольных учреждений в совершенствовании образовательного и воспитательного процессов на всех уровнях образовательной системы Российской Федерации.

Третья секция была посвящена актуальным проблемам образования. Руководители: Е. И. Артамонова (доктор педагогических наук, президент МАНПО, профессор МГОУ, академик МАНПО, г. Москва), О. Б. Широких (доктор педагогических наук, профессор, Московский социально-гуманитарный университет, академик МАНПО, г. Коломна), Н. А. Савотина (доктор педагогических наук, профессор, Калужский государственный университет имени К. Э. Циолковского, академик МАНПО, г. Калуга). На секции основное внимание уделялось взаимодействию разных сфер педагогического процесса как резерва повышения качества образования на всех его ступенях. О формировании социального интеллекта и коммуникативной компетенции говорила О. Б. Широких (МСГУ, Коломна), воспитательные резервы образовательной среды в подготовке педагога охарактеризовала Н. А. Савотина (КГУ имени К. Э. Циолковского, Калуга), совместное профессиональное взаимодействие школьного психолога с педаго-

гами в структуре общеобразовательного процесса проанализировала А. Д. Гусова (Северо-Осетинский государственный университет имени К. Л. Хетагурова, Владикавказ), о зарубежном опыте школьного образования в интеграции детей мигрантов в принимающий социум сообщила С. С. Ушакова (РАНХиГС при Президенте РФ, Москва). Много внимания было уделено подготовке педагога-профессионала, способного вести и преподавательскую, и научную деятельность, всесторонне гармонично развитого и открытого к новому. С. В. Онопченко (Луганский государственный педагогический университет, Луганск) подчеркнула важность научно-исследовательской деятельности вуза в условиях цифровой трансформации; о профессиональной мотивации педагогов как ресурсе образовательной организации говорила С. С. Сологуб (МГОУ, Москва); важную роль индивидуализации обучения в условиях применения дистанционных образовательных технологий подчеркнула Н. Н. Дубровина (МГОУ, Москва). Активное участие в работе секции принимали аспиранты, которые в докладах освещали конкретные проблемы современной педагогики и искали пути решения этих проблем. В ходе обсуждения они получили полезные рекомендации опытных профессионалов.

Международная научно-практическая конференция «Язык и актуальные проблемы образования» показала, что интегрированный подход к обсуждению проблем лингвистики, методики, педагогики позволяет по-новому увидеть нерешённые вопросы преподавания русского языка и приближает педагогическое сообщество к решению этих проблем.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Герасименко Наталья Аркадьевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры современного русского языка имени профессора П. А. Леканта Московского государственного областного университета;

e-mail: natalyger11@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalia A. Gerasimenko – Dr. Sci. (Philology), Prof., Lekant Department of Modern Russian Language, Moscow Regional State University;

e-mail: natalyger11@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Герасименко Н. А. Интеграция научных знаний в сфере филологического образования // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2021. № 2. С. 112–115.

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-2-112-115

FOR CITATION

Gerasimenko N.A. Integration of scientific knowledge in the field of philological education In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: Russian Philology*, 2021, no. 2. pp. 112–115.

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-2-112-115

КОГДА В ДУШЕ ПОЭЗИЯ ЗВУЧИТ...
ПРОФЕССОР ЛИДИЯ ПЕТРОВНА РУПОСОВА
(14.06.1941 – 29.01.2021)

*Пускай биограф учит светочи одни,
Пускай историк даты зазубрит,
Они не знают, что такое счастье,
Когда в душе поэзия звучит.*

Из стихотворного наследия
«великого русского поэта»

От нас навсегда ушёл особенный человек – жизнелюбивый, самобытный, потрясающе начитанный, с искрометными шутками и репризами, великолепный преподаватель, лекции и доклады которого на научных конференциях поражали глубиной и экспрессивностью преподнесения, – кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры истории русского языка и общего языкознания МГОУ в 1995–2015 гг. Лидия Петровна Рупосова.

Острая на язык и такая «непослушная» для всех бюрократических систем... Филологическая экзотика – сказали бы сейчас. В ней жили удивительная вера в науку и бесконечная преданность своему любимому делу – славистике. Лидия Петровна была последней настоящей носительницей этой классической области знаний в МГОУ, истоки которой находятся в трудах почтенных патриархов словесно-

сти – А. Х. Востокова, И. И. Срезневского, Ф. И. Буслаева и А. А. Шахматова. Она всегда очень дорожила старыми академическими традициями и до конца дней не расставалась с высокими культурными ценностями филологии – науки, сподвигнувшей её на учительство.

Лидия Петровна Рупосова родилась в подмосковном Зарайске и однажды вспоминала, что в их школе преподавала русский язык родственница того самого академика В. В. Виноградова, которого позднее молодая студентка увидела в стенах филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова на Моховой. Именно там у неё возник интерес к славянским языкам. Она застала цвет отечественной филологии: Н. К. Гудзия, С. М. Бонди... На филфаке Л. П. Рупосова познакомилась с будущим научным руководителем и своей путеводной звездой – тогда доцентом,

а впоследствии известным профессором Николаем Андреевичем Кондрашовым, дружбу с которым она пронесла через всю жизнь. Лидия Петровна так вспоминала о студенческом времени: «Мы только поступили на первый курс отделения славистики МГУ. Он преподавал нам введение в славянскую филологию и заставлял много читать и собирать свою библиотеку. Н. А. Кондрашов говорил нам: “Год проучились – пора читать на других языках”».

Она вспоминала, как необычно складывалась практика, в течение которой студенты записывали живой говор носителей языка и нередко попадали в непростые ситуации, из которых выходили без труда благодаря мудрости и природной смекалке их руководителя: «У нас интересно проходили диалектологические экспедиции. В 1962 г. мы ездили с Николаем Андреевичем в Закарпатье. Всего было нас восемь студентов-словакистов и четверо сербов. Принимал нас Ужгородский университет. А жили мы в деревне недалеко от границы: Н. А. Кондрашов с мальчиками в одном доме, а мы – в другом. Помню, записывали речь местных жителей, речку под Мукачево... Очень красивые места! В какой-то из дней он поехал с ребятами на разведку к границе со Словакией в деревню, а потом нас туда повёз и сказал: “Не говорите, что едем на границу”. Мы шли прямо вдоль разделительной полосы. Потом вернулись обратно в деревню. А на следующий день приехал пограничник на лошади. Говорит: “Покажите ваши каблукы! Они искали какого-то преступника... У нас всё обошлось”».

Лидия Петровна в воспоминаниях о своем учителе, пожалуй, рассказала и немного о себе: они были в чём-то похожи с Николаем Андреевичем, и это родство душ двух незаурядных славистов было налицо. Вот как она говорила: «Пятая [его] черта – честность и, как бы мы сейчас сказали, креативность мышления. Он предлагал своим ученикам очень интересные и неизбитые темы исследований. Никогда не стоял на месте. Николай Андреевич считал,

что славист должен знать языки, и вёл в МОПИ занятия по польскому и чешскому.

Конечно, отмечу его потрясающий юмор. Он мог молодым девкам сказать: “Выпейте по-старушечьи” – в этом весь Кондрашов! Он был кусачий – прямо говорил о человеке.

Ещё одна редкая черта Николая Андреевича как человека и учёного такая: он был очень надёжным во всём. Если у меня случалось какое-то несчастье или надо с кем-то посоветоваться, ему всегда можно было довериться. Он никогда не предаст»¹.

За ним она перешла в МОПИ имени Н. К. Крупской и проработала у нас 50 лет, с 1965 г., вначале на кафедре немецкого языка факультета иностранных языков, затем на кафедре русского языка и позднее, после реформирования вуза, на новой кафедре истории русского языка и общего языкознания факультета русской филологии.

Тема кандидатской диссертации Л. П. Рупосовой «Русско-словацкие языковые связи: на материале словацкого литературного языка» (М., 1969) была новаторской и подтверждала идеи Н. А. Кондрашова и других учёных об особом статусе этого языка, его культурных параллелях с родственными славянскими письменностями.

Лидия Петровна и в науке всегда шла своим путём: искала и находила нетривиальные темы, могла загореться любой интересной идеей и тут же размышлять об этом – только успевай записывать (дома у неё была хорошая профессиональная библиотека слависта). Поражает разнообразие и широта её исследовательских поисков: от истории русского литературного языка и народной культуры западных славян до ономастики, этнолингвистики, изучения названий минералов и планет, языка художественной литературы, концептологии и

¹ Подробнее см.: Н. А. Кондрашов: педагог, учитель, личность: штрихи к портрету слависта // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 5. С. 211–212.

грамматики, от эстетики текста до средневековой письменности и анализа мифопоэтических традиций... Достаточно упомянуть её работы, опубликованные в МГОУ в недавние годы, чтобы понять смысл педагогической и научной деятельности Лидии Петровны: «Концепт “синтаксис” в логиках и грамматиках конца XV–XVIII вв.» (Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2010. № 3. С. 28–33), «*Homo sapiens* в источниках отечественного средневековья» (Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2011. № 1. С. 24–28), «История междуславянского языка» (Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2012. № 1. С. 51–56), «Русины и русинский язык: история и современность» (Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2012. № 3. С. 91–96), «Артионимы и экфрасизы как элементы языковой игры в романе И. Ильфа и Е. Петрова “Золотой телёнок”» (Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2013. № 3. С. 1–11). Во всех трудах чувствуется её удивительная языковая личность: полемичная, по-академически разборчивая, знающая источники и влюблённая в сюжеты своих научных «рассказов».

На книжных полках дома лежат несколько сшитых «тетрадей» её учебных пособий: «Сборник задач и упражнений по введению в языкознание» (М.: Просвещение, 1985; 1991), написанный вместе с Н. А. Кондрашовым и Л. Ф. Копосовым; «Формирование терминологии гуманитарных наук в русском литературном языке» (М.: МОПИ имени Н. К. Крупской, 1987); «Историческая грамматика русского языка. Историческая лексикология. Часть II. (Московский период)» (М.: МОПИ имени Н. К. Крупской, 1990), подготовленные в соавторстве с Э. Н. Болониной и Н. А. Кондрашовым, и некоторые другие.

Последней её книгой стало учебное пособие «Введение в славянскую филоло-

гию» (М.: ИИУ МГОУ, 2008), написанное в содружестве с С. И. Щербиной. Для неё это была родная стихия, которую она знала искони и могла почти надиктовывать имена, параграфы книг, события в мире филологии, помнила наизусть тексты на славянских языках.

Лидия Петровна всегда откликалась на новые темы – видела здесь своего рода шахматную партию – одолеет соперника или нет (только этим *alter ego* являлась она сама). Удивительно, но ей по силам были любые филологические повороты и препятствия. Так, очень интересны её наблюдения на тему «Структурность и лексическая содержательность публицистических источников периода Великой войны (1914–1915 гг.)», включённые в коллективную монографию «Первая мировая война в художественно-эстетическом осмыслении современников» (М.: ИИУ МГОУ, 2016. С. 70–111).

На занятиях она как бы размышляла со студентами, сама проговаривала стихи для анализа, слушая их ритмику, и отчаянно пыталась научить нас понять, где же находится та самая «петля Жирмунского». Этот предмет назывался «Лингвистический анализ художественного текста»: море эмоций, живой эксперимент, которым она хотела разбудить юных филологов, привыкших к морфемам и аористам, а здесь нужно было развивать в себе чувство языка – видеть его дух сквозь строки поэтических образов.

А ещё любимые ею «ИРЛЯ» (так она называла «Историю русского литературного языка»), которая по-рупосовски приобретала новые грамматические признаки: *ИРЛЁЙ*, на *ИРЛЮ*, – «Введение в славянскую филологию», «Лингвистическое краеведение», «Введение в теорию коммуникации»... И недавно включённая в план «Психолингвистика» её профессионально интересовала как наука, где можно *творить*. Она даже составила свой сайт: <http://ruposova-lidiy.narod.ru>. Он был предназначен для студентов и содержал программы указанных курсов, хотя ей это было сделать непросто.

Особенно любила работать Лидия Петровна по субботам с заочниками. Это был её мир вечно суетливых, таких обходительных, порой надоедливых (но это ей, напротив, нравилось), любознательных и очень непосредственных слушателей, из которых она лепила филологов.

Её лекции были необычны и по стилю изложения, и по содержанию. Л. П. Рупосова, подобно философам-славистам XIX в., разговаривала со студентами и удивляла их историями из мира науки, редкими именами, которых не найдёшь в учебниках, своими парадоксами и «теоремами». Это не было похоже на стандартные лекции «под запись», где всё четко разложено по полочкам. Она в один миг могла выдать какой-нибудь необычный сюжет, задать оригинальный вопрос, спросить почти по-кондрашовски: «Что вы читали?», – иронически улыбнуться и пожурить.

Какой мы её запомнили?..

Бесконечно обаятельной в своём чувстве слова и иронии. Ко всему – к новым модным течениям в науке, которые она неохотно признавала, но всегда ими интересовалась; к образам в литературе как источнику развития филологического вкуса; к безбрежному миру поэзии и природы... К любви, которой ей так не доставало... Это часто проявлялось даже на бытовом уровне общения: к рядовому студенту, аспиранту или лаборантке кафедры она могла обратиться в зависимости от настроения со своим неизменным «дева» или «дефка».

Она окружала себя интересными людьми, часто ездила на конференции и была там первой среди равных. Ей нравился этот исследовательский «ажиотаж»: сборы, дискуссии, поездки по памятным местам, встречи с коллегами из разных городов – они её все давно знали и любили. Там Лидия Петровна раскрывалась и блистала метафорами, щедро раздавала советы и была готова всем помогать – просто так.

При внешней шумности (вокруг неё всегда было много студентов, преподавателей, она не пропускала студенческих

праздников, вечеров встречи выпускников...), мне всегда казалось, что Лидия Петровна – очень одинокий человек. Оттого непонятная для некоторых «колкость ума» и строптивость характера, прямота душевных чувств и какая-то непохожесть на мир успешных людей, у которых всё сложилось так, как надо: семья, дом, дети... Кому-то с ней было непросто. Для нас, всех, кто её любил, эти крапинки её противоречивой темпераментной натуры превращались в россыпи старинных золотых монет. Каждая из них – словесный самородок, необыкновенная стилистическая фигура, антитеза или, напротив, высокий славянизм. Ей были подвластны все жанры и формы речевого выражения. Она была украшением наших филологических застолий и даже гордилась тем, что может выдать «эдакое».

Особенно она любила выступать на Дне славянской письменности, к которому готовила каждый раз новое произведение. Последние годы у неё получались грустные, с элегической интонацией стихи. В них всё ещё бурлила кровь мятежной наследницы былых времён:

*Не верьте, большие слависты,
Что всё, что вы сделали, – даром!
Что духом объаты нечистым
Славяне под чёрным пиаром.*

*Что главное в жизни дензнаки
Любою ценой, побыстрее...
Пока не закрыты филфаки
Жива всеславянства идея!!!*

Она тихо ушла из университета, никогда не жаловалась на обычную пенсию и лёгкие земные заботы (мы, её коллеги, кто имел совесть видеть это, по мере сил помогали и навещали Лидию Петровну), любила слушать университетские новости и вообще была в курсе всех современных событий. Подумать только, она выписывала «Новую газету»! Читала детективы на досуге и страстно смотрела биатлон. Изредка выходила на крыльцо своего небольшого уютного домика в Клязьме...

Обычные некрологи начинаются перечислением «заслуженностей», трудов и с набившего оскомину словосочетания «вклад в науку». В этом мы постарались сказать больше о человеческой душе, отчасти в чём-то нераскрытой и непонятой, но искренней, ранимой, живой, светлой и вдохновенной – недаром на наших капутниках она себя в шутку называла «великий русский поэт».

Её стихотворные миниатюры, написанные на клочках бумаги, как потрёпанные временем берестяные грамоты, были рассеяны когда-то по улицам и площадям древнего посада литфака МОПИ–МПУ–МГОУ, а затем, спустя годы, почти заживо погребены под толщей песка земного беспамятства. Они чудом сохранились в наших воспоминаниях и редких архивных находках, которые по силам разыскать только «знатоку уставов монастырских».

*Среди однообразных серых буден
Приходит творчества высокий час.
Но главное, что рядом оказались люди
Из тех, кто не обманет, не предаст...*

Лидия Петровна обожала непоказное творчество, ценила дружбу, не любила подхалимства, могла прямодушно, не таясь, сказать всё, что накопилось на душе, и тут

же быстро отходила. Она неистово спорила, признавала тех, кто «глубоко копает», обладала действительно очень широкими знаниями по истории славистики (владела несколькими языками), была знакома с выдающимися лингвистами (например, с академиком О. Н. Трубачёвым) и вхожа в их дома не ради карьеры... Собственно, карьерой она никогда и не занималась, хотя написала докторскую диссертацию и могла её успешно защитить... Она жила для своих аспирантов, воспитывала незнаек-студентов, не раз дерзила начальству – была яркой, независимой, со своими принципами, и всегда знала цену настоящей личности.

Думается, что о Лидии Петровне Рупосовой можно было бы написать целый рассказ или даже сочинить по её художественным интонациям небольшую повесть или поэму – настолько характерной и неповторимой она была. Она выделялась в любой учёной среде, и каждому филологу, встретившемуся на её пути, могла найти меткое определение и поставить его в нужный ряд, потому что видела человека насквозь. У неё были своё высокое предназначение в жизни и гордая, чувствительная, благородная душа, не закрытая для благодати Святого Духа.

Вечная ей память!

Никитин Олег Викторович

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Никитин Олег Викторович – доктор филологических наук, профессор кафедры истории русского языка и общего языкознания Московского государственного областного университета;
e-mail: olnikitin@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Oleg V. Nikitin – Dr. Sci. (Philology), Professor, Department of History of the Russian Language and General Linguistics, Moscow Region State University;
e-mail: olnikitin@yandex.ru

[illegible]

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г.

Сегодня Московским государственным областным университетом выпускается десять научных журналов по разным отраслям науки. Журналы включены в Перечень ВАК (составленный Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки РФ Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук). Журналы включены в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатные версии журналов зарегистрированы в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Полнотекстовые версии журналов доступны в интернете на сайте Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru), а также на платформах Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru) и Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ
2021. № 2

Над номером работали:

Литературный редактор Е. В. Доценко
Переводчик И. С. Шаповалов
Компьютерная вёрстка – В. А. Кулакова
Корректор И. К. Гладунов

Отдел по изданию научного журнала
«Вестник Московского государственного областного университета»
Информационно-издательского управления МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 доб. 6101
e-mail: info@vestnik-mgou.ru
сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».

Тираж 500 экз. Усл. п.л. 7,5, уч.-изд. л. 9,5.

Подписано в печать: 28.04.2021. Дата выхода в свет: 30.04.2021. Заказ 2021/04-01.

Отпечатано в ИИУ МГОУ

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А